

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУ ВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

**МАХСУТШОЕВА НАЗАРБЕГИМ МОЁНШОЕВНА
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ЛЕКСИКО-
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО
И ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКОВ**

Специальность 5.9.8 – теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шамбезода Х. Дж.

Душанбе – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	9
1.1 История становления лингвокультурологии.....	9
1.2 Становление когнитивной лингвистики.....	18
1.3 Понятие <i>концепт</i> . Основные виды концепта.....	24
1.4 Языковая картина мира как отражение восприятия действительности и менталитета народа.....	32
1.5 Различные подходы к изучению концепта.....	36
Выводы к первой главе.....	39
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	41
2.1. Отражение концепта «Женщина» в лексике русского языка (на материале словарей)	41
2.1.1 Репрезентация концепта «Женщина» по возрасту.....	42
2.1.2 Репрезентация концепта «Женщина» по семейному статусу.....	47
2.1.3 Репрезентация концепта «Женщина» по социально-семейному статусу.....	45
2.1.4 Слова, репрезентирующие тип кровных родственных отношений.....	51
2.1.5 Слова, репрезентирующие некровное родство женщин.....	53
2.1.6 Слова, определяющие принадлежность женщины к социальным слоям.....	57
2.2 Отражение концепта «Женщина» в фразеологии и поговорках русского языка.....	59
2.2.1 Отражение концепта «Женщина» в поговорках русского языка.....	61
2.2.2 Отражение концепта «Женщина» в фразеологии русского языка.....	68
Выводы к второй главе.....	88
ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	89

3.1 Отражение концепта «Женщина» в лексике шугнанского языка (на материале словарей)	89
3.1.1 Репрезентация концепта «Женщина» по возрасту	90
3.1.2 Репрезентация концепта «Женщина» по семейному статусу	94
3.1.3 Репрезентация концепта «Женщина» по социально-семейному статусу	95
3.1.4 Слова, репрезентирующие тип кровных родственных отношений	96
3.1.5 Слова, репрезентирующие некровное родство женщин	102
3.2 Отражение концепта «Женщина» в фразеологии и поговорках шугнанского языка	104
3.3 Ядерные и периферийные семантические компоненты концепта «Женщина»	115
3.4 Сопоставительный анализ репрезентации концепта «Женщина» в лексико-фразеологической системе шугнанского и русского языков	122
Выводы к третьей главе	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	140

Введение

Начиная с 30-х гг. XX века образ женщины и средства его объективации в языке находятся в центре внимания лингвистов. Концепт «Женщина» относится к числу универсальных категорий, так как представлен во всех языках мира, однако само понятие складывается в рамках конкретной культуры, в силу чего и наделяется национальной спецификой.

Актуальность данной работы обусловлена интересом современного языкознания к проблеме отражения в языке основных концептов национальной концептосферы, важностью разработки лингвокогнитивной методики исследования и описания языкового сознания, в том числе группового. Безусловный интерес представляют, на наш взгляд, русская и шугнанская языковые картины мира, имеющие универсальные и специфические признаки. Вместе с тем, в памироведении не проводились исследования концепта «Женщина» как в шугнанском языке, так и в сопоставительном плане с русским языком. Наше исследование проводится в рамках антропоцентрической научной парадигмы, которая стала актуальной в исследовательской деятельности, потому что вывела на первое место человека с его сознанием.

Цель работы – описание концепта «Женщина» как фрагмента русской и шугнанской языковых картин мира, анализ его национально-культурных содержательных компонентов, выявление особенностей коннотативной семантики языковых единиц сопоставляемых языков, обусловленной культурными и общественными стереотипами их носителей.

Реализация поставленной цели достигается путем решения следующих **задач**:

- 1) определить теоретические подходы к рассмотрению концепта и основные базовые понятия, связанные с ним;
- 2) выявить языковые средства объективации концепта «Женщина» в русском и шугнанском языках;

- 3) провести лингвистический анализ семантики языковых единиц, репрезентирующих концепт;
- 4) выявить особенности содержания и структуры концепта «Женщина» в разных возрастных и социальных группах носителей языка;
- 5) определить лингвистическую и национально-культурную специфику данного концепта в русской и шугнанской языковых картинах мира.

Объектом исследования являются русская и шугнанская языковые картины мира и её определенный фрагмент – концепт «Женщина».

Предмет исследования – обширный комплекс языковых единиц разных уровней, репрезентирующих концепт «Женщина» в русском и шугнанском языках, их смысловое содержание.

Материалом для исследования послужили русские и шугнанские лексико-фразеологические единицы, отражающие концепт «Женщина» зафиксированные в таких лексических и фразеологических источниках, как трехтомный «Шугнанско-русский словарь» Д. Карамшоева, Корпус шугнанского языка (Pamiri online), «Краткий словарь фразеологизмов шугнанского языка и их эквивалентов в русском языке» Ш. Мирзоева, «Советы и мудрость народов Бадахшана» Н. Чонбабаева, «Фольклор народов Памира. Пословицы и поговорки населения Шугнана и Рушана», Фольклор Памира. Мифы, легенды и сказания» Н. Шакармамадова, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, Национальный корпус русского языка (НКРЯ), «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Пословицы русского народа» В. М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, «Русские пословицы и поговорки» В. Аникина.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в отечественной лингвистике дано описание когнитивной структуры русского и шугнанского концепта «Женщина», выявлены и рассмотрены в сопоставительном плане когнитивные признаки, составляющие содержание рассматриваемого концепта в русском и шугнанском языках. Впервые проведен системный анализ концепта «Женщина», дана подробная характеристика его статуса и структуры в классификации концептов, выявлены в сопоставительном плане национальные

стереотипы восприятия образа женщины, отражающие основные жизненные ценности, особенности менталитета носителей шугнанского и русского языков.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов в дальнейших исследованиях в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, антропологической лингвистики, гендерной лингвистики, теории межкультурной коммуникации. Результаты исследования могут быть использованы также в разработке языковых моделей культурно значимых концептов как сложных неоднородных явлений. Выводы работы могут внести вклад в дальнейшее изучение лингвокультурных и лингвокогнитивных особенностей языкового пространства бесписьменных языков.

Практическая значимость выполненной работы состоит в возможности использования результатов диссертации в области лексикографии и лексикологии, при составлении страноведческих словарей, в лекционных курсах по лингвострановедению, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике.

Теоретической и методологической базой исследования послужили положения, представленные в работах таких, русских, зарубежных и таджикских учёных как: Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, В.Н. Телия, В.А. Маслова, а также труды по языковым картинам мира Е. С. Яковлевой, Б.А. Серебренникова, В.И. Постоваловой, С.А. Васильева и др. В таджикском языке это труды М.Б. Давлатмировой, Н.И. Каримовой, З.А. Гуловой, М.М. Имомзода, Н.К.Бойматовой, Ш.К. Фазиловой и др.

Методы исследования. В диссертации используется комплексный метод лингвистического анализа, включающего анализ источников по проблеме исследования, описательный метод, метод интерпретации словарных дефиниций, концептуальный анализ, прием культурно-фонического сопоставления данных. В основу отбора фактического материала положен формально-семантический принцип, т.е. семантическая ориентированность в контексте на лицо женского пола.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование концепта «Женщина» в русском и шугнанском языках позволяет охарактеризовать его как имеющего универсальные и специфические национально-культурные свойства. Данный концепт относится к ядру языкового сознания, структурируется по одним и тем же смысловым областям и имеет отличительные содержательные признаки, связанные с различием культур.

2. Анализ русских и шугнанских репрезентаций концепта «Женщина» даёт основания для выявления характеризующих каждую этнокультуру национально-культурных ценностей.

3. Концепт «Женщина» в обоих языках имеет сложную структуру, репрезентированную различными лексемами и фразеологическими единицами, обозначающими женщину.

4. Единицы языка, репрезентирующие концепт «Женщина» в пространстве шугнанской и русской лингвокультур, помимо национально-культурной специфики, обладают свойствами образности, оценочности, эмотивности, антропометричности, что даёт возможность дать всестороннее описание их гендерно маркированной семантики.

5. Плотность компонентов концепта «Женщина» свидетельствует о его высоком статусе с позиций системы ценностей, которые значимы в культуре и обществе. Для носителей шугнанского языка более ценны такие концептуальные аспекты, как: *хранительница домашнего очага, положительная роль матери в жизни ее детей, женская доброта, а также терпимость и выносливость*. В сознании носителей русского языка более значимы следующие концептуальные аспекты: *женская скромность, женщина с точки зрения отношений с мужем, женская доброта, выносливость и покорность женщины*.

6. Структурные элементы шугнанского и русского вариантов концепта «Женщина» в основном совпадают, однако сопоставительный анализ понятийного, образного и ценностного компонентов концепта позволяет говорить о наличии, помимо ряда общих характеристик, значительного количества отличительных черт, обусловленных национально-культурной спецификой рассматриваемого концепта.

Степень достоверности результатов исследования и апробация работы.

Достоверность результатов исследования обусловлена широким кругом изученных источников и привлеченного языкового материала, а также теоретической базой исследования и применением комплексной методики анализа. Основные результаты научного исследования, теоретические положения и выводы обсуждались на заседаниях кафедры теоретического и прикладного языкознания (2019– 2022); были представлены в виде докладов на различных конференциях (международная научно-практическая конференция «Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан», посвященная 30-летию независимости РТ и 25-летию РТСУ, 2021г.; Традиционная научно- практическая конференция «Славянские чтения, 2019-2022), ежегодных круглых столах, организованных кафедрой теоретического и прикладного языкознания РТСУ («Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития лингвистики», 2021).

По теме диссертации опубликованы 5 статей, 4 из которых– в рецензируемых периодических изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки России.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 167 наименования. Общий объем работы составляет 153 страницы компьютерного набора.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1 История становления лингвокультурологии

Становление лингвокультурологии как науки связано с развитием сравнительно-исторического языкознания. Уже в начале XVIII века отечественные и зарубежные авторы, которые занимались разными аспектами языкознания, высказали свои взгляды на объект этой науки, что способствовало формированию понятия «лингвокультурология» и развитию этой дисциплины в 20-21 веках. В начале 19 века немецкими учёными Вильгельмом фон Гумбольдтом, а также братьями Гримм исследовалась взаимосвязь между языком и культурой. Одним из наиболее авторитетных ученых в Германии считался Вильгельм Фон Гумбольдт, который, по существу, разработал базовые понятия лингвокультурологии. Он был одним из первых, кто исследовал «философию языка», проблему «язык и мышление», дал основания для формирования лингвокультурологии, социологии языка и этнолингвистики. Он считал, что все языки развиваются по-своему, и культура отражается, прежде всего, в языке. По существу, Гумбольдт был первым ученым, который выдвинул концепцию «языковой картины мира»: «Каждый язык содержит в себе самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встаёт между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живёт с предметами так, как их преподносит ему язык изнутри себя» [Гумбольдт, 1984: 80].

Данное наблюдение Гумбольдта считается чрезвычайно важным для формирования теоретических основ в лингвокультурологии. Как и в Германии, во Франции работали не менее известные ученые, такие как Фердинанд де Соссюр и его ученики Шарль Балли и Альбер Сеше, которые так же внесли большой вклад в

становление и развитие лингвокультурологии. Еще одним известным лингвистом, которого следует отнести к числу основоположников этой науки, можно назвать Эмиля Бенвениста. В своей книге «Общая лингвистика» Э. Бенвенист совместил изучение словаря, лексики языка с анализом истории и культуры: «Мы только начинаем понимать, какой интерес представляло бы точное описание истоков словаря современной культуры» [Бенвенист, 1974: 386]. Следует подчеркнуть, что он обратил внимание не только на лингвистику, но и на связь между языком и культурой. Э. Бенвенист впервые рассмотрел и понятие «дискурс», которое обозначает во французском языке «речь вообще».

Сравнительно-исторический метод оказал влияние не только на лингвистику, но и на другие, смежные дисциплины. Люсьен Леви Брюль французский, мыслитель и философ, исследовал природу мышления человека, культурную обусловленность мыслительной деятельности человека. Его труды оказали большое влияние на исследование мышления первобытного и современного человека. «Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [Маслова, 2001:62].

В XX веке каждый лингвист неизбежно затрагивает связь между языком и культурой. Эдвард Сепир, лингвист из США, писал, что язык возник до культуры. Язык и культура взаимосвязаны. Язык не может существовать вне культуры. По сравнению с культурой, язык обладает способностью к аккумуляции. Он аккумулирует культуру и передает её следующим поколениям. «Культура – это социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни, ценностный отбор, осуществляемый обществом» [Сепир, 1993:185]. Сепир считал, что словари являются носителями развитой культуры. В словаре наглядно прослеживается изменение языка: вышедшие из употребления старые слова, появление новых слов, а также заимствование слов из других языков. Подобные изменения в языке связаны с историей народа и его культурой. Школа Сепира-Уорфа как представителя

неогумбольдтианства уделяла внимание значительной зависимости мышления от языка. По гипотезе Сепира-Уорфа, язык определяет нормы мышления и поведения и формы культуры. Данная гипотеза в лингвистике получила название «власть языка». Идеи Сепира оказали большое влияние на дальнейшее развитие лингвокультурологических исследований.

Все идеи западноевропейских ученых по лингвокультурологии получили развитие в 60-70 годах 19 века в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и других русских ученых. Так, Фёдор Иванович Буслаев в середине 19 века высказал идею о том, что мысль функционирует посредством языка, языку свойственно отражать мысль нации, языкового коллектива в целом. Ф.И. Буслаев сосредоточился на внутренней связи между языком и мышлением, между языком индивида и языком социума. В свою очередь, на состояние социума накладывают отпечаток особенности культуры.

Ещё один известный русский лингвист Г.О. Винокур, специалист по русистике и общему языкознанию, профессор МГУ, идеи которого значимы для становления лингвокультурологии, уделял большое внимание проблеме взаимодействия языка и культуры: «Всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур, 1959: 211]. В своей книге «Избранные работы по русскому языку» ученый высказал свои суждения по проблеме связей между языком и культурой. Г.О. Винокур обращается к фактам становления и развития языка, он неоднократно подчёркивает в своих трудах, что язык является важным составляющим компонентом в истории народа. Он считал, что язык, культура и история – триада, они неразделимы.

В последнем десятилетии 20 века и в России лингвокультурология как гуманитарная дисциплина получила широкое развитие. Именно в настоящее время она приобрела много сторонников и продолжает вызывать в среде учёных-лингвистов большой интерес. Особенно значительны в этой области исследования таких российских ученых, как В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.В. Воробьёв, В.А. Маслова, Н.И. Толстой, Е.А. Яковлева и др. Каждый из них дал определение

лингвокультурологии. По мнению В.Н. Телии, «лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия,1996: 122]. В.Н. Телия определяет лингвокультурологию на основе статуса её в научной парадигме. В этом же аспекте определяет данную дисциплину и В.А. Маслова: «Лингвокультурология–продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике» [Маслова, 2001: 8].

В.Н. Телия и В.А. Маслова неоднократно подчёркивали в своих работах, что лингвокультурология возникла на основе триады «**язык – культура – человек**». Тем не менее, во взглядах этих учёных есть и расхождения. В.Н. Телия считает лингвокультурологию результатом синхронического совмещения (синкретизма) методов и дисциплин: «Лингвокультурология – часть этнолингвистики, посвященная изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия, 1996:217]. Учёный предпочитает исследовать взаимодействие языка и культуры в ее современном состоянии, без оглядки на историю развития проблемы.

Данную позицию разделяют не все исследователи. Большинство считают, что лингвокультурология – это совершенно самостоятельная научная дисциплина. По мнению В.А. Масловой, «современная этнолингвистика рассматривает лишь те элементы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами, кроме того, она оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса. Лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры» [Маслова, 2001: 11] .

Существуют некоторые разногласия относительно того, что есть нечто общее, что объединяет различные концепции по поводу определения статуса лингвокультурологии. Например, все учёные рассматривают лингвокультурологию как результат взаимодействия языка и культуры, закрепившиеся друг в друге. Как пишет В. В. Красных, это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе она непосредственно связана с изучением

национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментального комплекса» [Красных, 2002:12]. В.В. Воробьёв отмечает, что «лингвокультурология – это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке» [Воробьёв, 2000:47].

По определению В.А. Масловой, «лингвокультурология– это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии. Эта дисциплина – не простое «сложение» лингвистики и культурологии, а новое самостоятельное направление, которое следует углублённо исследовать. Такое исследование предполагает, прежде всего, анализ основных этапов становления и развития той системы взглядов, которая получила название «лингвокультурология»» [Маслова, 2007: 31].

Периодизацию лингвокультурологии затрудняет то обстоятельство, что с начала её появления как самостоятельной науки прошло относительно немного времени. Представляется рациональным выделить два периода в развитии лингвокультурологии:

первый период – предпосылки развития этой науки (труды В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и др.);

второй период – оформление лингвокультурологии как самостоятельной области исследований.

Динамика развития науки позволяет прогнозировать ещё один – **третий период**, на пороге которого мы сейчас находимся: появление фундаментальной междисциплинарной науки – лингвокультурологии.

В лингвокультурологии выделяет несколько направлений:

1. Лингвокультурология **отдельной социальной группы**, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. **Диахроническая** лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определённый период времени.

3. **Сравнительная** лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. **Сопоставительная** лингвокультурология, которая только начинает

развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами, наиболее интересной из них является работа М.К. Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка», в которой особенности французского менталитета изучаются с позиций носителя русского языка и культуры [Голованивская, 1997: 54].

5. Лингвокультурная **лексикография**, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [Маслова, 2001: 28-29].

По мнению В.А. Масловой, главным является последняя: «изучение характера взаимодействия языка и культуры становится достаточно продуктивным» [Маслова, 2001:30]. Однако в настоящее время появилось огромное количество работ, охватывающих проблемы сопоставительной лингвокультурологии, и именно в данном аспекте выполнено и наше исследование. Сопоставительная лингвокультурология обретает все большую популярность и значимость в связи с усилением миграционных процессов и глобализацией, созданием совокупности межкультурных ценностей, обусловленных расширением межнациональных связей.

Достаточно перспективным также признаётся фразеологическое направление, которое преимущественно представляет В.Н. Телия и её ученики. В.А. Маслова в своей книге «Лингвокультурология» систематизировала взгляды ученых, выделив 4 лингвокультурологических школы, сложившихся в XX веке в Москве.

В.Т. Клоков выделяет девять направлений лингвокультурологических исследований, основанных на семиотическом подходе к отношениям языка и культуры:

«Первое направление изучает значения лексических знаков, грамматических категорий, лексических и грамматических структур. Оно связано с общественно полезной информацией, которая фиксируется в языке как в семиотическом коде.

Второе направление связано с *языковой номинацией*, то есть со способностью языка зафиксировать знания человека о мире с помощью языковых

знаков. В лингвокультурологическом плане интересным становится изучение ассоциаций и аналогий, которые лежат в основе образования языковых знаков метафорическим и другими способами.

Третье направление связано с изучением того, как с помощью языка, то есть семиотического кода, хранится и передается информация.

Четвертое направление связано с устройством и функционированием речевой системы. В рамках лингвокультурологии большой интерес проявляется к так называемым фоновым знаниям, которые представляют собой совокупность дополнительной информации у носителей языка об объектах действительности.

Пятое направление связано с изучением особенностей фиксации в речевой системе общественно полезной информации. Для современной лингвокультурологии важными являются вопросы речевых жанров, в которых фиксируются законы построения речевых произведений и наполнения их соответствующим языковым материалом в зависимости от темы и условий высказывания.

Шестое направление связано с передачей культурной информации в обществе. Лингвокультурологию здесь особенно интересуют такие способы передачи культурной информации, которые стали ритуальными.

Седьмое направление касается объема культурной информации, заключенной в языке как идиоме. Здесь имеется в виду, что отдельные общественные формирования с точки зрения культуры формируются в этносы, в рамках которых исторически складывается особая национальная картина мира, а язык этого этноса вбирает в себя информацию об этой картине мира, то есть отражает и закрепляет отработанные историческим опытом народа реалии, абстрактные понятия и др.

Восьмое направление касается вопросов фиксации в этноязыке культурной информации. С этой точки зрения в орбиту лингвокультурологических исследований попадают вопросы формирования и функционирования в обществе профессиональных жаргонов, диалектов и говоров, национальных вариантов языка (вариантов единого языка, обслуживающих различные национальные группы), а

также вопросы создания общенационального языка, его народно-разговорной и литературно-письменной форм.

Девятое направление касается вопросов хранения и передачи культурной информации с помощью идиом. В рамках лингвокультурологического состояния наблюдаются разного рода взаимовлияния как на уровне культур, так и языков» [Клоков, 2000: 60-67].

Г.Ю. Богданович в книге «Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии» высказал предположение, что в настоящее время формируется ещё одно, новое направление лингвокультурологии – **полингвокультурология**, или **мультилингвокультурология** [Богданович, 2002:28].

Лингвокультурология как самостоятельная дисциплина на современном этапе своего становления имеет сложный объект изучения – взаимодействие языка и культуры. В. А. Маслова отмечает, что лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и ответить на ряд вопросов:

- «1) как культура участвует в образовании языковых концептов;
- 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
- 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим, и как они влияют на речевые стратегии;
- 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы (под культурно-языковой компетенцией понимается естественное владение языковой личностью процессами речи порождения и речи восприятия и владение установками культуры);
- 5) каковы концептосферы, а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры;

б) как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы – антропологической, или антропоцентрической» [Маслова, 2001: 31-32] .

З.К. Сабитова, обобщая труды ученых-лингвокультурологов, выделила следующие задачи этой научной дисциплины:

1) «выявление культурной семантики языковых единиц в их функционировании, отражающем культурно-национальную ментальность носителей языка» [Телия, 1999 :14];

2) описание языковой картины мира – совокупности знаний о мире, запечатленной в языке;

3) описание сквозь призму языка концептосферы (совокупности основных концептов данной культуры), культурного пространства, дискурса и культурного фона коммуникативного пространства [Красных, 2002:14];

4) выявление в языке «древнейших представлений, соотносимых с культурными архетипами» [Красных, 2002:13]

5) характеристика языковой личности как носителя национальной лингвокультуры;

б) описание языкового сознания как «одного из самых сокровенных уголков культуры» [Алефиренко, 2006 :11];

7) выявление национальных социокультурных стереотипов речевого общения и др.» [Сабитова, 2015:11].

А также в рамках осмысления ценностей в языке лингвокультурология предлагает рассматривать ценностную картину мира. В языке при изучении ценностной картины мира лингвокультурологи изучают следующие положения:

«- ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части;

- ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными

кодексами, общепринятыми суждениям здравого смысла, типичными фольклорными сюжетами;

- в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке;

- ценностная картина в рамках одной языковой культуры представляет собой неоднородное образование, поскольку у разных социальных групп могут быть различные ценности;

- ценностная картина мира существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании» [Карасик, 1996:5].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: лингвокультурология связана не только с изучением языка и культуры, но и с отражением культуры и мышления в языке. Главным объектом исследования в лингвокультурологии является народное мировоззрение, мышление, культурные ценности и их отражение в языке. Лингвокультурология всё больше осознаётся как самостоятельное научное направление лингвистики. «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в неё, развивается в ней и выражает её» [Маслова, 2007: 9]. Вместе с тем очевидна её тесная связь со многими дисциплинами, близкими ей по задачам и объекту изучения.

Проблема научного статуса лингвокультурологии неразрывно связана с непрекращающимися дискуссиями относительно её места в ряду смежных гуманитарных дисциплин. Действительно, лингвокультурология появилась на стыке смежных дисциплин, которые вместе решают проблему взаимосвязи языка, культуры и этноса.

1.2 Становление когнитивной лингвистики

По мнению Е. С. Кубряковой, «в настоящее время непосредственно возрастает роль когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла, происходит утверждение мнения о ней как о системообразующей дисциплине – наряду с психологией – а значит, и разъяснение ее особого места в когнитивной

парадигме научного знания в целом. Это объясняется спецификой роли когнитивной лингвистики абсолютно во всех процессах категоризации и концептуализации мира, осуществляемых людьми в научной деятельности» [Кубрякова, 2012: 36].

В лингвистике принято отсчитывать возникновение когнитивной лингвистики от научной конференции в Дуйсбурге (ФРГ, 1989 г.), где было объявлено о создании ассоциации когнитивной лингвистики, и она стала, таким образом, отдельным лингвистическим направлением [Попова, Стернин, 2007]. Когнитивная лингвистика в России получила официальное признание в начале 90-х годов. Зародилась она в рамках когнитивизма. Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ним связаны. Он исследует процессы знания и познания восприятия мира в процессе деятельности людей. Известный американский лингвист Н. Хомский писал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума/ мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно к когнитивным состояниям: знания, понимания и интерпретации, верований и т. п.» [Chomsky. Цит. по: Киров, 2003:243]. Язык в большей степени, чем когнитивная лингвистика, не противоречит структурному подходу в языкознании, и, более того, в некоторой степени она его использует. Процессы, связанные со знанием и информацией, называются когнитивными, или когнициями. Их синонимами являются слова *интеллектуальный, ментальный, рассудочный*. К числу важнейших принципов когнитивизма относится трактовка человека как действующего, активно воспринимающего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, программами, планами и стратегиями. В когнитивизм, с точки зрения специальной науки, включаются несколько наук, а именно: когнитивная психология, культурная антропология, моделирование искусственного интеллекта, философия, нейронаука, лингвистика и т.д. Что нового приносит когнитивизм? «Когнитивизм делает заявку на метод серийного, если угодно, «промышленного» решения задач о человеческой мысли» [Демьянков, 1994:17-33].

Сегодня термином «когнитивизм» принято называть:

- «- программу исследований человеческого «мыслительного механизма»;
  - изучение переработки информации, приходящий к человеку по разным каналам;
  - построение ментальных моделей мира;
  - устройство систем, обеспечивающих разного рода когнитивные акты;
  - понимание и формирование человеком и компьютерной программой мыслей, изложенных на естественном языке;
  - создание моделей компьютерной программой мыслей, изложенных на естественном языке;
  - создание модели компьютерной программы, способной понимать и продуцировать текст;
  - широкий спектр психических процессов в структуре мыслительных актов»
- [Маслова, 2008: 21].

А сама когнитивная наука стала рассматриваться как наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу. В задачи когнитивной науки «входит изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова, 2012: 8–9].

По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика исследует не только язык, но и когницию (познание, мышление, познавание), на базисном уровне категоризации «в качестве категории выступают не фундаментальные и самые высокие в иерархии, но и обеднения, в которых сконцентрированы максимально релевантные для обеднённого сознания». [Кубрякова, 1996:14]. В целом же, все ученые высказывались противоречиво о новой области в лингвистике. Так, В. Б. Касевич отказывал ей в новизне, а М. В. Никитин – в праве на существование, в то время как Е.С. Кубрякова неоднократно стремилась подчеркивать новизну когнитивной лингвистики.

Несомненно, большой вклад в развитие российской когнитивной лингвистики внесли работы русских ученых–представителей ономазиологического направления В. Г. Гака, Е. С. Кубряковой, А. А. Уфимцева, Г.В. Коланшанского, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Яковлевой.

Когнитивная лингвистика возникла в результате взаимодействия нескольких источников:

- 1) когнитивной науки, называемой когнитологией;
- 2) когнитивной психологии;
- 3) лингвистической семантики.

Предметом изучения когнитивной науки или когнитологии является функционирование человеческих знаний. Когнитология не столько междисциплинарная, сколько синтетическая наука, которая объединяет в себе такие науки, как философия, математика, лингвистика, а также теорию информации при изучении когнитивных процессов человека.

Когнитивная лингвистика очень тесно связана с когнитивной психологией. Из когнитивной психологии когнитивная лингвистика заимствует понятия концептуальных и когнитивных моделей. Дело в том, что функционирование языка действительно опирается на психологические механизмы, потому что язык – это важнейшее звено в накоплении и сохранении взаимодействия человека с миром. Известно, что на протяжении всего своего развития когнитивная лингвистика трижды сталкивалась с психологией, обогащалась ею.

Ученые иногда называют когнитивную лингвистику «сверхглубинной семантикой», поскольку за категориями языковой семантики они видят такие общие понятийные категории, которые можно представить, как результат освоения мира человеческим познанием. В формировании этой науки, кроме трех названных источников, важную роль сыграли этнолингвистика, психоллингвистика, культурология и другие науки. Русская когнитивная лингвистика начала развиваться с 80-х годов прошлого столетия. Весомый вклад в развитие когнитивистики в России внесли работы таких известных ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др. В настоящее время

задачи когнитивной лингвистики связаны с вопросом роли языка в процессах познания и осмысления мира. В формировании когнитивной лингвистики свою роль сыграли также:

«- искусственный интеллект, где впервые возникло понимание того, что интеллектуальные процессы человека моделированием которых он занимался, не могут быть сведены к «универсальным законам человеческого мышления», как полагали ранее, потому что большинство интеллектуальных задач решаются с опорой на уже имеющиеся у человека знания;

- данные лингвистической типологии и этнолингвистики, позволяющие лучше понимать, что в структуре языка универсально, а что национально специфично;

- нейролингвистика, изучающая язык как основу познания ментальной деятельности человеческого мозга в целом;

- психолингвистика, которую объединяют с когнитивной лингвистикой общие проблемы, связанные с общечеловеческими механизмами овладения и пользования языком, с используемыми при этом универсальными стратегиями и опорными элементами» [Маслова, 2008:29]. Но и другая область знаний подразумевает рассмотрение проблем языкового сознания и языковой личности, картины мира, взаимодействия процессов на разных уровнях осознованности;

«- культурология, позволившая установить роль культуры в возникновении и функционировании концептов и утверждающая, что язык – генетическая память культуры;

- сыграли свою роль накопленные в сравнительно-историческом языкознании сведения о развитии значения слов (показательно, что такие специалисты по когнитивной лингвистике, как Е. Свитцер, и Б. Хайне активно занимались исторической лингвистикой)» [Маслова, 2008: 29].

Следует заметить, что отличительная особенность когнитивной лингвистики состоит в том, что здесь языковой анализ дополняется анализом различных контекстов употребления соответствующих лексем, зафиксированных в текстах, представляющих рассматриваемый концепт. Кроме того, анализ определений того

или иного концепта в разных словарях и справочниках сопровождается анализом фразеологии, где представлен данный концепт. С 80-90 гг. прошлого века важное место в системе научных парадигм занимает антропоцентрическая парадигма. «Антропоцентрическая парадигма – это переключение интересов исследователя с объектов понимания на субъект, то есть анализируются человек в языке и язык в человеке» [Светоносова, 2007: 39-46]. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология являются активно развивающимися направлениями антропоцентрической парадигмы. Эти аспекты тесно связаны между собой, вместе с тем каждый из них обладает собственной спецификой, имеет свой объект и методы его анализа.

Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания, которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова, 1996: 53].

Из данного высказывания Е.С. Кубряковой вытекает главное различие двух смежных дисциплин: когнитивная лингвистика изучает, какую роль в репрезентации и преобразовании информации играют когнитивные механизмы, а лингвокультурология исследует, как культурные феномены отражаются в языке нации.

Цель когнитивной лингвистики – «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [Маслова, 2017: 12]. Потому в когнитивной лингвистике образуется триада «язык – человек – познание»; а в лингвокультурологии центральной триадой является «язык – человек – культура». Различия между когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией проявляются также в трактовке основного объекта анализа – концепта. Как считает Г.Г. Слышкин, эти различия заключаются в том, что:

«1) для когнитивизма одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством

полиапеллируемости, то есть может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка;

2) для когнитивиста каждому слову соответствует свой концепт; для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц (концептами являются лишь абстрактные сущности)» [Слышкин, 2004: 22].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что сходство двух сопоставленных выше дисциплин заключается в их внимании к взаимодействию языка и человека, а различие состоит, прежде всего, в разных интерпретациях понятий «концепт» и «картина мира».

1.3 Понятие *концепт*. Основные виды концепта

В конце 20 века лингвисты поняли, что носители языка – это носители определенных концептуальных систем. Концепты – это суть ментальных сущностей. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире, и вместе с тем отброшены несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие). Таким образом, на рубеже тысячелетия на первый план в лингвистике выходит проблема ментальности, ибо концепты – это ментальные сущности.

Во многих гуманитарных науках термин «концепт» широко используется, к примеру, в литературоведении, философии, лингвистике, психологии, культурологии. Дефиниций данного термина множество, так как термин «концепт» является одним из ключевых в исследовании этнической языковой картины мира.

Многие ученые едины во мнении что «концепт» – это современный термин многих гуманитарных наук, однако его разработкой занимались еще в средневековье. Не вызывает споров и то, что термин «концепт» и старый, и новый одновременно. С.А. Аскольдов – Алексеев, автор статьи «Концепт и Слова» (1928г.), подчеркивал заместительную функцию концепта, определяя его следующим образом: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же

рода» [Аскольдов – Алексеев, 1997: 267].

В 80-е годы в связи с переводом англоязычных авторов на русский язык возникает расширенное восприятие термина «концепт». «Концепт – термин служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Маслова, 2008: 46]. По словам З. Д. Поповой, «наиболее жизнеспособным является термин «концепт», который стал ключевым понятием когнитивной лингвистики» [Попова, 2007:24]. По определению В. Н. Телия, «концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, и, следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструктор, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия, 1996: 32].

По мнению М. В. Пименовой, «концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [Пименова, 2004:10].

По мнению Н. Д. Арутюновой, «концепты, выполняют функцию своего рода посредников между человеком и той действительностью, в которой он живет» [Арутюнова, 2003: 11].

Сейчас в лингвистической науке существует три основных подхода, которые

базируются на общем положении: концепт – то, что называет содержание понятия, синоним смысла. Сторонником первого подхода, является Ю.С. Степанов, уделивший большое внимание при изучении концепта культурологическому аспекту, при котором культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. В.Н. Телия так же считает, что «концепт – это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии» [Телия, 1996:8].

Второй подход и его сторонники Н.Д. Арутюнова и ее школа, а также Т.В. Булыгина, и А.Д. Шмелев придерживаются позиции, что семантика языкового знака является единственным средством формирования содержания концепта. Подобную точку зрения поддерживал Н. Ф. Алефиренко, который считал концепт единицей когнитивной семантики.

Сторонниками третьего подхода являлись Д.С. Лихачев и Е.С.Кубрякова. Они придерживались мнения, что концепты являются посредниками между словами и действительностью. По мнению Е.С. Кубряковой, «концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996:90].

Интересная теория концепта предложена Ю.Д. Апресяном, она основывалась на следующих базисах, а именно:

«1) Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира: выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям.

1) Свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально специфичен.

2) Взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивное представление» [Апресян, 1995: 39].

Многие ученые, занимающиеся разработкой концептов, разделяют точку зрения Р. Джекендорффа относительно того, что основными конститuentами

концептуальной системы являются концепты, близкие «семантическим частям речи», концепты «объекта и его частей, движения, действия, места или пространства, времени, признака». [Gaskendorff, 1993; Кубрякова: 1992]. Несмотря на то, что данный термин прочно вошёл в обиход, его разработкой занимаются А. П. Бабушкин, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.С.Кубрякова, В. Н. Телия, Р.М. Фрумкина.

Период появления данного термина в науке связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению или по языковой форме терминами. В связи с этим возникает вопрос об уточнении определения термина «концепт». Большой энциклопедический словарь дает следующую трактовку данному термину: «Концепт от лат. (Conceptus – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени» [Большой 1997:39].

Приведем и другие наиболее известные и интересные определения термина «концепт»:

Согласно С.Г. Воркачеву, «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Воркачев, 2001:47-48]. В. В. Красных считает, что «концепт – наиболее абстрактное представление о «культурном объекте», не имеющем визуального прототипического образа, хотя с ним возможны визуально–образные ассоциации» [Красных, 2002: 272].

С. Г. Воркачев считает, что «концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка, и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Воркачев, 2001:47-48].

По мнению С.А. Аскольдова-Алексеева, «концепт – это обобщенное мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты растение, справедливость, математические концепты)» [Аскольдов, 1928:4].

Согласно В.В. Колесову, «концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии в символе» [Колесов, 2012:32].

С точки зрения В. Н. Телия, «концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а, следовательно, присущие человеческому сознанию вообще, а не только языковому сознанию. Концепт – это конструкт, он не воссоздаётся, а «реконструируется» через свое языковое выражение и вне языкового знания» [Телия, 1996:51]. Таким образом, понятие *концепт* своим рождением связан с философией и логикой, но в последние десятилетия оно переживает период осмысления и актуализации в других науках, в том числе и в лингвистике. Инвариантные признаки концепта:

- «1. Это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;
2. Это основная единица обработки, хранения и передачи знания;
3. Концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
4. Концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;
5. Это основная ячейка культуры. Следовательно, концепты представляют мир в голове у человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы» [Маслова, 2008: 50].

Отсутствие единого определения связано с тем, что концепт обладает сложной многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы, коннотации, присущие данной культуре. По определению Лихачева, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1993: 4]. Часто концепт – это свернутый текст. Отсюда вытекает, что многие концепты свернуты во фрейм. В. Н. Телия придерживается мнения, что фреймы могут быть структурированы в форме эпизода, сцены, фрагмента сценария или даже всего сценария целиком. Сам концепт при таком

понимании – элемент картины мира. В человеческом сознании концепты возникают в результате деятельности:

«а) его непосредственного чувственного опыта – восприятие мира органами чувств;

б) предметной деятельности человека;

в) мыслительных операций с уже существующими в его сознание концептами;

г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме);

д) путем сознательного познания языковых единиц» [Попова, Стернин, 1999].

Проведенный анализ определений показывает, что пониманий термина «концепт» в современной лингвистике множество. Существует как узкое (В.В. Красных) понимание термина «концепт», так и более широкое (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова). Бесспорным признается лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классифицированные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются.

Существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся, как правило, к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этого явления. Концепт как лингвокогнитивное явление представляет собой «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и всей картины мира, отражаемой в человеческой психике» [Стернин, 2008:20]. Понимание же лингвокультурного подхода к концепту состоит в том, что он признается базовой единицей культуры, её концентратом.

В когнитивной лингвистике не только не существует единого понимание концепта, но, по сути, нет ответа на вопрос о том, как возникают концепты (кроме общих моментов, которые образуют смысл).

Концепты классифицируются по различным основаниям. С точки зрения тематики, концепты образуют: *эмоциональную, образовательную, текстовую* концептосферы. Концепты, которые классифицированы по своим носителям, могут быть *индивидуальные, микро-групповые, макро-групповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие* концептосферы. Выделяются концепты, которые могут функционировать в виде того или иного дискурса, например, *политический, религиозный, педагогический, медицинский*. Сам дискурс в сознании носителей языка может рассматриваться как совокупность апелляций, а также как обширный концепт.

Считается что «лучший доступ к описанию и определению концепта обеспечивает язык» [Gackendorff, 1993:16]. Многие учёные придерживаются мнения о том, что в качестве простейших концептов следует рассматривать концепты, которые представлены не одним словом, а более сложные – те, которые представлены в словосочетаниях и предложениях.

Есть и другие точки зрения на концепт. Центром концепта всегда является *ценность*, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. То общее, что объединяет вышеперечисленные понятия, – это их ментальная природа. Различие заключается в том, что они характеризуют хранящуюся в памяти единицу информации с разных сторон.

Как пишет В.И. Карасик, концепт– «это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, переживаемая информация» [Карасик, 1996: 3]. По словам С. Г. Воркачева, концепт определяется как «действующая единица мышления» [Воркачев, 2001: 43], как «единица коллективного знания (посылаемая высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2001: 51-52]. Тем самым В. И. Карасик и придерживающиеся данной точки зрения исследователи приходят к выводу, что в рамках психологии наиболее адекватным понятием для обозначения ментальных

репрезентаций когнитивной науки является фрейм, а с позиции культурологии и лингвокультурологии – концепт.

З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят следующие доводы:

«1. Концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств выражения.

2. Концепт не имеет жесткой структуры, он объемлен и поэтому не может быть выражен полностью.

3. Невозможно зафиксировать все выражения концепта» [Попова, Стернин, 2000:29-30].

Наиболее детально разработана типология концептов по признакам в когнитивной науке:

«мыслительные картинки (конкретные зрительные образы – собака «немецкая овчарка»);

схемы (менее детальные образы – дом как жилье);

гиперонимы (очень обобщенные образы – дерево);

фреймы (совокупность хранимых в нашей памяти ассоциаций – Новый год);

инсайты (знания о функциональной предназначенности предмета – вилка);

сценарии (знания о сюжетном развитии событий – роды);

калейдоскопические концепты (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами – счастье)» [Попова, Стернин, 1999: 43-67].

Объектом исследования концептов принято считать не действительность саму по себе, а ее отражение в сознании народов, в их истории. Поэтому изучение концептов должно иметь синхронно-этимологический характер, что позволит не просто представить элементы действительности, а проследить динамику познания мира и формирования языковой картины мира.

1.4 Языковая картина мира как отражение восприятия действительности и менталитета народа

В процессе взаимодействия человека с миром складывается его представление о мире. В его сознании формируется некая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира.

Сам термин «картина мира» возник на рубеже 19-20 веков в рамках физики. А в начале 60-х годов прошлого века проблему картины мира стали рассматривать в рамках семиотики при изучении моделирующих систем языка, а также вторичных систем, таких как религия, поэзия, кино, фольклор, миф, живопись и архитектура. В.А. Маслова считает, что «картина мира является результатом всей духовной активности человека, она возникает в ходе всех его контактов с миром и представлений о нем» [Маслова, 2001: 38].

При слове «картина» мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, писал М. Хайдеггер, «картина мира, сущностно понятная, означает не картину, изображающую мир, а мир понятий как картина» [Хайдеггер, 1986: 103]. Картину мира принято считать знанием о мире, которая лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Концептуальная картина мира у разных людей могут быть разными, например, у представителей разных эпох, разных социальных возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Люди, говорящие на различных языках, при определенных условиях могут иметь близкие концептуальные картины мира. А люди, говорящие на одном языке, – разные.

В.И. Постовалова считает, что картина мира выражает «специфику человека и его бытие, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова, 1988:11].

Картину мира принято считать реальностью человеческого сознания, и потому человек ее создание делает целью своей жизни: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель – каждый по-своему. На эту картину мира и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни...» [Эйнштейн, 1976 :136].

Таким образом, мировидение каждого народа складывается в картину мира.

«Каждая цивилизация, социальная система характеризуются своим особым способом восприятия мира» [Гуревич, 1972:17]. Менталитет любого лингвокультурного сообщества в значительной степени обусловлен картиной мира, в которой отражаются мировосприятие и мировидение ее членов. Российские философы (Г. А. Брутян, Р.И. Павиленис) и лингвисты Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.И. Постовалова, Г.В. Рамишвили, Б.А. Серебренников, В. Н. Телия) различают концептуальную и языковую картину мира. «В исследованиях по когнитивной лингвистике принято различать «языковую картину мира» и «концептуальную картину мира», и общепринятым является положение о несовпадении этих картин, при этом подчеркивается глобальность, объемность последней. Лингвокультурология заявляет о необходимости выделения **ценностной** картины мира, наряду с языковой, в рамках общей картины мира» [Светоносова, 2007: 39-46].

В.В. Морковин и А. В. Морковина считают, что «картина мира – ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком» [Морковин, Морковина, 1996: 19-23].

Считается что языковая картина мира – это иное их расцветивание: «Картина мира – то, как человек представляет себе мир, – явление более сложное, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломляется через языковые формы» [Кубрякова, 2012:142]. Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней. «Поскольку язык – важнейший способ формирования и существования знания человека о мире, то именно язык – важнейший объект исследований у когнитивных лингвистов» [Маслова, 2008: 72].

Как отмечает В.А. Маслова «термин языковая картина мира – э то не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка

лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2008: 72]. Эти знания, которые запечатлены в языковой форме в различных концепциях, называются языковым промежуточным миром, языковой репрезентацией мира, языковой моделью мира, или языковой картиной мира. В частности, используется последний термин.

Е.С. Кубрякова высказывает мнение о всесторонности языковой картины мира: «Языковая картина мира ... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познание мира» [Кубрякова, 1988:169]. В.А. Маслова полагает, что «концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира» [Маслова, 2004:50].

Между картиной мира, как отображением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отображения, существуют сложные отношения: границы между ними кажутся зыбкими и неопределёнными.

По словам Б. А. Серебренникова, «языковая картина мира выполняет две основные функции: 1) понимание смысла основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Серебренников, 1988:6]. Интерес к языковой картине мира проявляется еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1984:324]. Одним из основоположников учений о языковой картине мира является известный немецкий ученый И. Гердер. В России разработка данной проблемы началась с изучения тезаурусной лексики (см. работы Ю.Н. Караулова). К концу 20-го века появилось много работ, посвященных данной проблеме: Г.В. Колшанского, Е.С. Яковлевой, М. Блэка, С.А. Васильева, Д. Хаймса, коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (1988). Также данная проблема рассматривалась в выдающихся трудах Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой,

Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, В.Г. Гакка. Многие из названных ученых имеют свои собственные концепции картины мира. В настоящее время можно отметить несколько направлений в изучении языковой картины мира. По мнению Е.С. Яковлевой:

1) «Это типологическое исследование: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т. д. ;

2) Изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа;

3) Исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т.д.» [Яковлева, 1994: 9]. Другими словами, способ концептуализации мира, свойственный языку, отчасти универсален, отчасти национально специфичен. Поэтому можно исследовать языковую картину мира следующим образом:

«1) изучаются характерные для данного языка концепты (душа, тоска, судьба, воля, совесть, авось и др., характерные для русских);

2) исследуются специфические коннотации для универсальных концептов;

3) исследуется цельный «наивный» взгляд на мир, ибо каждый язык отражает определенный способ восприятия мира, его концептуализации» [Апресян, 1995: 39].

«Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, – пишет А.М. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» [Лурия, 1975:8].

Следует подчеркнуть, что языковая картина мира тесно связана с языком, а также концептуальной системой. Картина мира, отображенная в сознании человека, – это вторичное существование мира, закреплённое и реализованное.

1.5 Различные подходы к изучению концепта

В предыдущих параграфах мы неоднократно отмечали, что разные научные школы не сходятся во мнении по определению содержания понятия «концепт». Известный исследователь М.В. Пименова отмечает, что концепт «является междисциплинарным образованием, используется в целом комплексе наук, в рамках исследований философов, логиков, психологов, культурологов, где он подвергается ввелингвистической интерпретации» [Пименова, 2006:42], что и приводит к разным точкам зрения на одно явление и послужило причиной формирования нескольких подходов к его исследованию.

Одним из известных подходов является психологический подход, представленный зарождается в работах С.А. Аскольдова – Алексева и Д.С. Лихачева. Концепт трактуется ими как некое мыслительное образование, выполняющее заместительную функцию: «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, также некоторые стороны предмета или реальные действия» [Аскольдов, 1997:269-273].

Другой подход – логический, связывает концепт как понятия, возникшее в результате взаимодействия национальных традиций и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусства. «Концепты образуют культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова, 2003:10].

Сторонники интегративного подхода основываются, на многомерности концепта: «концепт - многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, в качестве конститuentов которого выступают эмоциональный, рациональный, абстрактный и конкретный компоненты [Ляпин 1997:19].

Перечисленные подходы позволяют выделить два аспекта рассмотрения ментальных образований: лингвокогнитивный и лингвокультурный.

Как отмечает А.Е. Кибрик, лингвокогнитивный подход определяет описание

тех или иных фрагментов языка в терминах концептуальных абстракций, «когнитивная лингвистика при всем многообразии ее современных реализаций и понимания исходит из первичности когнитивных структур по отношению к языку. Конечная цель описания языка в рамках когнитивной лингвистики – установление соответствий между языком и когнитивным представлением, а также изучение языкового сознания и образов мира, существующих в голове человека» [Кибрик, 2015:31].

Яркий представитель лингвокогнитивного подхода Е.С. Кубрякова описывает концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 2016:328]

На этой же позиции стоит известный исследователь данной проблемы И.А. Стернин, определяя концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, 2005:258]. Таким образом, через рассмотренные позиции лингвокогнитивного подхода концепт можно трактовать как ментальное образование с определенным образом упорядоченной внутренней структурой. Возникает оно в процессе познавательной деятельности носителей языка, а содержание детерминировано природой отражаемого в сознании окружающего мира.

Достаточно известным и распространенным является лингвокультурный подход к пониманию концепта, который заключается в том, что концепт признается базовой единицей культуры. В. И. Карасик определяет концепты как «первичные культурные образования, которые существуют в культурно-

историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека, как коллективные ментальные образования, фиксирующие своеобразие культуры (ментальная проекция элементов культуры)» [Карасик, 2004:38].

По мнению Ю.С. Степанов «в состав концепта входит все, что делает его фактом культуры, а именно, исходная форма (этимология), история, сжатая до основных признаков содержания, современные ассоциации, оценки и т.д. концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2007:63]. В.А. Маслова также является сторонницей данного направления и определяет концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций (собственно лексических, фразеологических, афористических), образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Маслова, 2004:72].

Исходя из работ приведенных авторов следует сказать, что лингвокультурный концепт – это неотъемлемая часть культуры, ее продукт, это культурно отмеченные смыслы, культурно-обусловленные представления человека о мире. Два подхода – лингвокогнитивный и лингвокультурный – в изучении концепта не исключают, а, наоборот, дополняют друг друга, при этом акцентируя свое внимание на выделенных признаках. Лингвокогнитивный концепт представлен направлением от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это обратное направление, от культуры к индивидуальному сознанию.

Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика и, объединяя оба подхода, определяем концепт так: это ментальное образование, являющееся

базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению. С другой стороны – это ментальная проекция элементов культуры, коллективное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры и отмеченное (как сама культура) ценностной составляющей.

Выводы к первой главе

Носитель любого языка является носителем определенных концептуальных систем, в которых сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире. Термин «концепт», который впервые был употреблен в 1928 г. С.А. Аскольдовым-Алексеевым, до сих пор не имеет единого определения в лингвистической науке. Мы придерживаемся определения концепта, предложенного Д.С. Лихачевым: «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира. Но в то же время, это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997: 4].

Концепты находят свое словесное выражение через единицы разных языковых уровней: лексемы, фразеологизмы, пословицы и поговорки. Если концепты актуальны для культуры, они получают активную реализацию как в лексическом, так и в грамматическом плане. В результате в каждом языке сложились так называемые ключевые слова, представляющие ядерные культурные ценности и национальный менталитет.

Концепт представляет собой единицу ментально-понятийной сферы, отражает особенности мышления, мировоззрения и культуры народа.

Концептуальные признаки выявляются через семантику целого ряда единиц языка. Концепты включают в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, которые должны быть учтены при описании концепта. Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. Совокупность общенародных концептов образует концептосферу народа.

Языковая картина мира тесно связана с концептуальной системой, а также с языком. Формирующаяся картина мира, отраженная в человеческом сознании, есть вторичное существование мира, зафиксированное и реализованное в особой материальной форме – языке. Один и тот же язык, один и тот же общественно-исторический опыт формируют у членов определенного общества сходные языковые картины мира, что позволяет говорить о некой обобщенной национальной языковой картине мира. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии. Наше исследование основывается на двух подходах к изучению языковой картины мира: 1) в концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческое, национальное, личностное; 2) диалог с другими культурами «высвечивает такие вещи, такие смысловые глубины, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось» [Маслова, 2001].

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Отражение концепта «Женщина» в лексике русского языка (на материале словарей)

Женщина как феномен получает множественное и вариативное обозначение во многих языковых картинах мира, однако в отечественной лингвистике данный вопрос не рассматривался, тем более на материале лингвистических средств, составляющих инструментарий конструирования женской идентичности в русском и шугнанском языках. Анализ словарных дефиниций номинантов концепта «Женщина» в толковых словарях русского языка методом компонентного подхода позволил обнаружить разветвленную систему лексических вербализаторов феминности в образе женщины. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (онлайн версия) дается следующее определение женщине: «ЖЕНЩИНА, женщины, ж. 1. Лицо, противоположное мужчине по полу. Женщины и мужчины в СССР пользуются одинаковыми правами. Женщина-врач. || Лицо женского пола, как типическое воплощение женского начала. С чуткостью женщины Она оказала ему помощь как раз вовремя. 2. Взрослая, в противоп. девочке. Вагон для женщин и детей. || Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке. Замужняя женщина. Она рано стала женщиной. 3. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.)». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (онлайн версия) слово женщина не рассматривается, есть слово баба: «БАБА ж. замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодницею, или вдова». «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова дает следующее определение слову женщина: «женщина, ж'енщина, -ы, ж.1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. Ж. равноправна с мужчиной. Ж.-мать. Ищите женщину!». В толковом словаре Ефремовой находим: «женщина ж. 1. Лицо, противоположное по полу мужчине.

2. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола. 3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке».

В толковый словарь Кузнецова: «ЖЕНЩИНА -ы; ж. 1. Лицо, противоположное по полу мужчине. Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж. // Лицо женского пола как воплощение определённых свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.). Превращение ребёнка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки всё-таки угадывается будущая ж. 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Стать женщиной. Она девушка или уже ж.».

В лексической системе русского языка при анализе концепта «Женщина» нами с точки зрения социально значимых признаков выделены несколько групп, а именно:

- по возрасту (*девочка, старуха*);
- по семейному статусу (*жена, невестка, теща*);
- по социально-семейному статусу (*хозяйка, вдова*);
- по типу родственных отношений (*мать, внучка*);
- по принадлежности к социальным слоям (*барыня, простолюдника*).

Выборка тематической группы слов, репрезентирующих концепт «Женщина», проводилась по «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, примеры извлекались из Национального корпуса русского языка.

2.1.1 Репрезентация концепта женщина по возрасту

Самая младшая по возрасту лицо представлено словом «*Девочка – девочки, ж. 1. Ребенок женского пола; малолетняя девушка. 2. Женщина легкого поведения, проститутка (вульг.)*» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Как приятно ощутить себя девочкой...собирающей яблоки [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем!]*» [НКРЯ]. В основном данное слово используется в первом значении, однако второе значение начинает активизироваться в конце 20 – начале 21 века, особенно в молодежной среде. Мы связываем это с ослаблением моральных устоев в обществе, с потерей определенной идеологии в работе с

молодым поколением, отсутствием должного контроля над содержанием развлекательных программ на телевидении и расширением доступа в сети Интернет. В менталитете у русского народа девочки с младенческих лет могут на все иметь своё мнение, уметь вести себя в любой ситуации. Как правило, родители с младенческих лет стараются, чтобы девочка (дочка) сохраняла целомудрие и имела светлую голову. Девочка не должна быть порочной и не должна переступить черту дозволенного. Ей должно быть присуще сочетание множества положительных качеств: забота, доброта, внимательность, чуткость, любовь. Все привитые качества характера раскрываются в другой возрастной группе.

Следующая возрастная группа отражена в слове *«Девушка, девушки, ж. 1. Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак. 2. Служанка, работница (разг. устар.)»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Девушка с высшим педологическим образованием искала работу учителем права или истории [коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)]»* [НКРЯ]. Во втором значении данное слово в современном русском языке не используется, тем более оно никак не соотносится с основным значением. Данная возрастная группа ассоциируется в менталитете любого народа и у шугнанцев, и у русского народа с образом женщины, готовой к началу самостоятельной и семейной жизни. Возраст предъявляет определенные требования к внешним и внутренним качествам девушки: к воспитанию, образованию, мировоззрению, умению вести себя в определенной ситуации. Именно такими предстают перед нами женские образы, созданные И. С. Тургеневым: Елена Стахова (роман «Накануне»), Наталья Ласунская (роман «Рудин»), Зинаида (повесть «Первая любовь»), Ася из одноименной повести.

С этим же возрастом связано и слово *«Девуца – (офиц. устар. разг.) и (нар. – поэт.) Девуца, девушки, ж. То же, что девушка в 1 знач.»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Поехали с девуцей на выставку Моне, где она погибла для человечества, потом по городу шлялись, лопали в виде исключения всякую гадость, а напоследок завалились в кино [Наши дети: Подростки (2004)]»* [НКРЯ]. Несмотря на то, что словарь соотносит значение

данного слова с основным значением слова девушка, на наш взгляд, в современном русском языке данное слово используется с некоторым оттенком пренебрежительности. В целом данный термин является устаревшим и применяется, как правило, по отношению к женщинам брачного возраста, но никогда не состоявшим в браке.

Другим словом, отражающим данный возраст, является «*Дева*, – девы, ж. (книжн. поэт.). То же, что девушка в 1 знач.» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Как указывается в словаре, данное слово используется в высоком стиле и также применимо к девушке, не вышедшей замуж до определенного возраста и не вступавшей в связь с мужчиной. По последнему признаку возникло выражение «старая дева». В средние века на Руси девушек брали в жены в четырнадцать – пятнадцать лет. Причина раннего замужества была не в фертильности женщин – и в двадцать пять девушка способна к рождению детей. Корень раннего замужества крылся в стремлении мужчин сделать женой еще не оформившуюся в своих убеждениях девушку, сформировать из нее добрую супругу «под себя», согласно своим желаниям. Считалось, что юная девушка станет послушной во всем мужу женой и будет трудолюбива. В 25 лет она уже не могла быть такой же стоворчивой и покладистой. Матримониальные традиции древней Руси основывались на патриархальном подходе к образованию семьи. Старых дев называли «седыми макушками». Она не участвовала в праздничных гуляньях, не веселилась с другими, лишь замаливала «грех» безбрачия. Судьба старой девы была печальна. Старых дев побаивались, полагая, что те, в поисках нереализованной любви, могут вступать в половую связь с бесами, становятся ведьмами с дурным глазом и злыми намерениями. Стремясь избежать такой участи и насмешек, часть старых дев Руси уходила в монастырь, посвящая жизнь Богу.

Слово *молодка* отмечено в словаре как «*Молодка*, молодки, ж.1. То же, что молодница (обл.). 2. Молодая курица» [<https://ushakovdictionary.ru>] – диалектизм, который означает молодую женщину, но уже замужнюю: «**МОЛОДИЦА** *молодицы, ж. (обл.). Молодая крестьянская замужняя женщина*». Например: «*Обнимает он царицу И сына и молодницу, И садятся все за стол. [Пушкин,*

Сказка о царе Салтане]»[НКРЯ]. В современном русском литературном языке данное слово не употребляется. Во втором значении используется по отношению к молодой курице.

Наиболее употребительным в возрастной группе является слово *«Женщина*, женщины, ж.1. Лицо противоположное мужчине по полу. Лицо женского пола как типичное воплощение женского начала. 2. Взрослая, в противопоставление девочке. Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противопоставление девушке. Замужняя женщина. 3.Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Да нравится мне Ваша открытость, только Вы знаете психологию женщин. Женщинам нужно все и побольше, побольше ...Не бывает такого, что все есть, всегда хочется большего! [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]»* [НКРЯ]. В словарной дефиниции достаточно отчётливо подчеркивается возрастной разрыв между девушкой и женщиной, связанный с половой жизнью и замужеством. Роль, которую отвели в обществе женщинам, – это роль матери, жены и хранительницы очага. Сами женщины неоднократно акцентируют на этом внимание и не отрицают свою главную роль, например: *«В женщине природой заложена потребность созидать, а не разрушать. Женщина должна быть хранительницей очага и воспитателем своих детей»* [НКРЯ]. В третьем значении данное слово является малоупотребительным.

С точки зрения возрастной дифференциации, слову *женщина* близко разговорное *баба*: *«Баба*, бабы, ж. 1. В устах «господь» (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка, противоп. девка. 2. Жена (простореч.). 3.Вообще женщина (разг. вульг.). Вздорная баба. Здоровенная баба. Бой-баба, бой-бабы, ж.(разг.). – женщина бойкая, разбитная, решительная. Каменная баба (археол.) – каменное изваяние в виде человеческой фигуры. Баба-яга, бабы-яги, ж.-мифическое существо в русских народных сказках, изображаемое в виде злой и безобразной старухи – колдуньи, едущей в ступе и заметающий след мелом. Снежная, снеговая баба-кукла из снега» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Разин слышит щепоть Ишь ты, братцы, атаман – то Нас на бабу променял!*

Ночку с нею повозился – Сам наутро бабой стал. [История одного песенного сюжета // «Народное творчество», 2003]» [НКРЯ]. В современном русском языке данное слово воспринимается как оскорбительное обращение к женщине. В 18 веке на Руси бабой называли женщину из простонародья. Бабой купчиху или помещицу называть было не принято.

Слово *тётка* применительно, как репрезентация возраста, только во втором значении: «*Тётка, тётки*, ж.1. Сестра отца или матери. 2.Обращение к пожилой женщине (простореч.)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Конечно, тот факт, что он рос без отца, и мать, бежав с любовником, оставила его на попечение своей сестры Мэри Элизабет, известной всем битломанам как тётя Мими, а потом погибшей под колесами автомобиля, когда Джону было 16, не прибавил оптимизма и легкости характеру Леннона*» [*Наталья Ерофеева. Леннон был не из рабочих (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10*]» [НКРЯ]. До революции в России принято было обращение «тетушка», особенно в высших кругах. Так называли обычно только родственников: «*Как ваше здоровье, тетушка Софья?*». В наши дни «тетушка» – это архаизм. Зато в ходу обращение «тетенька». Чаще всего его используют дети по отношению к незнакомой женщине: «*Тетенька, не подскажите, который час*». Любопытно, что термин «тетка» активно употребляется не только в разговорной речи, но и в художественной литературе и в публицистике, причем людьми всех возрастов и социальных слоев общества. Так что можно сказать, что это своего рода социокультурный феномен, характерный именно для российской ментальности.

Замыкает группу слов, означающих возраст женщины в русском языке, слово *старуха*: «*Старуха, старухи*. Женск. к старику в 1 знач. Глубокая старуха. *Старушка, старушки*, ж. Уменьш.-ласкат. к старуха» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Вот у этой старухи сына – был такой еврейский мальчик по фамилии Башеринцель – волки загрызли на далёком севере. [Ordinamenti // «Экран и сцена», 2004.05.06]*» [НКРЯ]. Образ старухи в менталитете русского народа – это зачастую образ старой женщины, вступившей в последний возрастной этап – старость. Старость часто характеризуется ухудшением здоровья, впадением

в маразм и постепенным угасанием функций организма. А в художественной литературе образ старухи нередко связывается с метафорой смерти.

2.1.2 Репрезентация концепта «Женщина» по семейному статусу

Семейный статус женщины определяется через отношение к браку, когда женщина состоит в зарегистрированном браке. В последнее время предпринимаются попытки легализации так называемого гражданского брака, где опускаются понятия добрачного статуса. Если рассматривать семейный статус как полноценный процесс, то статус женщины следует отсчитывать с добрачных отношений. Так, первым статусом является статус невесты: «1. **Невеста**, невесты, ж. девушка или женщина, вступающая в брак. Христова невеста (устар.) – 1) монахиня; 2) девушка уже не молодая, не вышедшая замуж (шутл. ирон.)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Но самое комическое начиналось, когда сваты жениха принимались сомневаться в достоинствах невесты, а сваты невесты это парировали и точно так же запускали дуру в адрес жениха [Роща из... теста // «Народное творчество», 2003]*» [НКРЯ]. В русском языке первоначальное значение слова «неизвестная» (неведать). Невеста – «новейшая» в роде, то есть только что вступившая в семью. Табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для неё дом – дом её жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у неё свадебного покрывала.

Реальный социальный статус у женщины появляется в законном браке: «**Жена, жёны, мн. жёны, жёнам (жёнам устар.)**, ж. 1. Замужняя женщина, супруга (по отношению к своему мужу). 2. То же, что женщина (книжн. поэт. устар.)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Кстати, самая трогательная сцена в фильме, которую потом много раз обсуждали (я имею в виду немую сцену встречи Штирлица с его женой) в сценарии не было [коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005-2010)]*» [НКРЯ]. «*Я никогда не мечтал быть машинистом, не представлял себе, что буду прощаться с женой перед долгим рейсом и говорить: «Дорогая, не волнуйся!» [Евгений Гришковец. Одновр Ем Енно (2004)]*» [НКРЯ]. Жена – это термин, который не предполагает двойного

толкования. В русской культуре веками складывались патриархальные семейные отношения, и к жене относились как к «мужиной собственности». Во все времена на Руси, и не только жене, отводилась роль хранительницы очага, домашнего уюта, домохозяйки и матери. Изменение положения жены началось в советское время, когда общественно–экономические обстоятельства заставили пойти на производство почти всех трудоспособных женщин с сохранением за ними всех сложных семейных функций. Стоит подчеркнуть, что с той поры многое изменилось в корне в лучшую сторону для жен, матерей и в целом для женщин.

Как абсолютный синоним, используется слово *супруга*: «*Супруга, супруги*, ж. (книжн. устар.). То же, что жена в 1 знач.» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*В ней одной сочетается сразу все – Женщина, Супруга, Мама, Дочь и, конечно же, Артистка... [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители:] [НКРЯ]. «Не умею учиться на чужих ошибках». Но тогда еще была жива покойная супруга. Темирканова Ирина. [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [НКРЯ]. Слово *супруга* происходит от древнерусского «супругъ», то есть «парная упряжка; супруг, супружеская пара, муж и жена». Поэтому оно в равной степени может быть использовано как по отношению к жене, так и к мужу, а во множественном числе – супруги, аналогичные по значению словам «муж» и «жена» в их современном толковании.*

Слово *кума* появилось в связи с совершением определенного религиозного обряда и обозначает крестную мать ребенка по отношению к его родителям и крестному отцу крестника. «*Кума, кумы*, ж. 1.женск. к кум. 2.Обычный эпитет лисы в русских народных сказках (нар. – поэт.)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Банник (или баенник) – пирог, который готовили сваха или кума. [Роца из... теста // «Народное творчество», 2003]*» [НКРЯ]. «*А нам край надо бы возле кухни затишку постановить, как у кумы Таисы. [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996]*» [НКРЯ]. Кумовство является религиозным родством: решившись окрестить ребенка, вы берете на себя ряд обязательств перед ним, его семьей и богом. Пройдя ритуал крещения, вы становитесь крестной матерью, а короче – крестной.

По отношению к крестной ребенок считается крестницей: *«Крестница, крестницы, ж. То же, что крестная дочь (см. крестный).»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Она обещала всегда и во всем помогать и крестнице, и своей дорогой подруге Нелечке. [Г. М. Артемьева. Фата на дереве (2012)]»* [НКРЯ]. *«Господи, все ...Хоронили девочку, дочку булочника Колокольцева, крестницу Владимира Алексеевича. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]»* [НКРЯ].

2.1.3 Репрезентация концепта «Женщина» по социально-семейному статусу

Слово *«Хозяйка, хозяйки, ж.1.Женск. к хозяйин в 1, 2, 3 и в знач. Домашняя хозяйка. (женщина, не служащая и ведущая свое домашнее хозяйство). 2. Жена (простореч.обл.)»* [<https://ushakovdictionary.ru>] *«Им дозволялось относить эти куски по уже знакомым адресам, и хозяйки кормили чем могли этих грязных измождённых [ВАРСЕГОВ и ГРАЧЕВА. «Донбасские чеботы» Евгения Федорова // Комсомольская правда, 2014.06.13]»* [НКРЯ]. Данное слово используется в русском языке как ласковое обращение к супруге, а также при обращении к женщине в местах, где она занимает определенную социальную позицию: *«Все прекрасно понимают, как в Бразилии умеют поддерживать свою команду, поэтому статус хозяйки турнира дает команде Луиса Фелипе Сколари серьезное преимущество перед конкурентами. [Андраник Кероян. Эксперты считают сборную Бразилии главным фаворитом ЧМ-2014 // Известия, 2014.06.11]»* [НКРЯ]. У хорошей хозяйки всегда в доме чистая и уютная атмосфера, она умеет поддерживать ежедневный порядок в жилище даже при наличии у нее маленьких детей и, несмотря на все это, выглядит свежей и привлекательной.

Дефиниция слова *вдова* определена как *«Вдова, вдовы, мн. вдовы, ж. Женщина, не вступившая в брак после смерти мужа. Соломенная вдова (перевод нем. Strohwitwe) (разг. шутол.) – жена, живущая во временной разлуке с мужем»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Миронов отметил, что только в*

некоторых регионах России вдовы ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС получают такие же выплаты, как и вдовы погибших военнослужащих [Елена Малай, Дмитрий Рункевич. Чернобыльцев приравняют к участникам боевых действий // Известия, 2014.07.09] [НКРЯ]. *«Комментарии самой Анжелы Марии Цапок, вдовы Сергея Цапка, получить не удалось. [Елизавета Маетная, Александр Раскин. Перед смертью Сергея Цапка его жена продала многомиллионный бизнес // Известия, 2014.07.08]* [НКРЯ]. Положение вдов в русском обществе во многом определялось социальной ролью женщины вообще. Последняя никогда не была полноценной единицей и воспринималась как приложение к мужчине. После смерти мужа вдовы приравнивались к старым девам и сиротам, занимали положение социально уязвимых членов общества. Эта незавидная участь усугублялась, если у женщины не было детей. Бездетная вдова считалась неполноценной. Незамужняя вдова была обязана блюсти телесную чистоту, иначе могла посчитаться развратной женщиной. В раннем периоде становления семейных отношений незамужняя вдова становилась для родни и социума бесполезным бременем, в силу чего отношение к ней было сдержанно-негативным. В более поздние периоды у многих вдов был только один путь – в монастырь.

Несмотря на то, что слово *любовница* восходит к слову *любовь*, ее определяют, как возлюбленную женского рода, связанную с кем-либо любовными отношениями. В настоящее время, в основном, сторонняя сексуальная партнёрша вне брачного союза. В словаре дается следующее определение: *«Любовница, любовницы, ж. (устар. неодобрит.). Женщина, которая находится в половой связи с мужчиной, но не состоит с ним в браке»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Позицией любовницы никто вечно не довольствуется, да и какое будущее вас ждет? [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]»* [НКРЯ]. В традиционном обществе любовницей считают женщину, вступившую в отношения с женатым мужчиной. Однозначного отношения к этой роли не существует. Для одних – это возможность сохранить собственную независимость, но пользоваться мужским вниманием, для других – помеха счастливой семье и супружеской жизни.

2.1.4 Слова, репрезентирующие тип кровных родственных отношений

Кровное родство – это родство между индивидами, основанное на биологическом происхождении друг от друга или от общего предка-родоначальника. Лексика кровного родства по женской линии представлена, прежде всего, термином дочь: *«Дочь, р. и д. дочери, дочь, дочерью, дочери, дочерей, дочерям, дочерями, дочерях, ж.* Лицо женского пола по отношению к своим родителям – две матери да две дочери, да бабушка с внучкой – сколько всего всех? (трое). 2. Дочь Евы (книжн. шутол. устар.) – женщина, страдающая излишним любопытством (Ева, по библейской легенде, первая на земле женщина, любопытство которой было причиной грехопадения ее и ее мужа Адама). Дочка, дочки, ж. Ласкат. к дочь (разг.). То же, что дочь (обл.). Дочурка, дочурки, ж. (разг. фам.). Уменьш.-ласкат. к дочь. Доченька, доченьки, ж. (разг.). Ласкат. к дочь.» [https://ushakovdictionary.ru]. Например: *«Была ли она мне дочь, или сестра, или совсем посторонняя? (А. Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892). Вот время идёт»* [НКРЯ]. *«А у меня дочь родилась. Дашка. (Андрей Геласимов. Ты можешь (2001))»* [НКРЯ]. Во втором значении «женщина, страдающая излишним любопытством» в современном русском языке, не используется. Однако в словаре не отмечено третье значение: женщина как носитель характерных черт своего народа, своей среды, употребляется как символ, воплотивший в себе лучшие характерные черты своего народа, своей страны – *«Лучшие дочери народа»*.

Слово *сестра* употребляется в двух значениях: *«Сестра, сестры, мн. сестры, сестер, сестрам* (сестрам устар.), ж. 1. Дочь тех же родителей по отношению к другим их детям. 2. Работница лечебных учреждений, лицо среднего (прежде низшего) медицинского персонала, выполняющее медицинские или хозяйственные обязанности. Медицинская сестра (нов. офиц.) или сестра милосердия (дореволюц.) то же, что сестра во 2.знач» [https://ushakovdictionary.ru]. *«Сестренка, сестренки, ж. (разг.). Уменьш.-ласкат. к сестра в 1 знач.: малолетняя сестра, сестра девочки»* [https://ushakovdictionary.ru]. Например: *«Да, хоть наш уже не новый, года полтора ему, но стоил он 500 у.е. Сестра купила попроще,*

совсем дешёвый, вроде тоже нормальный. [Наши дети: Подростки (2004)]» [НКРЯ]. У сестры был договор, это, как выяснилось, совсем плохо: А у тебя парни совсем большие. [Наши дети: Подростки (2004)] (НКРЯ). Завтра утром придёт сестра, возьмёт анализ крови. [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]» [НКРЯ].

Самым употребительным и многозначным представляется слово *мать*: «*Мать, р. и д. матери, мать, матерью, матери, мн. матери, матерей, ж. 1. Женщина по отношению к ее детям. 2. Самка по отношению к ее детенышам. 3. перен. То, что является источником, давшим жизнь кому-чему-н., 4. Обращение к пожилой женщине (простореч.). 5. Обращение, присоединяемое к имени или званию монахини (церк.)» [https://ushakovdictionary.ru]. Например: «*Мать садилась в передний угол напротив невесты (Народное творчество)*» [НКРЯ]. «*А в райсовете сказали: «Язгуль – мать-героиня, никто не выселит, не беспокойся». (Юрий Трифонов. Предварительные итоги(1970) (НКРЯ). Материнская любовь со дня моря вынет [В. Сибирцев]*» [НКРЯ]. «*Я так устала ...Устала прятаться. Я хочу, чтоб мы жили как раньше, – сказала мама голосом, дрожащим от слез. [Боби Пирс, Похититель луридиума, 2015]*» [НКРЯ]. Из приведенных в словаре пяти значений для нашей работы значимым является 1 значение, которое определяет кровное родство.*

Другим термином кровного родства, но уже во втором поколении является слово *бабушка*: «*Бабушка, бабушки, ж. 1. Мать отца или матери. 2. Обращение к старой женщине(простореч.)» [https://ushakovdictionary.ru].*

Например: «*В ванную ставились рефлектор, который дедушка должен был выносить по хлопку бабушки, и два стула, которые накрывались полотенцами. [коллективный. Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011)]» [НКРЯ]. «Мамка сама жалуется: нет денег, спасибо, бабушка пенсию получает, её обираем, папку ругает каждый день... [Борис Екимов. Пиночет (1999)]» [НКРЯ]. «*Я ей, можно сказать, в бабушки гожеусь. Так и звала меня "бабуля Даша". Любила. [И. Грекова. Перелом (1987)]» [НКРЯ]. Образ**

бабушек традиционно в культурах всех народов ассоциируется с чем-то очень родным и теплым.

Боковое родство представлено термином племянница: *«Племянница, племянницы, ж. Дочь сестры или брата (см. племянник). Родная племянница. Двоюродная племянница. Троюродная или внучатная племянница»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«У нас там племянница сгорела, как сказать, 5 мужчин, 5 женщин, так что считай как минимум 5 невинных. [коллективный. Трагедия в Орске // «Русский репортер» [НКРЯ].*

2.1.5 Слова, репрезентирующие некровное родство женщин

Во многих языках ряд слов, обозначающих родственников не по крови, а через брак появились достаточно давно, сначала для названия для родственников мужа (свекор, деверь, золовка и т.д.), а затем и родственников жены. В индоевропейских языках они восходят к индоевропейскому праязыку. В литературе не так много работ, посвященных этимологии данных слов. Так, например, у «свекра» тот же корень, что у «свой». «Золовка» по звучанию похожа на индоевропейский корень со значением «веселый» и никак не связана ни со словом «зола», ни, тем более, со словом «зло».

Если носители современного языка безошибочно определяют термины кровного родства, то термины родства по браку представляются трудными для толкования. Связано это, прежде всего, с небольшими по количеству семьями или с неполными семьями, где мама, папа, один ребенок и в лучшем случае бабушка. Конечно же необходимости в других названиях, выражающих родственные отношения, просто нет. Не всякий носитель русского языка объяснит значение таких слов, как «деверь», «сноха» или «шурин». Ошибки встречаются и у великих знатоков русского языка. Так, Тургенев в одном из своих произведений говорит: «к попу приехала золовка», хотя золовка может быть только у женщины. Или же в известной песне В. Высоцкого «Разговор у телевизора» Зина называет кого-то из родственников Вани «шурином», и Ваня возмущается: «Послушай, Зин, не трогай

шурина! Какой ни есть, а всё ж родня». На самом же деле шуринов Вани – это брат Зины.

Слово *невеста* условно можно отнести к брачным терминам, так как ее еще нельзя назвать родственницей, она только готовится ею стать: **«*Невеста, невесты*, ж. девушка или женщина, вступающая в брак. Девушка, достигшая брачного возраста (разг.). Христова невеста (устар.) – 1) монахиня; 2) девушка уже немолодая, не вышедшая замуж, (шутл. ирон.). Невестка, невестки, ж. жена брата или жена сына (для матери последнего) или жена одного брата для жены другого брата (употр. также вм. сноха, золовка, свояченица)»** [<https://ushakovdictionary.ru>].

В права родственницы невеста входит после вступления в законный брак: Например: **«*Вместе со мной на вечернем отделении Московской консерватории училась её невестка (жена её сына) Наташа Замкова. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]»*** [НКРЯ].

«*В доме, как и прежде, убиралась Марина, по заведённой привычке богатая невестка ставила на стол вазочки с конфетами и яблоками и однажды застигла мальчика, взгромоздившегося на стул, взявшего конфету и тут же на месте преступления развертывающего обёртку [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]»* [НКРЯ].

Понятие «невестка» в русском языке имеет более широкое значение: это некровная связь со всем родом супруга – не только с его родителями, но и братьями, сестрами, женами его братьев. **«*Свекровь злится, что невестка веселится*»** – это строчка из народного фольклора. Она доказывает, что в старые времена на Руси невесткой женщина приходилась не только свекру, но и свекрови. Поэтому версия, что жена сына для его матери – сноха, а для отца – невестка, отпадает.

Супруга сына именовалась невестка до момента появления на свет первенца у молодых. После, когда рождался ребенок, невестка становилась снохой. А это означало приобретение ряда привилегий: например, ей разрешали садиться за общий стол. Отношение к ней менялось в лучшую сторону, так как младенец как бы привязывал чужачку к роду, в который она вошла после свадьбы.

Другой термин бокового родства – золовка: *«Золовка, золовки, ж. сестра мужа»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«А потом пошли мольбы, уверения, свекровь явилась, золовка, словом, полный комплект. [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатид, 2003]»* [НКРЯ]. К золовке в культурных традициях многих народов очень предвзятое отношение, в том числе и в русской культурной традиции. Свидетельством этому служит пословица "Лучше десять деверей (деверь – брат мужа), чем одна золовка".

Контекстуальным антонимом является: *«Свояченица (или свояченица), свояченицы, ж. Сестра жены»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Подарил какой-то своей племяннице, не то свояченице квартиру в центре. [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]. А вот мне свояченица рассказала реальную историю, вступила учительница младших классов Татьяна. [Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви (2001) // «Новый Мир», 2003]»* [НКРЯ].

В русском языке это название по своей этимологии восходит к слову «свой». Раньше семьи двух сестер были ближе в силу проживания в одном месте и, следовательно, оказания помощи друг другу по хозяйству, что позволяло развивать свойские отношения. В шугнанском языке данному термину соответствует слово *Хийуън*, которое используется и в значении сестры мужа, и в значении сестры жены.

Свекровь и тёща – самые близкие родственницы по браку: *«Тёща, тёщи, ж. Мать жены. У тёщи зятек – любимый сынок. Пословица»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Через несколько дней его тёща приволокла с рынка тридцать килограммов лука, который в домашних условиях надо хранить исключительно в чулках. [Елена Камзолкина. Храните деньги, не выходя из кассы // «Вечерняя Москва», 2002.01.10]»* [НКРЯ].

«Свекровь, свекрови, ж. Мать мужа» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Я ушла от мужа, забрав дочь. Все банально – свекровь, свекровь и свекровь. В этот раз меня просто ужаснули и сама ситуация, и реакция мужа не нее. [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]»* [НКРЯ]. В менталитете русского народа, как и многих других, заложена мысль о том, что именно теща или свекровь виноваты во всех бедах молодой семьи. Молодые стараются отгородиться уже на

раннем этапе супружества от родственников по браку, в том числе и от свекрови и тещи.

Еще худшая ситуация возникла с мачехой: *«Мачеха (или мачиха), мачехи, ж. 1. Жена отца по отношению к детям от прежнего его брака. 2. перен. О ком-чем-н. неблагоприятном, враждебном...»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«В общем, так моя Татьяна превратилась в мачеху в девятнадцать лет. [Андрей Геласимов. Чужая бабушка(2001)]»* [НКРЯ]. Образ мачехи в сознании людей часто воспринимается как женщина, ненавидящая неродных ей детей, неприветливая и недоброжелательная. В русской же мифологии это отрицательный женский образ. Такое представление образа скорее ошибочное, сложившееся в период распада родовой общины и перехода невесты в другой род, и не совпадало с действительной ролью мачехи в жизни детей. Социальное наследование представлений о ней часто мешало в русских семьях установлению нормальных отношений с неродной матерью, настраивая против мачехи детей, родню, соседей и порождая недоверие к ней. И только терпение, женский талант и любовь к мужу помогали завоевать сердца неродных детей. Не случайно в обиход вошла пословица: *«Не та мать, что родила, а та, что воспитала»*.

Падчерица: *«Падчерица, падчерицы, ж. Неродная дочь одному из супругов, приходящаяся родной другому»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Дьячиха тогда решила женить на падчерице влюбленного в нее Лацу, который был согласен на все, даже узнав о том, что у Енуфы родился ребенок. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]»* [НКРЯ]. *«Премьера "Её падчерицы" состоялась в конце 1958 года. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]»* [НКРЯ]. Только тот ребёнок, может называться «падчерицей», который является родным одному из супругов. В том случае, если ребёнок не является родным ни одному из родителей, используется термин *«приёмная дочь»*. Классические образы падчерицы в народном фольклоре на Руси, точно отражающие заключенное в менталитете русского народа отношение к падчерице, представлены в сказках «Золушка» и «Морозко».

2.1.6 Слова, определяющие принадлежность женщины к социальным слоям

Традиционно социальный статус женщины определялся по статусу ее мужа, а для незамужних женщин – по статусу семьи, где она родилась и выросла. Удачным замужеством, т.е. за человека выше себя по положению и материальному состоянию, женщина улучшала свой статус, неудачным – ухудшала и теряла те привилегии, которые шли у нее из родительской семьи. Сама женщина могла влиять на повышение статуса мужа, следовательно, и на свой тоже, лишь скрыто, опосредованно, через тайные действия и интриги. Действовать самостоятельно и открыто у женщин практически не было возможностей, за редкими исключениями. В XX веке многое изменилось: легальное вхождение женщин в сферу оплачиваемого труда расширило их способы влиять на свое положение в обществе, при этом не отменив старые. В целом репрезентация статуса женщины в разных социально-экономических и культурных условиях изменялась от строя к строю. Следует привести несколько слов устаревшей лексики, часть из которых по различным причинам может встречаться и в современном языке. Это, прежде всего, барыня: «**Барыня**, барыни. ж. 1. Женск. к барин. 2. Название народной песни и пляски под мотив этой песни» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Люблю сердечно, дарю навечно*», – прочёл Гуляев. – *Да что это она? Такая барыня, и вдруг...* – *А это юмор у них такой особый, – зло ухмыльнулся Нейман.* [Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)*] [НКРЯ].

«**Боярыня**, боярыни, ж.(истор.). Жена боярина» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: «*Об одних говорили: «Удивительно простая, скромная...», о других: «Ох, совершенно невыносимая, надменная боярыня, будто и здесь она на кремлевском положении».* [Василий Гроссман. *Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989*] [НКРЯ]. «*Жили, жили, вот раз барыня гостей созвала.* [Г. А. Газданов. *Вечер у Клэр / начало романа (1930)*]» [НКРЯ]. Термин барыня является заимствованным из старорусского боярыня, которое являлось обращением к замужней женщине, представительнице высшего общества в древней Руси.

«Госпожа, госпожи. р. мн. госпож. Женск. К господин в 1 знач. (на письме обычно обозначалось сокращенно г-жа)» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: **«Госпожа Птифуа уже скоро тридцать лет как лежит на городском кладбище, под безносым мраморным ангелом [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943-1958)] [НКРЯ]. «– Да, да, – сказал он прочувствованно. – Бедная госпожа Мезонье! Профессора я уже не жалею. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943-1958)]» [НКРЯ].**

«Сударыня, сударыни (устар.). Женск. к сударь» [<https://ushakovdictionary.ru>]. На Руси – это обращение к замужней женщине, которая считалась из высшего сословия. То же, что **сударыня или госпожа**. А незамужних девушек называли барышня.

«Дама, дамы, ж. (фр. *dame*). 1. В буржуазно-дворянском обществе – женщина, по внешнему виду принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу. Замужняя женщина, в отличие от барышни. 2. Женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером» [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: **«Он спокойно отвечает бархатным баритоном: – Дама! Высаживают только детей на горшочек! [Майя Король. Имейте меня следующим // «Вечерняя Москва», 2002.03.14] [НКРЯ].**

«В письме говорилось, что в ответ на многочисленные просьбы мадам моей мамы посольство Франции в России сделало соответствующие запросы в определенные инстанции и теперь извиняется за то, что вся эта процедура заняла так много времени. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]» [НКРЯ]. Это термин латинского происхождения *domina*, который переводится как уважительное обращение к женщине из высшего круга. В Европе же данный титул считался почетным титулом, которым именовали супругу рыцаря, а также жену баронета. Дамами со времен французской революции стали называть любую замужнюю женщину.

Мадам – даётся в трех значениях: МАДАМ нескл., ж. (фр. *madame*). 1. Слово, присоединяемое к фамилии замужних женщин аристократического, буржуазного

круга в знач. госпожа (дореволюц.). || Слово, употр. при вежливом обращении к такой женщине, в знач. сударыня (дореволюц.). 2. Начальница женского института (разг. дореволюц.). 3. Гувернантка, воспитательница-иностранка в барском доме (старин.). Ее резвость и поминутные проказы... приводили в отчаяние ее мадам, мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу. Пушкин. 4. Хозяйка модного магазина, модная портниха (старин.)» [<https://ushakovdictionary.ru>].

Например: *«Возможно, когда ребята освоят этот новый для себя вид резьбы и начнут вырезать фигуры знаменитых людей, музей деревянных фигур в Спас-Клепиках прославится на весь мир, как музей восковых фигур мадам Тюссо в Лондоне [Музей-ларец // «Народное творчество», 2004]»* [НКРЯ]. Мадам в России с 1917 года называлась воспитательница, иностранка, желательно француженка, которая занималась исключительно детьми.

Королева – даётся в двух значениях: *«Королева, королевы, ж.1. Женск. к король в 1. знач. 2.жена короля»* [<https://ushakovdictionary.ru>]. Например: *«Вопреки слухам о разрыве, происшедшем между экс-королем португальским Мануэлем и его супругой, оба они прибыли совместно в Лондон, где их встретила королева-мать Амалия [Крупинки// газета «Раннее утро», 1913]»* [НКРЯ]. Данным титулом облечена особа женского пола (царствующая королева).

2.2 Отражение концепта «Женщина» в фразеологии и поговорках русского языка

Фразеология как раздел языкознания представляет собой один из самых важных аспектов отражения языковой картины мира народа и играет существенную роль в формировании и отражении мировидения и мироощущения того или иного этноса, в связи с чем фразеологизмы представляют собой особый тип языковых единиц, компонирующих концепт.

В устойчивых сочетаниях русского языка о женщинах встречаются различные слова, номинирующие само понятие «Женщина», через которые выражаются особые значения и / или их оттенки, и мы можем представить определённый имидж женщины в обществе, созданный в русской культуре и

обществе. По мнению М.А. Алексеенко, «в качестве языковых экспонентов базового концепта «женщина» выступает богатейшая ономаσιологическая парадигма лексических, фразеологических и паремиологических наименований лиц женского пола (феминизмов) с первичными (прямыми) и производными (переносными) значениями» [Алексеенко, 2009:61]. Нами не берётся во внимание функционально-стилистический анализ подобных лексем. Для фразеологии зачастую характерна в целом отрицательная оценка женщин. При этом нельзя считать, что такая оценка всегда исключительно негативная. По мнению А. Эмировой; «обычно отмечается способность фразеологических единиц разного типа, преимущественно паремий, давать отрицательный аксиологический портрет женщины глазами мужчины» [Эмирова, 2005:165]. Эту мысль развивает и М.А. Алексеенко: «Негативные стереотипы концепта «Женщина» в самых разнообразных подробностях, мелочах и деталях содержатся в многочисленных текстах культовой, художественной и публицистической литературы, фольклорных текстах и малых жанрах, наконец, во фразеологии, паремиологии и словарном составе различных языков» [Алексеенко, 2009:62].

Концепт «Женщина» является одним из базовых в русской лингвокультуре, представляет собой сложное ментальное образование, объединяющее все культурно обусловленные представления о женщине, сложившиеся в национальном сознании. Традиционно во фразеологических единицах отражаются следующие концептуальные признаки: доброта, красота, мудрость, верность, ум, а также отрицательные пороки: глупость, коварство, злоба. Язык является не только средством для обмена информацией, знаниями, а также своими мыслями, используемым людьми, но одновременно и «хранителем культуры», носителем всего комплекса культурных ценностей, связанных с жизнедеятельностью человека. Культура также оказывает глубокое влияние на язык, что, в первую очередь, находит отражение в лексическом составе языка. Особый интерес в этом аспекте представляет фразеология. Как пишет В. Н. Телия, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует

свое национальное самосознание, именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации» [Телия, 1996 :82].

В русском языке в числе базовых концептов выделяется концепт «Женщина», на развитие которого влияют культурно-исторические факторы, обуславливая универсальные и национально-специфические характеристики концепта. В языке функционируют фразеологизмы, относящиеся к женщине, описывающие не только внешность, но и жизнь женщин (характер, поведение, социальный статус). В вопросе выделения фразеологического фонда языка мы придерживаемся взглядов академика Н.М. Шанского который во фразеологическую систему включает пословицы и поговорки.

Во фразеологизмах, характеризующих концепт «Женщина» в русском языке, можно выделить несколько тематических групп, которые репрезентируют образ женщины. В русской культуре, как и любой другой, в том числе шугнанской, *женщина представляется хранительницей домашнего очага.*

2.2.1 Отражение концепта «Женщина» в паремиях русского языка

1) Женщина – хранительница домашнего очага

В русской культуре с древнейших времен считали, что женщины в основном занимают ведущую позицию в семье. Женщинам от природы дано владеть силой мысли и слова, поэтому ей подвластно реализовать все задуманное. Женщине важно в будничной суматохе не потерять основную сущность женского начала, заключенную в сочетании «хранительница очага». Это сильная женщина, которой подвластно отвернуть от своей семьи и близких все житейские невзгоды и беды. Во фразеологизмах *«Не та хозяйка, которая говорит, а которая щи варит»* [Даль, 1984:554], *«Добрая жена дом сбережёт, а худая – рукавом растрясает»* [Раковский, 1969: 52], *«Без женщины любой дом – сарай»* [Раковский, 1969: 51]. *«Хозяйкой дом стоит, без жены дом – содом»*. В перечисленных единицах указывается одна из самых важных и нужных для семьи черт характера женщины. Издревле в русской культурной традиции считалось, что именно на женщине лежит

ответственность за благополучие дома, его сохранение, здесь подчёркивается важность роли женщины в доме, её хозяйственность и трудолюбие.

2) Женский ум

В русской культуре бытует множество фразеологических единиц, отмечающих важность наличия ума и умения мыслить: *«Женский совет не мудрён, а кто его не слушает, тот не умён»* [Даль, 1984:238], *«Женский ум лучше всяких дум»* [Даль, 1984:238], *«Понятливо девку не долго учить»* *«Умная жена – благодать божья, умная жена как нищему сума: все сбережет, С умной женой пир пировать, а с глупой век горевать, Чем умнее жена, тем сильнее семья»* [Мокиенко, Никитина, 2001:337-339]. Данный признак внутреннего качества ставится выше внешних данных женщины, таких как красота, фигура, свидетельством чего являются приведенные выше фразеологизмы, которые оценивают положительное умение женщины рассуждать, мыслить здраво, а также отмечают прагматизм в мышлении женщин, выражающийся в здравом смысле.

3) Женская красота

Женская красота в русской лингвокультуре относится к качествам, имеющим амбивалентную аксиологическую маркированность. Потому в русских пословицах красота нередко противопоставляется уму или доброте. *«На красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко»* [Даль, 1984:555], *«Девушка красна до замужества»* [Даль, 1984:435], *«Красота – до венца, а ум – до конца»* [Даль, 1984:532]. Признак «красота» характеризуется высокой номинативной плотностью, имеет большое значение при описании женской. Внешняя красота может быть связана с красотой внутренней, духовной (прекрасный пол, краса ненаглядная и т.д.), умением красиво, со вкусом одеваться (жар-птица). Все эти фразеологизмы содержат сему положительной оценки, коннотативные семы «восхищение», «одобрение». В данных фразеологизмах красота оценивается как не самое важное качество, традиционно ценностные качества женщины ассоциировались с трудом, хозяйством и хлопотами в быту, важно было иметь ум и смекалку. Во фразеологизмах русского языка женская внешность носит условно-символический характер: *коса – олицетворение девичества, кровь с молоком – быть здоровой,*

белое лицо – символ чистоты, красна девица – символ красоты и молодости: «Девичья коса – на всю Москву краса. Моя реденька личиком беленька. Всего милее у кого жена белее. Бела, румяна – ровно кровь с молоком. Расцветает что маков цвет, кровь с молоком. Рубль да денежка, да красна девушка. Всё красные девки золотом изошьют замужество» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 74]. В русском языковом сознании женщина, имевшая облик, не соответствующий норме, оценивается отрицательно: *Драная кошка (груб. прост.)* – о худой, жалкого вида женщине. Внешность женщины в русской лингвокультуре играет второстепенную роль, во фразеологизмах подчёркивается женское трудолюбие, хозяйственность и ее добродетель. Женская красота (а точнее – ценности) перемещается в плоскость морально нравственных и социокультурных норм: «Красота приглядеться, а ум пригодится» [Даль, 1984: 558], «Не ищи красоты, ищи доброты» [Даль, 1984: 554], «Не гляди на красоту, а спрашивай доброту» [Мокиенко, Никитина, 2001:450].

4) Женская скромность

Этапы жизни девушки в родительском доме, после замужества отражаются в разных устойчивых сочетаниях: «Смирение – девичье ожерелье» [Даль, 1993:167], «Девушку украшает скромность, а не золочённая одежда», «Замуж идёт – песни поёт, а вышла – слезы льёт» [Даль, 1993:234], «Здравствуй, в красном: наживай голубой за мужниной головой» [Даль, 1993:235], «У батюшки девка промеж пальчиков, у мужа в руках» [Даль, 1993:233]. Скромность всегда ценилась на уровне ума и красоты. Без скромности многие положительные качества могли сойти на нет.

5) Женщины во взаимоотношениях с мужем

Как и в любом другом обществе, в русской культуре девушки должны выйти замуж и посвятить себя семье и мужу. Женщины в семье играют первостепенную роль, что подтверждается следующими ФЕ: «Муж – голова, жена – шея: куда шея повернёт, туда и голова повернётся» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988:186]. В семье многое зависит исключительно от жены, её поведения, она оказывает существенное влияние на мужа и на атмосферу семьи в целом. Если характер и нрав у жены злой, то мужу будет нелегко в таком браке: «Женился на скорую руку – да

на долгую муку» [Раковский, 1969:52]. Важность присутствия жены в жизни её мужа подчёркивается и в поговорках: «Без мужа голова не крыта, а без жены дом не крыт» [Раковский, 1969:51]. «Добрая жена – мужней голове корона» [Раковский, 1969:52], «Муж да жена – одна душа» [Раковский, 1969:52], «Муж и жена из одного кремня искры. Муж и жена – одна сатана» [Аникин, 1988: 187], «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне» [Раковский, 1969: 54]. «Никто так часто не ошибается в людях, как жены и матери» [5, с.54], «Жена моя полсела для меня» [Даль, 1984: 252], «Жена не гусли: поиграв на стенку не повесишь» [Даль, 1984: 214], «Жена мужем красна, а муж – женой с детьми, «Жена от мужа на ноготок, а муж от жены на локоток» [Мокиенко, Никитина, 2001: 336-33], «Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу, Муж да жена больше, чем брат и сестра, Муж и жена – одна сатана» [Мокиенко, Никитина, 2001: 561-562]. Приведём ещё одну поговорку, обобщая сказанное: «Жену выбирай не глазами, а ушами» [Даль, 1984:213]. Обязательным условием для будущей жены в русской культуре являться послушание: она должна быть *Тише воды, ниже травы*.

6) Женская доброта

Одно из наилучших черт характера, которым наделено большинство женщин, – это доброта. Доброта как одно из самых важных характерных черт женщины составляет значимую семантическую область объекта, еще значимее данное качество представляется при формировании концепта, что находит отражение в следующих ФЕ: «Девушки все ангелы, откуда же злые жены берутся?» [Раковский, 1969:52], «Добрую жену взять не горя ни скуки не видать, Добрая жена хозяйству научит, а злая от дома отучит, С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне, С доброй женой – не горе, а радость вдвойне» [Мокиенко, Никитина, 2001: 339- 340]. Доброта настолько украшает женщину и значима для семьи, что многие аспекты семейной жизни в менталитете русского народа связаны именно с этим качеством.

7) Выносливость и покорность женщины

С давних времён на Руси женщины были наделены такими важными качествами, как выносливость и покорность. Выносливость женщин на Руси вызывал восторг, который отражен в поэме Н. А. Некрасова *«Кому на Руси жить хорошо»*: *«коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт, где сатана не сможет, туда бабу пошлёт»*. Покорность жены является в языковом сознании русского народа одной из главных составляющих в благополучии семьи: *«Смиренна жена – велико добро, Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша»*, *«Жена честнее – мужу милее»* [Мокиенко, Никитина, 2001:337]. Данные качества на современном этапе оценены и другими народами, которые предпочитают брать в жены именно русскую женщину из-за ее черты быть терпимой к любым условиям и при этом сохранять покорность.

8) Роль матери в жизни детей

Во фразеологизмах русского языка мы видим важность присутствия именно матери в жизни ее детей, например, *«Без отца – пол сироты, а без матери – и вся сирота»* [Раковский, 1969:51]. С давних пор женщины должны были заботиться о семье: *«Без матки пчёлки – пропащие детки»*, *«Всякой матери своё дитя мило»* [Раковский, 1969:51], *«Дитя не плачет – мать не понимает»* [Раковский, 1969:52]. Во фразеологизмах описываться любовь матери, для которой все её дети одинаково равны и любимы ею: *«Матери все дети равны – одинаково сердцу больны»*, *«Материно сердце – в детях, а детское – в камне»*, *«Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет»*, *«Материнская ласка конца не знает»*, *«Материнская молитва со дня моря вынимает»*, *«Материнские глаза слепы»* [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 174], *«Мать любит дитя, а кошка – коту»* [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988:175], *«Дети едят кислые сливы, а оскомины у матери»* [Раковский, 1969: 52], *«Ежиха говорит ежонку: «Мой гладенький», а ворона воронёнку: «Мой беленький»* [Раковский, 1969: 52], *«Материнский гнев, что весенний снег: и много выпадает, да скоро тает»* [Раковский 1969: 53], *«Мать кормит детей, как земля людей»* [Раковский, 1969: 53], *«Мать приветная – ограда каменная»*, *«Мать хвалит дитя, а свинья поросёнка»*, *«Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнуть»* [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 175]. Пословица *«Мать плачет,*

что река льется; жена плачет, что ручей течет; невестка плачет, как роса падёт; взойдет солнце, росу высушит» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 175]. Показывает, насколько разнятся переживания женщины в зависимости от ее социального статуса. Уровень печали матери сильнее, чем у жены и невестки. Концепт «*мать*» выражает ласковую и всесильную женщину. Мачеха в пословичном фонде русского языка олицетворяет полную противоположность образу ласковой и любящей матери: «*Мать высоко замахивается, да не больно бьёт*», «*Мачеха низко замахивается, но больно бьет*» [Раковский 1969: 53], «*Кому мать, а нам мачеха*» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 138]. «*Мать гладит по шерсти, мачеха против*», «*Мачеха добра, да не мать родна*» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988:175]. Отношение к матери в менталитете русского народа, как и многих других народов, остается неизменным на протяжении многих веков, свидетельством чего являются многочисленные фразеологические обороты, отражающие культурную традицию и воспитывающие подрастающее поколение в духе доброго отношения к матери.

9) Презрительное отношение к женщине

Как уже отмечалось, фразеологизмов, характеризующих женщину, с негативной стороны гораздо больше, чем с положительной характеристикой. Ж. Липовецкий в книге «Третья женщина: незыблемость и потрясение основ женственности» цитирует слова Ж.Ж. Руссо о предназначении женщины с точки зрения мужчины: «Мужчинам во все времена нравилось, чтобы женщины были им полезны, заслуживали их любовь и уважение, воспитывали их в раннем возрасте, ухаживали за ними в зрелости, утешали, делали их жизнь легкой – таковы женские обязанности во все времена». Издавна в понимании общества мужчина считался олицетворением мужественности, силы и ума, в то время как женщины – болтливости, красоты и глупости. Издавна на Руси существовал стереотип, по которому суть женщины заключается в том, чтобы отдаваться, существовать ради другого, посвящать всю жизнь счастью мужчины: «*Бабе дорога – от печи до порога*» [Даль, 1984:273], «*Волос долог, ум короток*» [Даль, 1988: 274], «*Собака умнее бабы, на хозяина не лает*» [Даль 1984:274], «*Кто с бабой свяжется – сам*

бабой будет», «Бабий ум – бабье коромысло», «Кобыла не лошадь, баба не человек» [Даль, 1984:275], «Стели бабе вдоль, она меряет поперёк», «Баба пьяна, а суд свой помнит» [Даль, 1984:274]. В русских патриархальных традициях «женское» само по себе уже является отклонением от нормы. Женщина отличается от мужчины только тем, что она женщина, существо низшего ранга, недочеловек: «Курица не птица, а баба не человек», «Курице не быть петухом, а бабе мужиком», «Я думал идут двое, а мужик с бабой», «Баба что мешок, что положишь, то и несёт», «Кто бабе (свахе) поверит и трёх дней не проживёт» [Даль, 1984:275]. На современном этапе развития русского народа отношение к женщине существенно изменилось, в отдельных случаях женщина по многим параметрам общественной жизни превосходит мужчин. Ее значимость в социальной жизни современного общества все время нарастает.

10) Женская болтливость

В русском обыденном сознании главным стереотипом, связанным с женщиной, является ее болтливость: *«Бабий язык, куда ни завались достанет», «Где баба, там рынок, где две там базар, три бабы базар, а семь – ярмарка», «Гусь да баба – торг», «Два гуся, две бабы – ярмарка» [Даль, 1984:273]. «У бабы семь пятниц на неделе» [Даль, 1984:274]. Многие из этих пословиц имеют иронически-насмешливый характер и показывают пренебрежительное отношение, прежде всего, мужчин к процессу женского говорения, не имеющему никакой ценности: «Волос долог, а язык длинный (у бабы)», «Волос долог, да ум короткий», «Баба что глинный горшок: вынь из печи он пуще шипит» [Даль, 1984:274]. Стереотип болтливости женщины считается общепринятым (пусть даже только у мужской половины) фактом: «Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей», «Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке» [Даль, 1984:274]. Женская болтливость в русском языке также связана с любопытством женской природы: «Нет тебе дела, Федосья, обирать чужие колосья! Приехала из города Фетинья, привезла щепетинья». К сожалению, подобное отношение к данной внутренней отрицательной характеристике женской природы остается до сих пор в менталитете русского народа.*

11) Женские слёзы

Слезливость женщин считается своеобразным оружием против мужчин. Немало примеров в пословицах и поговорках русского языка, что подтверждается выражением: *сила женщины – в её слабости*. В данном примере объединены две противоположные концепции: слабость и сила, благодаря чему фраза обладает ярким образным и смысловым зарядом. Или такие примеры: «*Женский обычай – слезами беде помогать*» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988:97], «*У баб и у пьяных слёзы дешёвы, Бабы слёзы чем больше унимать, тем хуже*», «*Без плачу у бабы дело не спорится*» [Даль, 1984:274], «*Женские слезы не вода, а невода*» [Селиванов, Кирдан, Аникин, 1988: 94]. В поговорке «*У женщины слёзы дешёво стоят*» есть намёк на то, что женщины любят плакать по поводу и без.

12) Вздорный нрав женщины

Образ разгневанной женщины, её своеобразного вздорного нрава существует во многих культурах. На Руси женщины с давних времен подавляли свои эмоции, со временем же негативные эмоции выплескивались наружу: «*Лучше раздражить собаку, нежели бабу*», «*Женское сердце что котёл кипит*» «*Женский обычай – что вперёд забежать*», «*Женская лесть без зубов, а с костями сложит*», «*Куда черт не поспеет, туда бабу пошлёт*» [Даль, 1984:275]. Женский гнев служит напоминанием о том, что может произойти с мужчиной, если он и дальше не будет считаться с ее мнением.

13) Женская лесть

Лесть, применяемая женщиной против мужчины, чрезвычайно эффективна: «*Жена льстит – лихое норовит*» [Селиванов, Кирдан; Аникин, 1988:97]. Обычно мужчины от природы лестью и комплиментами не избалованы. Compliments привычны женщинам, потому лесть даже на умного мужчину производит ослепляющий эффект. Опытные женщины это прекрасно знают и широко используют в своих целях.

2.2.2 Отражение концепта «Женщина» в фразеологии русского языка

1) Противопоставление женщин и мужчин по определенному признаку и

свойству

В русском языке в основе концептов «мужчина и женщина» лежит биологический признак принадлежности к определенному полу. Потому в языке существует система пар, обозначающих лиц мужского и женского пола. *Женский пол – мужской пол, женский род – мужской род, женское сословие – мужское сословие, слабый пол – сильный пол, нежный пол – грубый пол.* Во фразеологической системе русского языка компоненты пол, род, сословие, племя не случайно соотносимы с культурой, и включают представления о мужчинах и женщинах. Устойчивые сочетания, именующие женщину, в своей структуре имеют оценочные компоненты: иронию (*бабье сословие, дамское сословие, женская половина человечества, женский пол, женское сословие*), сочувствие (*слабый пол*), одобрение, реже с иронией (*нежный пол, прекрасный пол*), с иронией или пренебрежением (*Евино-племя*). Большая часть фразеологических единиц, приведённых выше построена на антитезе, противопоставлении мужчин и женщин по определенному признаку, качеству и свойству. В ФЕ *прекрасный пол* и *Евино племя* содержится скрытое противопоставление по половому признаку. Фразеологизм *прекрасный пол* заимствован из французского *le beau sexe* в 18 веке. Он имел разные лексические варианты: любопытная, нежная, прелестная, слабая и нежная. С истечением времени варианты *прелестная* и *любопытная* вышли из употребления. Потому образовались единицы, обозначающие женщин по свойству: нежность, красота, слабость. Компоненты *нежный, прекрасный, слабый* соотносимы с культурой, в которой женщины от природы очень ласковые и любящие существа. В отличие от мужчин, они обладают мягким, чувствительным, характером. Потому им свойственно проявление любви, ласки, и теплоты. Формирование этих качеств у женщины зависит от психологических, эмоциональных особенностей женщин, которые обусловлены социальными функциями, такими как материнство и воспитание детей.

Слабый пол – о женщинах [Тихонов, Ломов, Ломова, 2003 :337]. Данный фразеологизм основан на гендерном аспекте понятий мужчина и женщина, а также на связанном с ними противопоставлении *сильный – слабый*. В данном

фразеологизме свойства женщины, обусловлены ее физической, и духовной слабостью. В целом же данный фразеологизм изображает эталонное представление о женщине как о хрупком существе, уступающем мужчине с точки зрения физической, нравственной, интеллектуальной, духовной силы и поэтому нуждающемся в защите, помощи и покровительстве, с чем в корне не согласны представительницы слабого пола. Еще одной чертой женского характера является любопытство, которым женщина наделена от природы. Эти характеристики подчеркиваются во фразеологизмах *Евино племя (семья)*, *Евина внучка (дочка)*, поскольку в них есть упоминание о Еве, первой женщине на земле, вкусившей запретный плод. Это библейская история послужила закреплению в сознании носителей христианской культуры определенных представлений о женщинах.

2) Привлекательность женщины

Женщина всегда стремилась быть привлекательной не только до замужества, а на протяжении всей своей жизни. Привлекательности и умению преподнести свою красоту женщин в полном объеме обучают с детства мать и бабушка. В менталитете мужчин выбор спутницы, прежде всего, связан с ее привлекательностью. Фразеологизм *Лакомый кусочек (ум. -ласк.)* – перен. что-н. очень заманчивое, привлекательное, соблазнительное. В основе образа лежит метафора, уподобляющая человека или предмет лакомству, тому, что доставляет особое наслаждение. Употребление уменьшительной формы кусочек и компонента лакомый часто связывают со стереотипным представлением о привлекательной женщине. Выражения *сладкая женщина*, *аппетитная красотка* в целом выступают в роли многообещающего сильно желаемого предмета.

Сладкая женщина – данный фразеологизм стал популярным после экранизации в 1976 году режиссёром Владимиром Фетиним с повести советской писательницы Ирины Александровны Велембовской (псевдоним И. А. Шухгалтер, 1922—1990). Во фразеологизмах *лакомый кусочек* и *сладкая женщина* мы наблюдаем не только привлекательность, но также обаяние и особую соблазнительность, которая присуща исключительно женской натуре.

3) Целомудренность женщины

Целомудрие, определяемое в словаре Ушакова как добродетель, строгость в нравственном отношении, высоко оценивалось в культурной традиции русского народа, и такое же отношение к данному качеству женской природы сохраняется и сегодня. Фразеологизм *Василиса премудрая* возник на основе персонажа русских народных волшебных сказок. В большинстве из них Василиса Прекрасная – дочь морского царя, которая наделена мудростью и способностью перевоплощения. Тот же женский образ выступает под именем Марьи царевны, Марьи Моревны, Елены Прекрасной. В фольклоре на Руси Василиса пришла из Византии в начале 13 века. Суть персонажа зависела от ее имени. Владимир Пропп, филолог-фольклорист, доказал, что жанр волшебной сказки уходит корнями в эпоху первобытной общины, когда мужчины проходили разные магические обряды, получая специальные силы и власть над животными. Прохождение обряда было своего рода путешествием в потусторонний мир, где мужчина подвергался жестоким испытаниям: ему могли отрезать пальцы, его могли пытать огнем и так далее. Позже, когда охотничье общество сменилось земледельческим, эти традиции постепенно ушли из жизни, но их завуалированные описания остались в сказках. Именно поэтому во многих сказках Василиса испытывает потенциального жениха самыми странными и даже пугающими способами вроде прыжка в котел с кипятком: такие сюжеты – отзвук времен древнейшего матриархата, когда женщина была «держательницей рода и тотемической магии».

Фразеологизм *Царевна Несмеяна – депрессивный человек* [Барих, 2005: 174-225] возник также на основе персонажа русских народных сказок, молодая красавица, которую трудно рассмешить. Чаще всего это дочь какого-нибудь царя или короля, который готов отдать свою неулыбчивую дочь, да ещё полцарства в придачу, тому доброму молодцу, который сумеет развеселить его любимое чадо. Символическими признаками Царевны Несмеяны выступают скромность, серьезность, задумчивость, не улыбочивость.

Фразеологизм *Царевна недотрога – «О женщине, которая держится подчеркнуто строго, не допуская малейшей вольности или шутки»* [Федоров, 1997: 20-356] возник тогда, когда на Руси преувеличенно называли

обидчивую, ранимую, щепетильную женщину, отвергающую всякие вольности в общении, фамильярность и вообще вторжение в своё внутреннее пространство. В более узком смысле недотрогами называют женщин, не терпящих «прикосновений», имеющих репутацию «порядочных», или целомудренных. Нередко образ «недотроги» становится способом демонстративного поведения, напускным ханжеством, прикрывающим совсем другой образ жизни (разыгрывать из себя недотрогу).

4) Характеристика женщин, ведущих разгульный образ жизни

Во фразеологической системе отражаются практически все ментальные особенности народа, и такой важный для общества характерный признак женщин, как соблюдение этических норм, принятых народом в отношении женщин, не мог остаться без внимания. Образ женщины, ведущей разгульный образ жизни, всегда публично осуждался и даже в определенной степени отчуждал их от многих социальных дел. Это не могло не отразиться во фразеологической системе. Приведем несколько из них. *Дама из Амстердама* – устар. шутл.-ирон. Проститутка. *Дама полусвета* – «книжн. ирон. Женщина легкого поведения» [Барих, 2005: 174]. *Дама с камелиями* – доступная женщина. Героиня драмы А. Дюма *дама с камелиями* или просто *камелия*, отсюда и происхождение данного фразеологизма. Пьеса Дюма имела большой успех. Его героиня – женщина легкого поведения, испытавшая истинную любовь, пала жертвой своего чувства. *Жрица Венеры* – данный фразеологизм свидетельствует о том, что в языческих культурах существовало сословие женщин, которые посвящали себя культу плотской любви, причём во все времена такие женщины осуждались обществом и презирались людьми. *Ночная бабочка* – «эвфемизм, нередко использующийся для описания проституток» [Мокиенко, Никитина, 2001: 42]. В начале 19 века в Стокгольме женщин легкого поведения называли *attfjärilar* (ночные бабочки, ночные мотыльки). Отсюда и истоки данного фразеологизма в русском языке. Так, фразеологизм *Попрыгунья стрекоза* – «разг. шутл. о ветреной, непостоянной женщине» [Мокиенко, Никитина: 2007]. Относится к женщинам, которые ведут непристойный образ жизни, а потом возмущаются, почему у них не все хорошо.

Фразеологизм *Вавилонская блудница* – «крайне развращённая, распутная женщина» [Молоткова, 1986:38] отражает тот же образ. В русском языке слов, обозначающих женщину легкого поведения, довольно много. Некоторые из них являются общеупотребительными, другие – бранной лексикой. Некоторые слова пришли из прошлого и сейчас носителями языка воспринимаются как устаревший лексический пласт. Пример подобного явления – фразеологизм «*вавилонская блудница*». Слово «блудница» в Писании встречается достаточно часто. Первый раз данный фразеологизм упоминается в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Так именуется не только женщина, но и народ Божий, который предпочел чистой Божьей любви манящее греховное естество. Данное выражение встречается в Библии, в Новом Завете. Послание это написано апостолом Иоанном на острове Патмос, когда он был в ссылке. Он видел видения, которые показывали ему будущее. Апостол в 17-й главе описывает свою встречу с ангелом, призывающим его посмотреть суд, который состоится. Суд над великою блудницею, сидящею на водах многих с нею блуд действовали цари земные, и вином её блуд одеяния упивались живущие на земле. Потом Иоанн называет женщину, которую судят, просто «Вавилон великий», отсылая читателя к ветхозаветным временам, когда столица Персии была городом разврата и порока. Далее из текста мы понимаем, что женщину именуют просто «блудница», что впоследствии и привело к происхождению выражения «вавилонская блудница» несмотря на то, что дословно такое словосочетание в Откровении не встречается, Вавилонская блудница – это образ женщины, которая состоит из греховных деяний. В Библии блудница означает падшую женщину, которая живет по греховным принципам, предаёт, изменяя своему мужу, или же, не имея мужа, проводит ночи в кампании с разными мужчинами. Сегодня так называют женщин, чья порочность достигла небывалых масштабов, хотя слово и считается устаревшим.

Фразеологизм *Вешаться на шею* – *приставать к кому-либо с ласками, нежностями; усиленно добиваться чьего-либо расположения, взаимности в любви* воспринимается как переход от позиции привлечь к себе внимание к наступлению. В этом плане женщины применяют все возможности, чтобы достичь своего. Для

них не существует ни границ, ни предела. К такой категории женщин относятся более сильные, самоуверенные, идущие наперекор всему. Инициатива наказуема, часто таких девушек используют и бросают.

5) Неаккуратность и неряшливость женщины

Фразеологические единицы, характеризующие внешний вид женщины и имеющие негативную оценку, объективируют входящие в понятийный компонент концепта признаки «чрезмерная худоба», «изможденность», «неряшливость», «отсутствие красоты», «отсутствие женственности», «отсутствие обаяния». Они вербализуют представление об анти идеале русской женщины. По культурным традициям русского народа, женщина должна оставаться женственной, уметь очаровывать, даже если она выполняет мужскую работу. Иначе она будет осуждена и даже подвержена презрению, отчуждению со стороны окружающих. Так, фразеологизм *Драная кошка* – «(прост.) худая, истощенная кошка; 2) перен. о худой, жалкого вида женщине (вульг.)», *мужик в юбке, синий чулок* [Молоткова, 1986: 32-273] в народе трактуется по-разному. Но чаще всего его соотносят с скверной, противной, злой женщиной. У людей следующее ассоциация с кошкой: она становится драной, когда ее бьют или же во время драки с другими животными. Обычно в этот момент она очень громко кричит. Вот и женщину, у которой очень громкий голос и которая постоянно с кем-нибудь конфликтует, могут обозвать драной кошкой. Или же данный фразеологизм характеризует женщину хорошую, но очень изможденную, худую. Синоним данного фразеологизма – «*кожа да кости*». Некоторые придерживаются мнения о том, что данный фразеологизм появился из-за внешнего сходства неухоженного меха кошки с видом некоторых женщин, которые совершенно не следят за собой.

Фразеологизм *Синий чулок* – «женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами» [Тихонов, Ломов, Ломова, 2007:259] возник в 18 веке в Англии. Все началось с нонконформистского жеста Бенджамина Стиллингфлита. Может быть из-за своего стиля или вредности, но интеллектуал предпочёл черным чулкам синие. История стала достоянием общественности благодаря салону Элизабет Монтегю. Таким

образом, первым синим чулком был мужчина, потом вообще салон переименовали в честь этого прекрасного элемента гардероба, но, правда, сделали это злые языки. *Синим чулком* называют женщин, которые внешне и внутренне походят на мужчин и интересуются всем тем, что обычно увлекает представителей мужского пола – это женщина, которая интересуется политикой. Такие женщины не хотят замыкать себя в строгих гендерных представлениях. Сегодня, как и тогда, находятся прекрасные создания, которые бунтуют против сведения их жизни к стереотипу, причем мужскому.

Фразеологизм *Серая мышка* появился в обиходе после выхода в свет 1988 году кинофильма по мотивам одноимённой повести Виля Липатова. Этот фразеологизм применим к тем женщинам, которые почти незаметны. Они всегда на вторых ролях. В обществе почему-то принято считать, что такие женщины – хорошие жены, но мало кому приятно быть серой мышью. Часто такие женщины хотят проявить себя, но им неведомо как. У них возникают сложности в общении, у них мало друзей, они не умеют подать себя, и все это, конечно же, осложняет их жизнь. Они очень скромные, стараются вести себя тихо и незаметно. Как правило, у них зажатые и скованные движения. Улыбаются такие женщины редко и осторожно. Такой тип женщин всегда думает о том, какое впечатление они произведут на других.

Фразеологизм *Кикимора болотная* – «1) Нечистая, по суеверным представлениям, сила в женском облике, живущая за печкой, в лесу, на болоте. 2) перен. разг. Женщина, имеющая смешной, нелепый вид» [Мокиенко, Никитина :2007] возник на уровне сказок и поверий, *описывающих* болотную кикимору. Кикимора – дух людей, не сильно любящих. Есть Кикимора болотная, описание которой отличается от домашней. Она вредит людям – при встрече может сбить с дороги, напугать гуляющего по лесу ребенка. Впрочем, если верить сказкам про кикимору, она способна принимать любой облик – знакомого человека, обычной женщины или мужчины, красивой девушки с распущенными волосами. Перевоплощался дух болота и дома в разных животных.

б) Объединение женщин на основе какого-либо признака, помимо полового

Женщин объединяют не только те характерные признаки, которые мы привели выше. Есть фразеологизмы, которые стоят особняком и обозначают отдельные признаки, по которым объединяются женщины. Так, например, фразеологизм **Шерочка с машерочкой** «характеризует закадычных друзей, они повсюду бывают вместе, одинаково мыслят и, как правило, не могут принять решение друг без друга» [Тихонов, Ломов, Ломова, 1986 :411-553], относится к определению подруг с близкими внешними и внутренними характеристиками. Данный фразеологизм берет начало со времен, когда в России существовал Смольный институт благородных девиц и подобные ему заведения. Порядки в таких учебных заведениях были крайне строгими. Им не разрешалось вульгарно одеваться, краситься, умывались они только холодной водой и общались между собой только на французском или немецком языках. В фильмах мы часто видим, как ученицы танцуют на балах с кавалерами. А на самом деле на балы, которые устраивались в Смольном институте, мужчины не допускались. Потому выход у девушек был один – танцевать друг с другом. А поскольку называли девушки друг друга на французский манер *cher ta chere* (моя милая, моя дорогая), то и появилось выражение *шерочка с машерочкой*.

Фразеологизм **Дочь Евы** – «шутл. о женщине, страдающей излишним любопытством» [Молоткова, 1986:71]. Повествование отсылает нас к библейскому мифу, согласно которому *Ева* – первая женщина, сотворенная богом. Из любопытства она вкусила плод запретного дерева, за что была изгнана из рая. Ее имя стало синонимом любопытной женщины.

Фразеологизм **Сестры по оружию** – «только о женщинах» [Телия, 2006] восходит к древнейшим представлениям свой-чужой, друг-враг, мужчина-женщина. В русском языке он отображает различие между мужской и женской дружбой, в основе которого лежит стереотипное представление о том, что взаимопонимание может быть достигнуто только между представителями одного пола. Гендерная позиция братство – сестринство (сестричество) являлась характерной чертой ряда церквей. Идея сестринства использовалась феминистским движением (движением в защиту прав женщин), основанным на равноправии

полов. В женских обществах всегда существовала взаимная поддержка, сочувствие и поддержка. Одним из западных лозунгов был *в сестринстве сила!* В российском женском движении появилось следующее похожее высказывание: *все люди сестры*. В целом же и в России, и на Западе в данном фразеологизме отражено стереотипное представление о совместной жизнедеятельности людей. Жить в согласии, помогать и поддерживать друг друга – только так можно противостоять различным обстоятельствам, в одиночку многие трудности оказываются непреодолимыми.

7) Характеристика пожилых сварливых женщин

Возраст для женщины является очень важным аргументом для проявления тех или иных характерных черт. В русской национальной культуре у женщины не принято спрашивать о возрасте, они делают все, чтобы казаться моложе. Здесь в основном, бытуют фразеологизмы, связанные со старческим возрастом. Фразеологизм *Чертова перечница* – «Бранное выражение в адрес злой, сварливой старой женщины» [Мокиенко, Никитина: 334] употребляется по отношению к черствой старой женщине. Перечница – это сосуд для молотых зерен перца. Отсюда и происхождение данного фразеологизма.

Фразеологизм *Старая карга (прост.)* употребляется в значении старой, злой, сварливой женщины. Данное сопоставление основывается на её сравнении с вороной (от тюркского «*karga*» ворона, восходящего к «*kara*» черный), которая в народной речи оценивается отрицательно. Тем не менее существуют разные интерпретации этого фразеологизма. В. М. Мокиенко [Мокиенко, «Русская речь», 1980, N 2:231-236] возводит его к словам русского языка, имеющим в своем значении такой признак, как изогнутая форма. В частности, читатель перечисляет целый ряд значений у лексемы карга, в которых содержится сема «изогнутый», указывает на то, что существительное карга изначально означало не ворону: «Как можно сомневаться в логичности и последовательности этого ряда и притягивать тюркское слово «кара» к объяснению издревле русского слова, ведущего свое происхождение, так же, как и слово «корабль», от слов «корень», «кора», «коряга», т. е. связанного с деревом – исконно русским атрибутом жизни и быта»

[Мокиенко,1980: 234]. Потому оборот *старая карга* употребляется лишь для наименования человека преклонного возраста, так как существует такой бросающийся в глаза признак, который свойствен только старым людям. Это сгорбленность. Таким образом, сравнение идет с кривым деревом. Подобного рода переносы типичны для русского языка.

Фразеологизм *Старая гримза (бран. прост.)* считается бранным, потому что так называют женщин, которые постоянно ворчат, оскорбляют других. Ассоциация данного термина связана со старухой, которая всем недовольна. Осуждая других, она становится более счастливой. Ее слова не всегда выдумка, она может говорить и правду, но ее никогда не слушают. Грымза постоянно высказывает колкие суждения, которые задевают людей. А еще она связана с образом некрасивой женщины – Бабы Яги или Кикиморы болотной. Во всех случаях гримза основывается на сравнениях с неприятным человеком, но иногда так могут называть кого-то в шутку. Ругательный просторечный фразеологизм в русском языке используется для обозначения человека, в частности женщины, которая несет вздор и бессмыслицу. Сравнение гримзы с колдуньей и ведьмой наглядно показывает, что несет в себе данный фразеологизм.

Фразеологизм *Чёртова кукла* – «прост. брань. о непорядочном человеке (чаще – о женщине) [Мокиенко, Никитина, 2007]. В народе так принято отзываться о женщинах, свойством и чертой характера которых являются склонность к обману, изворотливость, выражать отношение к содержащим злой умысел поступкам, часто прикрытым внешней добротой.

Фразеологизм *Баба-яга (костяная нога)* – 1) персонаж русских народных сказок – злая старуха, колдунья; 2) разг. презрит. О злой, сварливой или безобразной женщине [Федоров, 1997:20]. В «Большом словаре русского жаргона» фразеологизм баба-яга имеет другие значения:

1) угол. шутл.-ирон. или презрит. Строгая сотрудница ИТУ;

2) угол. шутл.-ирон. Женщина – инспектор детской комнаты милиции (как правило, неуравновешенная, грубая) [Рублева, 2006: 42]. Это персонаж из славянской мифологии (из волшебной сказки). Уродливая старуха, владеющая

волшебными предметами и наделённая магической силой. В ряде сказок уподобляется ведьме, колдунье. Отрицательный персонаж, но иногда выступает в качестве помощницы героя. Помимо русских, встречается в словацких и чешских сказках. Кроме того, является обрядовым святочным персонажем в бывших славянских землях в Австрии, масленичным персонажем в Черногории и ночным духом в Сербии, Хорватии и Болгарии. Образ Баба-яги изображается как старуха с большим горбом, длинным крючковатым носом.

8) ФЕ библейского происхождения

В каждой национальной культуре много видимых и невидимых связей с религиозными традициями, что не могло не отразиться и на фразеологической системе. Так, например, фразеологизм *Бесплодная–смоковница* – «1. О бездетной женщине (грубо, уничижит.). 2. О человеке, чья деятельность лишена смысла, не приносит результатов (ирон.). [Ашукин, Ашукина, 1987:27]. Данное выражение возникло из евангельской легенды. Иисус, увидев при дороге смоковницу, подошел к ней, но, не найдя плодов, сказал: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». И смоковница тотчас засохла. Именно данная сема вложена в основное значение указанного фразеологизма.

Фразеологизм *Кающаяся Магдалина* – «о тех, кто лицемерно каются в своих прегрешениях (ирон.)» [Федоров, 1997:20-356] также восходит к религиозному писанию. Повествование идет о бывшей блуднице Марии Магдалине, которая была возвращена к праведной жизни Иисусом, изгнавшим из нее семь бесов. Кающимися магдалинами иронически называют также лиц, плаксиво кающихся в своих проступках.

9) Негативная характеристика интеллектуальных способностей женщин

Среди признаков, входящих в концептуальный аспект интеллектуальных способностей, наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак «глупость» (валаамова ослица, дура неотесанная, дура стоеросовая и т.д.). Признаки образованности, поглощенности книжными интересами, отсутствие женственности объективированы ФЕ *синий чулок*. Этот фразеологизм

иллюстрирует доминирующее в русском обществе мнение о том, что женщине не следует афишировать свою образованность, иначе она не в состоянии выполнить свою основную роль – женщины-матери. Фразеологизм **Валаамова ослица** (ирон.) – предельно молчаливый и покорный человек, который неожиданно высказал вдруг своё мнение, несогласие с общим мнением, протест. В Библии в Ветхом Завете говорилось об ослице месопотамского волхва Валаама, отправившегося одолевать чарами израильтян по наущению царя моавитян Волока. Ослица, к великому удивлению Валаама, вдруг заговорила человеческим голосом. Потому в народе валаамовой ослицей могут назвать тихого, молчаливого человека, который неожиданно начинает открыто выражать своё мнение. Также у данного оборота есть ещё одно значение. Валаамовой ослицей иногда называют глупую и упрямую женщину.

Фразеологизм **Женская/бабья логика** (*шутл., ирон.*) – о суждениях, лишенных строгой последовательности, логичности, основанных на чувстве, а не на доводах рассудка. Название эмоционального мышления, присущего женскому полу. Суть «женской» логики состоит в том, что выводы делаются на основе эмоциональной оценки объектов. К вопросу женской логики и её описания обращались классики русской литературы (Аверченко, Тургенев, Лермонтов), а также некоторые математики (А. Н. Колмогоров, Д. В. Беклемишев). Феномен женской логики в России и Европе обычно воспринимается с существенной долей юмора.

Фразеологизм **Бабьи сказки** – (*прост. пренебр.*) – то же, что *Бабушкины сказки, (неодобр.) Вымысел, выдумки, небылицы*. Часто, что-то рассказывая, женщина может и присочинить, и приукрасить. И не всегда этому можно и нужно верить. Особенно это касается женских посиделок, когда могут собраться не две женщины, а большая женская компания, где есть место фантазии, вымыслу и, как еще говорят, «бабьим сказкам». Поэтому «бабьими сказками» называют выдумку, фантазии, в которых до правды бывает, на самом деле, очень далеко.

10) Психологическая характеристика женщин

Среди признаков, относящихся к аспекту психологических характеристик, наибольшей номинативной плотностью характеризуются такие формирующие понятийный компонент признаки, как «злость», «сварливость», «изнеженность», «избалованность», «неприспособленность к жизни», «независимость», «самостоятельность», «решительность», «энергичность». Эти качества наиболее ярко отражают ценностные установки общества, противопоставляя положительные и отрицательные свойства русской женщины.

Фразеологизм *Кисейная барышня* – «изнеженная, не приспособленная к жизни женщина» [Молоткова, 1986:38] появился на Руси в 19 веке. Восходит это выражение к повести Николая Помяловского «Мещанское счастье», героиня которой носила платье из кисеи – тонкой хлопчатобумажной ткани. В газовых тканях нити не прилегают плотно друг к другу, между ними остаются промежутки, что и придает им особую воздушность и прозрачность. На Востоке, где очень жарко, кисея считается очень ценной тканью. Она затеняет помещение и пропускает воздух. В прежние времена кисею использовали для создания женской одежды. Эту материю предпочитали русские молодые дворянки, которых называли «барышнями». Девушки старались соблюдать все последние веяния моды и изысканно выглядеть. Кисея была особенно к лицу молодым девушкам, дамы постарше предпочитали более плотные материи. Достаточно вспомнить белое платье, украшенное атласным бантом и предназначенное для бала, о котором пишет Екатерина Сушкова, дама сердца юного Михаила Лермонтова. «Яблочно-зеленое платье» главной героини романа «Унесенные ветром» было сшито из тарлатана – разновидности кисеи. Особой популярностью пользовались тонкие материи модных бледных оттенков.

Устойчивое выражение *Тургеневская барышня/девушка* – героиня из произведения И. Тургенева, стереотип, который сформировался в русской культуре на основе нескольких женских персонажей из произведений 1850-х – 1880-х годов. Данный фразеологизм в современной языковой ситуации перешел в эпитет «тургеневская барышня/девушка», который ошибочно употребляется для

обозначения идеалистки, нежной, красивой девушки. Очевидно, произошло частичное смешение с характеристиками кисейной барышни.

В основе фразеологической единицы *Маменькина дочка* разг. пренебр. *Изнеженная, избалованная девушка*» [Молоткова, 1986:38] лежит метафора, которая уподобляет взрослую девушку маленькой девочке, которую очень любят, опекают, о которой заботятся родители, особенно мать. В сочетании уменьшительно-ласкательных форм слов с компонентом маменькина и дочка участвует атмосфера любви и нежности, в которой живет ребенок. На данном примере фразеологизма до нас дошло традиционное воспитание девочек, которые с почтением и уважением относились к родителям, их воле, а впоследствии и воле супруга. Девочек воспитывали в строгости, начиная с екатерининской эпохи существовали престижные учебные заведения, воспитанницами которых были девушки дворянского происхождения. В данном учебном заведении учили музыке, литературе, живописи и танцам, а также формирующим моделям поведения и манерам светского общения с противоположным полом, в котором особый акцент делался на подчеркивании женственности, хрупкости, слабости, беспомощности, нерешительности, скромности. Потому близость матери и дочери не считалась недостатком, а наоборот – оценивалось как существенное достоинство. В фразеологизме отражается и то, что девочки – всегда маменькины дочки. Даже оставив родительский дом, выйдя замуж, они не прерывают связь с матерью. Современное общество, которое требует от женщин и девушек раннего взросления, формирует в образе фразеологизма *маменькина дочка* неодобрительное отношение к постоянно опекаемому, не способному принимать самостоятельных решений существу.

11) Кокетство женщин

Всякая женщина стремится понравиться мужчине с тем, чтобы создать семью. Однако у отдельных женщин в характере проявляется кокетство, то есть стремление нравиться вдруг и одновременно многим мужчинам, обманывая и скрывая, кому отдает предпочтение. На основе данной семы возникло несколько фразеологизмов. Так, устойчивое сочетание *строить глазки* означает кокетничать

и имеет многочисленные синонимы типа *вертеть хвостом, играть глазами, делать глазки, стрелять глазами*.

Фразеологизм ***Играть глазами*** означает *бросать выразительные взгляды на кого-либо с целью пробудить к себе интерес*. Это один из самых невинных и в то же время один из самых действенных приемов, чтобы привлечь к себе внимание лиц противоположного пола. По сути, фразеологизмы *строить глазки и играть глазами* являются синонимами.

Фразеологизм ***Стрелять глазками*** – *Кокетничать, стараться обратить на себя внимание, флиртовать* восходит к мифологическому представлению о магической силе женского взгляда, связанному с мифом о том, что глаза обладают определённой волшебной силой, способной притянуть другого человека. Глаза или понятия о взгляде как одном из средств поражения представлены в древнегреческой мифологии о Медузе Горгоне, взгляд которой мог превратить человека в камень. Образ данного фразеологизма в целом представляет типичное женское поведение, в котором женщина хочет сообщить о своем выборе того или иного мужчины, заинтересовать его собой.

12) *Непостоянство женщин*

Постоянство женщины представляется одним из самых важных условий совместной семейной жизни, чему в национальной культуре практически всех народов, в том числе и русского, придается особенное значение. Непостоянство воспринималось и как супружеская неверность, и как взгляды на жизненные обстоятельства. Например, фразеологизм ***Башмаков еще не износила*** означает: *прошло еще так мало времени, а человек уже изменил свои взгляды, убеждения*. Данный фразеологизм возник из монолога Гамлета одноименной трагедии Шекспира.

Фразеологизм ***Девичья память*** относится к девушкам, которые быстро забывали своих возлюбленных и находили новых. Фразеологизм «девичья память» возник из-за сокращения старинной пословицы «Девичья память парня забыла». Это выражение часто используют и сегодня в отношении человека, который не

помнит своих обещаний или постоянно повторяет одни и те же ошибки, однако без значения о супружеской неверности.

13) Властность женщин

Властность женщины в русской культурной традиции является отрицательной чертой характера женщины. Женщины же, как правило, эту свою черту оценивают, как положительное качество. Для семейной традиции русского народа властность женщины – не характерный признак семьи, даже как социальное явление властность женщины имеет негативный оттенок. Фразеологизм *Леди Макбет* – «*книжн. О властной, жестокой женщине, которая не останавливается ни перед чем в стремлении достигнуть цели*» [Барих, 2005: 380] связан с именем героини трагедии В. Шекспира «Макбет» (1606), для которой этот признак был характерным. Железный характер англичанки М. Тэтчер лег в основу фразеологизма *Железная леди* – «*публ. шутл. О Маргарет Тэтчер*» [Барих, 2005: 379], о любой женщине, отличающейся решительностью, бескомпромиссностью и высоким профессионализмом. В данном случае фразеологизм выступает с положительной коннотацией.

Фразеологизм *Орлеанская дева* – «*книжн. публ.-патет. Жанна д'Арк*» [Барих, 2005: 177] связан с именем Ж. де Арк и названием города Орлеан, который во время Столетней войны в 1429 году был освобожден от осады английских войск знаменитой героиней французского народа Жанной д'Арк. Подобные знаменитости служат неким образцом властности женщин, и хотя они единичны, все характеризуют значительную черту характера.

14) Независимость женщин

Женщины стремились к своей независимости с давних времен. В современном общественном развитии это выражалось в различных движениях – феминизме и гендере. Феминизм – это движение за то, чтобы у женщины были точно такие же политические, экономические и гражданские права, как и у мужчин. Гендер – это социальный пол. Именно он лежит в основе определения той роли, которую выполняют мужчина и женщина в обществе. Иначе говоря, его можно определить, как поведение, ожидаемое от члена общества в соответствии с его

половой принадлежностью. Подобные социальные явления не могли не отразиться в языке. Фразеологизм *Кошка, которая гуляет сама по себе* – о человеке особенном и независимом, действующем в одиночку, по собственному усмотрению, не так как все. Известно, что кошки отличаются тем, что они привыкают к месту, а не к человеку. Со временем его стали применять и к людям с таким же свойством характера. Фразеологизм *Ломовая лошадь* указывает на тех, кто много и тяжело работает. На Руси данный фразеологизм использовали в отношении к крепким крестьянским женщинам, которые работали по дому наравне со своими мужьями, одновременно работая в поле, особенно те, кто потерял мужа на войне и кому помощи ждать было неоткуда. Фразеологизм настолько прочно вошел в жизнь людей, что *ломовой лошадью* стали называть любого человека, на которого сваливали всю тяжелую, неблагодарную работу. Называли так иногда и с почтением, считая такое отношение к работе правильным, но чаще это выражение имело неодобрительный характер. Особенно, когда объем работы зашкаливал и превышал все грани приличия.

Устойчивое сочетание *Спящая красавица* относится к медлительным и мечтательным женщинам. В основе данного фразеологизма лежит французская сказка, изданная в 1697 году Шарлем Перро (1628-1703). В оригинале она называется «Красавица в спящем лесу», а в русском переводе – «Спящая красавица». Великий русский композитор Пётр Ильич Чайковский (1840-1893) написал бессмертный балет с тем же названием.

15) Характеристика незамужних женщин

Отношение к семейной жизни представляет собой одно из основополагающих и отличительных особенностей русской культуры. Незамужняя женщина в менталитете народа представлена как ущербная личность, что отражается во фразеологической системе. Так, например, фразеологизм *Старая дева* – «оставшаяся девицей до пожилых лет» [Молоткова, 1986: 32-273] представляет отрицательную характеристику женщины. Как уже отмечалось выше, девушки 14-15 лет, подростки по сегодняшнему определению, в средние века на Руси считались достаточно взрослыми, чтобы выйти замуж, стать женой и

матерью. На девушек восемнадцати лет смотрели с сомнением: «Не старовата ли красавица?». Девушкам после двадцати практически не оставлялось шансов на замужество – «товар» устаревал. А если девушке исполнялось двадцать пять лет, ее нарекали обидным прозвищем «старая дева». Старых дев называли «седыми макушками». У старых дев была очень печальная судьба, она не имела право присутствовать на девичьих посиделках. Она была обязана заплетать косу, носить темную одежду не привлекать своей внешностью к себе никакого внимания. Она не участвовала в праздничных гуляньях, не веселилась с другими, лишь замаливала «грех» безбрачия. У старых дев была печальная судьба. Из-за презрения окружающих старые девы жили у родителей, а после их кончины с братом и его семьей. На ее плечи ложились обязанности по выполнению хозяйственных работ. Старых дев побаивались, полагая, что те, в поисках нереализованной любви, могут вступать в половую связь с бесами, становятся ведьмами с дурным глазом и злыми намерениями. Стремясь избежать такой участи и насмешек, часть старых дев Руси уходила в монастырь, посвящая жизнь Богу.

Фразеологизм **Вековечная невеста** – «Немолодая женщина, не бывшая замужем» [Мокиенко, Никитина: 334]. На Руси слово *невеста* имело еще одно значение – так принято было называть девушку, достигшую брачного возраста. Существовал также глагол «заневеститься», что означает «войти в брачный возраст». Женщину немолодую, но никогда не бывавшую замужем, называли «вековечной невестой» или даже «христовой невестой» – в таком значении мы встречаем это слово даже у русских писателей, скажем, у М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Устойчивое сочетание **Христова невеста** – «1) устар. Монахиня; 2) немолодая женщина, не бывшая замужем» [Тихонов, Ломов, Ломова, 2003: 273]; «3) умершая девушка» [Федоров, 1997: 22] не слишком распространено в современном русском языке. Многим знакомо это определение. Так же, как и монахини, эти женщины соблюдают обет безбрачия, служат Богу, но живут при этом в обычной среде. Христовы невесты добровольно отказываются от замужества и даже от просто романтических отношений с мужчинами.

Выражение *Соломенная вдова* – «женщина, не живущая с мужем» [Молоткова, 1986: 38] указывает на женщин, которые при живом муже остались без его внимания и любви. Случиться такое могло по разным причинам: из-за ссоры, любовницы или по другим причинам. В народе такую женщину называют *соломенной вдовой*. Этот фразеологизм носит насмешливо-уничижительный характер. В фразеологическом словаре Морица Михельсона говорится, что этот фразеологизм является заимствованным и пришёл из средневековой Европы. В давние времена, как объясняет Мориц, в немецких городах существовал обычай в знак позора публично надевать на голову девушки, родившей ребёнка вне брака, венок из соломы. Такую даму называли *Strohwitwe* («соломенной вдовой»), что указывало на то, что она осталась без мужа не из-за его смерти, а из-за своей похоти. В русском языке наряду с *соломенной вдовой* также используется фразеологизм «соломенный вдовец». Правда, применяют его в речи обычно не с целью задеть человека, а из желания по-доброму подшутить над ним или же даже выразить сочувствие.

16) Профессиональная деятельность женщин

Эта группа фразеологизмов не относится к характеристике женщины, но указывает на принадлежность женщины к определенной профессии: *Классная дама* – «*Воспитательница в женских средних учебных заведениях*» [Федоров, 1991:138]. В дореволюционной России воспитательницу в женской гимназии, следящую за успеваемостью и поведением учениц, называли *классными дамами*. *Сестра милосердия* – В дореволюционной России – медицинская сестра. В древние времена на Руси так отзывались о женщинах, которые из сострадания готовы оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Проявляли милосердие, взывали к милосердию. *Хозяйка медной горы* – это персонаж из легенды уральских горняков вымышленный образ духа – хозяйки Уральских гор, созданный писателем П.П. Бажовым. Стал известным благодаря сборнику «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова. Горный дух и дух-хранитель ценных минералов. В устном народном творчестве представляется как прекрасная девушка в платье из «шёлкового малахита» или ящерица с короной, что нашло отражение на гербе города

Полевской и клейме Полевской меди. В фольклоре иногда ассоциируется с девкой Азовкой.

Выводы ко второй главе

Анализ концепта «Женщина» в русском языке показывает следующее: в сознании носителей русского языка присутствуют специфические компоненты, которые наполнены лингвистическим и культурным содержанием. Концептуальные различия между этими языковыми культурами носят более глубокий, естественный характер. Анализ русского лексико-фразеологического материала показал, что концепт «Женщина» наиболее часто представлен лексемами *жена* и *баба*. В этих лексемах *жена* означает и *женщина*, и *супруга*, а просторечное слово *баба* дополняет концепт значением *крестьянка*, *жена крестьянина*. То же самое наблюдается и в лексике и фразеологии шугнанского языка. Как показало наше исследование, структурные элементы концепта «Женщина» в обоих языках, в основном, совпадают.

Фразеология, являясь частью фольклора, представляет собой одну из форм фиксаций в языке обычаев, норм, традиций и коллективных представлений о мире. Язык устойчивых сочетаний, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, оказывается одним из самых богатых и надежных документальных свидетельств форм человеческой культуры. Яркость проявления народного менталитета во фразеологизмах в широком понимании, возможность реконструировать законченные фразеологические картины делают интересным их сопоставительное изучение. В настоящее время безусловный интерес представляет сопоставительный анализ не близко родственных языков, ставящий своей задачей не традиционное выявление генетических и типологических черт данного раздела языка, а сопоставление их в плане обнаружения общего и различного в представлении о мире. Данные, полученные в результате исследования фразеологического фонда, помогают дополнить, оживить и даже объяснить этнографические факты и явления.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1 Отражение концепта «Женщина» в лексике шугнанского языка (на материале словарей)

При исследовании бесписьменных языков возникает много трудностей, в частности, обусловленных проблемой их функционирования в зоне влияния развитых и конкурирующих письменных языков. Как отмечает Х.Д. Шамбезода, «малые народы находятся в зоне аксиоматического двуязычия – формы этноязыкового существования, предполагающего обязательное владение вторым функционально активным языком и обусловленного социальными и политическими факторами. аксиоматическое двуязычие может быть однополярным и привести к смене родного языка и биполярным, что ведет к многоязычию и сохранению родного языка малого народа в условиях воздействия двух или более функционально активных языков» [Шамбезода 2007: 12].

«Являясь бесписьменным, – пишет ученый, – шугнанский язык представляет собой открытую языковую систему, на которую воздействуют литературные языки, обладающие большим объемом общественных функций. Вместе с тем, жизнеспособность шугнанского языка проявляется в силу его системного характера, которым обладает любой язык. Длительное и активное воздействие таджикского языка на шугнанский не сказалось коренным образом на его фонетической и грамматической системах: несмотря на то, что шугнанский язык обладает ограниченным объемом общественных функций и используется только в сфере семейно-бытового и неофициального общения, в условиях активного и массового полилингвизма он совершенствуется и обогащается за счет различных лингвистических единиц иноязычного происхождения, мобилизуя одновременно свои внутренние языковые ресурсы» [Шамбезода, 2007: 14].

Бесписьменный шугнанский язык не имеет толковых словарей. Единственным полноценным словарем следует считать «Шугнано-русский словарь» Д. Карамшоева. Основным источником словаря явились материалы,

собранные автором в период 1960-1968гг. В нем максимально полно зафиксирована и лексикографически интерпретирована шугнанская лексика во всех ее диалектных и говорных разновидностях (представлены говоры баджувский, шахдаринский и барвазский). Каждая словарная статья содержит подробную разработку круга значений слова и снабжена богатым иллюстративным материалом. В данном словаре дается следующее определение женщине: «**Ўиник** – 1. женщина, 2. Любовница [НКШЯ, Pamiri online]. Например; «Я ик дунд аклидор ўиник иди, ачаф набофт. – Она такая умная женщина, что нет слов; Нумта бағайр аз ўинак, зивед чорик инд йида дунд нум яст. – Славу создаёт лишь женщина, а мужчина только даёт имя» [Карамшоев, 1999 :483].

3.1.1 Репрезентация концепта «Женщина» по возрасту

В шугнанском языке по *возрасту* репрезентируют исследуемый концепт следующие слова:

Ғаїбиц, (ғаїцбуц) – *маленькая девочка, девчурка, девчушка*. [НКШЯ, Pamiri online]. Например: *Мунденд зу гаїбицат йе пуц. – У меня две дочери и один сын; Нор башанд руз маш амсоаян гаїбиц сат. – В благоприятный день у соседки родилась дочка; Акмал ризйн ик дис хушруй гаїбиц. – У Акмала такая красивая дочка*. Слово *гаїбиц* в шугнанском языке служит для обозначения ребенка или подростка женского пола. Следует отметить, что положительную оценку это слово приобретает, когда обозначает лицо, находящееся в данном возрастном периоде, то есть не достигшее полной физической и интеллектуальной зрелости. Здесь на первое место выступают такие качества, как неопытность, невинность, чистота.

Ғаїц (ғаїцен, ғаїцхел, ғаїцгалла, ғацбиц) – 1. *Девушка, девочка*. 2. *дочь, дочка*. 3. *любовница*. 4. **Ғаїцак** (разг. пренебр.) *глупая, скверная*. [НКШЯ, Pamiri online]. Например: «*А гаїц, ху ниwдов бас кин! – Девочка, прекрати свой плач!; Норташ йо гаїцхел, тар мемоне сен. – Все девушки сегодня идут в гости; Абота-ранг гидба гаїц, ве хуш накехт. – Он такой невзрачный парень и потому не нравится девушкам; Йи гаїцак тар Ицкошум, узум вам живч вам та вам хо сурам. – В Ишкашиме есть одна девчонка, я ее люблю, заберу ее и женюсь на ней*»

[Карамшоев, 1999:459]. Слова, объединенные значением лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке: *гӕц* (девушка). Доминантным среди них является слово *девушка*, которое является стилистически нейтральным. Слово получает положительную оценку, если речь идет о характеристиках, свойственных лицу женского пола в этот возрастной период. Употребление слова *девушка* в качестве обращения нейтрализует семантический компонент не состоящая в брачных отношениях.

ӕуник – 1. *женщина*, 2. *Любовница* [НКШЯ, Pamiri online]. Например: «*Я ик дунд ақлидор ӕуник иди, ачаф набофт. – Она такая умная женщина, что нет слов; Нумта багайр аз ӕуинак, зивед чорик инд йида дунд нум яст. – Славу создаёт лишь женщина, а мужчина только даёт имя*» [Карамшоев, 1999 :483].

зан – часть сложных слов со знач. «женщина» [НКШЯ, Pamiri online]. Например: *Мийуна – зан женщина средних лет; йелчи – зан – женщина на литовке; бача – зан – молодая женщина.*

Кахой (*кахойен, кахойхел*) – 1. *женщина* 2. *жена*, 3. *бережливая; расчетливая; запасливая*; Например: «*Кахойен алийок кенен. – Женщины готовят пресный сыр; Кахой гап-анд куд мудч – От женских разговоров собака сдохла (погов.); Ар чай бе кахой цаёвед умри венд нист. – У кого нет жены, у того и жизни нет*» [Карамшоев, 1991: 100].

Аврат – 1. *женщина*. 2. *жена*. Например: «*Ачаб башанд аврат я най! Уж какая она хорошая женщина; К-ид то аврат чи ризӕн? Чья дочь твоя жена*» [Карамшоев, 1988: 48].

В Словаре шугнанского языка Д. Карамшоева представлен синонимический ряд понятия «женщина» следующими словами: *ӕуинак, зан, кахой аврат*. Доминантой данного синонимического ряда является слово *ӕуник*, являясь стилистически нейтральным, самым употребительным, используется именно для характеристики и описания лица женского пола как носительницы совокупных социально предписанных характеристик. Каждый член синонимического ряда имеет свои дифференциальные признаки, что дает основание выстраивать их в один синонимический ряд. Слово *зан* является заимствованным из таджикского

языка или же представляет слово общего лексического фонда. Оно является малоупотребительным, в определенной степени данное слово можно считать вышедшим из употребления, так как абсолютно синонимичен со словом *ўиник*. По законам языка абсолютные синонимы не уживаются в языке, и постепенно одно из них должно быть вытеснено, что происходит в данном примере. Слово *кахой* употребляется, если речь идёт о расчетливой и хитрой женщине. Слова *аврат*, *авратина* используются крайне редко, чаще всего, когда речь идёт о незнакомой женщине.

Калтадор – женщина, имеющая любовника [НКШЯ, Pamiri online]. Например: «, *поговаривают, что у нее есть любовник*». В Словаре *Му гумон ид дон башан ўиник, нист гуё ид калтадор*. – Мне кажется, она не очень хорошая женщина шугнанского языка данный термин встречается, и применим он, как правило, к женщинам, у которых есть любовник, однако данный термин в лексике и быту практически не употребляется.

Кайбону (в тадж. Кадбону) – 1. женщина, приготовляющая угощение на семейных праздниках; [НКШЯ, Pamiri online]. Например: *Умеда ик дис қобил кайбону*. – Данный термин шугнанского языка является заимствованным из таджикского языка. Кайбону (кадбону) в таджикском и шугнанском языках называют женщину, которая умеет хорошо готовить и в которой нуждаются на семейных праздниках.

Бачазан – молоденькая девушка; молодая женщина, молодница, молодка. [НКШЯ, Pamiri online]. В Словаре шугнанского языка термином *бачазан* именуют молодую девушку, физически достаточно развитую, расторопную, умелую. В русском языке данному термину соответствуют термины «молодка» и «молодица».

Похикастӣ – 1. с поврежденной ногой; неспособный к ходьбе. 2. женщина, слабый пол. [НКШЯ, Pamiri online]. В первом значении это мужчина или женщина, которые сломали или повредили себе ногу. Однако во втором значении данный термин употребляется в отношении женщин для маркировки гендерной принадлежности, т.е. в значении «женщина, слабый пол», мало приспособленная к жизненным условиям, неуклюжая, нерасторопная.

Пйрзечāн – 1. женщина, ухаживающая за роженицей. [НКШЯ, Pamiri online]. Пйрзечāн в шугнаноязычном сообществе именуется женщина, заботящаяся о только что родившей женщине, как повитуха в русской культуре.

Чи-ниwêpz, чи-ниwенц – женщина, сопровождающая невесту в дом жениха [НКШЯ, Pamiri online]. В шугнанской культуре в день свадьбы девушка, невеста должна пройти через несколько ритуалов. Чи-ниwêpz, чи-ниwенц – это тётя невесты со стороны отца или матери, которая будет сопровождать невесту в дом будущего мужа. Задача женщины чи-ниwêpz, чи-ниwенц состоит в том, чтобы невеста в первый день в доме мужа не чувствовала себя одинокой, чтобы она ощущала присутствие родных ей людей рядом с собой.

Бйнзак – 1. огарок (лучины, свечи). 2. малютка, коротышка, женщина (девушка, девочка) небольшого роста. [НКШЯ, Pamiri online].

Хола – 1. Тётя, сестра матери, родственница матери. 2. тетя, тётушка (при обращении к старшим женщинам) [НКШЯ, Pamiri online].

Например: *«Я wi хола тойд ата вам чор нуст. – Его тётя ушла, а ее муж остался; Хола-та ас нāн ях лувам. – Сестру матери называем «хола»; Ба ном дам мақйw хола аз дам лов. – Не зови ее по имени, обращай к ней «тётя»* [Карамшоев, 1999: 218]. Слово хола также в шугнанском языке употребляется для обозначения взрослой женщины. Тётя в большинстве случаев характерна для языка детей и подростков.

Виц, вицйуъ, вицен – 1. тётя, тётушка, тётка (по матери). В памироведении до сих пор не разрешен вопрос о языках и диалектах. Следуя точке зрения Х.Д. Шамбезода, рушанский язык следует считать диалектом шугнанского языка. В этом случае данное слово можно привести как диалектное, но совершенно совпадающее со словом *хола* в шугнанском языке. В нашу задачу не входит анализ диалектной лексики. Однако этот пример интересен тем, что слово *хола* может рассматриваться как заимствованное из таджикского языка, а приведенное слово, на наш взгляд, является общим для шугнано-рушанской группы языков, сохранившимся во многих диалектах и говорах, кроме самого шугнанского языка.

Кампир – 1) старуха, бабка, бабушка 2) Кампирак – старушка, кампири – старость (женщины); Например: «**Я кампир понте вадат чух-ти иди потхо ят. – Старуха увидела царя на дороге; Кампир гапанде лувч куд мувч. – Говорят, от разговоров старух собака сдохла(погов.)**» [Карамшоев 1991: 84]. Данное слово общего лексического фонда иранских языков определяет, как возраст, так и физическое состояние.

Пйр – 1. *старый, достигший старости.* 2. *дряхлый старец, старик.* 3. *духовный наставник у исмаилитов; святой; мудрец* [НКШЯ, Pamiri online]. Например: **Авас пйр сут – желание пропало (дословно устарело).** Здесь наблюдается расширение значения на основе семы мудрости в преклонном возрасте. Институт пиров является достаточно распространённым в религиозной традиции исмаилитов до настоящего времени.

Пйразан – 1. *старуха.* **Зол-1.** *Дряхлая старуха* [НКШЯ, Pamiri online]. Данное слово относится к группе слов, объединенных значением *женщина, достигшая старости, кампир, кампирак, пир.* **Кампир** является доминантным словом в группе. Слово **кампирак** в шугнанском языке употребляется для обозначения старой женщины, старухи, но имеет положительную коннотацию. **Кампирак** также употребляется для обозначения старой женщины, старухи с оттенком ласкового снисхождения. Экспрессивная функция его состоит в стремлении говорящего выразить симпатию. Слова *пир* и *пйразан* используются в значении старости, обозначая женщину, которая достигла преклонного возраста. На сегодняшний день в среде шугнаноязычного языкового сообщества слово *зол* практически не используется.

3.1.2 Репрезентация концепта «Женщина» по семейному статусу

Зинаџез, зинавез – 1. *будущая невеста.* Данное слово употребляется по отношению к девушке, которая еще не прошла через традицию сватовства. В том же значении используются слова *хисминенз, џинез.* Например: **Умед де ризйн ху веродар гинез интихоб чуч. – Умед выбрал его дочь невестой для брата.** В шугнанском языке слово *џинез* используется редко, синонимы *зинаџез, хисминенз*

более употребительны, если говорится о конкретной девушке, которую выбрали в невесты для сына либо кого-то из членов семьи. После проведения свадебного обряда все слова употребляются уже без суффикса – *ez* и имеют значение *Зинаў – невеста, ўин – жена, кроме слова хисминенз*, которое обозначает лицо женского пола до проведения свадьбы.

Нишенц – 1. невеста. 2. нарядная. Например: «*Потхо ят вам ху нишенц қатир. – Царь прибыл со своей невестой*» [Карамшоев, 1991 :305]. Нишенц – невеста, обозначает девушку только во время свадебной церемонии до проведения обряда посещения ее дома родителями – *калзинед*.

Ўинак, уменьш.-ласк. – *женушка*. Например: «*Маш веродан лап хушруй ўиник! – Но очень красивая жена у нашего брата! Ед то ўинак во тарка равон пехста я ви нӓн. – Куда собралась твоя жена снова спрашивает его мама*». Слово *ўинак* зафиксировано в словаре, однако в речи данное слово является малоупотребительным. Также следует подчеркнуть, что в шугнанском языке есть слово *ўинбиц* (ласк. женушка). Данные слова имеют одинаковое значение; корень: *ўин-* + разные уменьшительно-ласкательные суффиксы. (*биц и ак*).

Хӓх – *теща, свекровь. Мать мужа*. Например: «*Му ризӓнан ик дис башан хӓх нӓқлиента кихт вев ўиникенар хола Азиза. – Моей дочери очень повезло со свекровью, – отметила тётюшка Азиза*» [Карамшоев, 1999:212]. По сложившейся традиции невестка в шугнанской культуре должна почитать свекровь как родную мать. Данный термин родства чаще употребляется в случаях, когда речь идет о свекрови в третьем лице без ее присутствия. Соответствий терминам *кума, и крестница* в шугнанском языке нами не обнаружено.

3.1.3 Репрезентация концепта «Женщина» по социально-семейному статусу

Чордор – *замужняя женщина, женщина, состоящая в браке*.

Бевӓ – 1. вдова. 2) *женщина: не девственница*: Например: «*Я бечора кахой ёша бевӓ сат, мо зорв вамте танг гахт. – Ей так не повезло она очень рано овдовела, мне её очень жаль; Потхо мудат ви ўиненен бевӓ сат. – Умер царь,*

а его жены овдовели» [Карамшоев, 1988: 216]. Данный термин в шугнанском языке применим к женщинам, которые потеряли своего мужа или же развелись.

3.1.4 Слова, репрезентирующие тип кровных родственных отношений в шугнанском языке

Одним из первых, кто начал заниматься изучением системы родства, был американский этнограф Льюис Генри Морган, который исследовал систему родства народов Северной Америки. Он стал первым этнологом, социологом, историком, выдвинувшим гипотезу о том, что в каждой терминологической системе родства существует определенный набор различительных признаков. В любой основе системы родства лежит представление о биологическом родстве или родстве по браку, но разные родственные системы между собой различаются. Следовательно, Моргану принадлежит идея различать описательные и классификационные системы родства. В описательных системах родства новый родственник либо обозначается отдельным термином, либо же описательным путем, путем комбинации уже известных терминов: «сестра матери золовки», «жена племянника», «муж сестры бабушки».

Связанные между собой родственники по рождению бывают по прямой и боковой линии. К прямому родству относятся родственники, связанные кровным родством. В свою очередь, прямое родство состоит из восходящей (от потомков к предкам) и нисходящей (от предков к потомкам) линий. Боковые линии родства – это родственники, имеющие общего предка (отец и сын – прямая линия родства, дядя и племянник принадлежат к линиям родства, каждая из которых рассматривается как боковая по отношению к прямой линии родства другого родственника).

Анализируя тематическую группу слов, репрезентирующих концепт «Женщина» по типу родственных отношений, мы разделили всю лексику данной тематической группы на две большие подгруппы: слова, репрезентирующие кровное родство, и слова, репрезентирующие некровное родство.

Терминология родства в русском языке более разветвленная, так как родство различается по степени, колену и свойству. Мы уже обращали внимание на то, что шугнанский язык обладает ограниченным объёмом общественных функций и используется только в сфере семейно-бытового и неофициального общения. Именно с этим мы связываем как факт отсутствия в шугнанском языке терминов «степень», «колено» и «свойство», так и распределение типов родства по указанным критериям.

В русском языке степенью называется связь одного лица с другим посредством рождения, поэтому счёт степеней определяется числом рождений: между данными лицами, сколько рождений и в какой-то степени родства они находятся. Например, между бабушкой и внучкой два рождения, следовательно, и две степени кровного родства. Непрерывно один за другим продолжающийся ряд степеней составляет родственную линию. Степень, от которой идут две или более линий, называется коленом, а эти линии по отношению к своему колену – отраслями или поколениями. Родственные линии по своему направлению бывают двух родов: прямые, которые делятся на восходящие, нисходящие и боковые, или побочные. Потому и само кровное родство имеет две разновидности: кровное родство по прямой линии – восходящей или нисходящей и кровное родство по боковым линиям.

Прямая восходящая линия состоит из рождений, или степеней, идущих от данного лица к его предкам: отцу, деду, прадеду и т.д. Прямая нисходящая линия состоит из степеней или рождений, идущих от данного лица к его потомкам: сыну, внуку, правнуку и т.д. Боковыми линиями называются одна по отношению к другой, две и более отраслей (поколений), происходящих от одного общего для них родоначальника. Когда вычисляется степень кровного родства, прежде всего нужно иметь в виду, что между супругами (мужем и женой) нет связи по рождению. А, следовательно, определение кровного родства не может зависеть от того, от кого происходит это родство: по мужской линии или по женской. То же относится и к боковым линиям.

Свойством называют связь, возникшую через брак представителей одного рода с лицом другого рода. Различие между свойством и кровным родством состоит в том, что в кровном родстве все родственники принадлежат к одной фамилии, к одному роду. Свойство же сближает, делает своими лица двух или нескольких самостоятельных, отдельных родов, имеющих каждый своего особого родоначальника; отсюда и само название этого сближения – свойство. И потому, если через брак вступили в родственную связь лица двух родов, то свойство будет двухродовое, а если лица трёх родов, то свойство будет трёхродовое.

Свойство двухродовое бывает: между одним из супругов и кровными родственниками другого, например, между моим родным братом и родным братом моей жены. Сводными братьями и сёстрами называются те, кто имеет разных родителей, но сближенных браком отца одного и матери другого из этих детей. Сводные братья и сестры между собой находятся во второй степени не кровного родства, как родные дети, а двухродового свойства, в отношении же к новому своему отцу (отчиму) или матери (мачехе) каждый из них состоит в первой степени двухродового свойства.

Единокровными братьями и сестрами можно называть детей, которые имеют одного отца, но разных матерей. Единоутробными братьями и сестрами, или детьми, можно называть тех, кто произошёл от одной матери, но разных отцов. Так, единокровные и единоутробные дети состоят между собой во второй степени родства. Единокровный ребенок может по отношению к своей матери – мачехе и единоутробное дитя по отношению к новому своему отцу – отчиму состоять в первой степени двухродового свойства.

Анализируя тематическую группу слов, репрезентирующих концепт «Женщина» по типу родственных отношений, мы разделили всю лексику данной тематической группы на две большие подгруппы: слова, репрезентирующие кровное родство, и слова, репрезентирующие некровное родство.

Ризѝн (*ризиѝнен ризиѝнеѝрз, ризанен*) – 1.дочь.2. дочка, доченька (при обращении старших к младшим) [НКШЯ, Рамігі online]. Например: *«Ту ризиѝнен та аз мактаб ца яден вегакета вав чирен? – Что делают обычно твои дочери*

после полудня, когда приходят из школы?» [Карамшоев, 1991:493]. В шугнанском языке *ризйн* служит для обозначения ребенка или подростка женского пола. Народные традиции, в которых нашли отражение вопросы морали и этики, предписывают бережное отношение родителей к дочерям, исключая физическое наказание. Эти взаимоотношения заключают в себе доверие, любовь и уважение к детям и требовательность к исполнению ими своих обязанностей. Родители с младенческих лет прививают уважительное отношение к старшим по возрасту, что способствует укреплению связи поколений. Дети участвуют в различных видах домашнего труда, и это создает естественную атмосферу общности детей и взрослых, их взаимоотношений на равных. В доме у шугнанцев традиции выступают в виде принципов, норм, идеалов, правил, создающих общественное мнение, вырабатывают определенные алгоритмы поведения дочерей. Особое место в семье отводят образованию дочерей, ставя дочь и сына на равный уровень, и потому большинство девушек являются грамотными и образованными.

Термин «сестра» реализуется в двух словах: **Йах** (*йахен, йахзинен йахзинёрз*) – 1. сестра. 2. (обращение к равной по возрасту) сестра, сестричка [НКШЯ, Pamiri online] и *Амийрā* – сестра [НКШЯ, Pamiri online]. Второе слово является заимствованным из таджикского языка и в разговорной речи является малоупотребительным. Также используется слово *Боги-йах* – родная сестра (*по отцу или матери*) [НКШЯ, Pamiri online]. Данное слово обнаружено нами в словаре, однако в речи шугнанцев оно практически не используется, его можно считать архаизмом. Например: «*Аз маш қишлоканде му йах дон тар хāр хейд. – Из нашего села только моя сестра училась в городе* [Карамшоев, 1999:244]. Чаще всего слово **йах** в шугнанском языке используется при обращении к старшей сестре, которую не принято называть по имени. В знак большого уважения и доброго отношения часто используется уменьшительно-ласкательная форма **йахик**. Следует отметить, что слова **йах** или **йахик** могут использоваться в знак уважения к девушке или женщине старше себя.

Нāн (мн. ч. *нāнен*) –1. мать; матка (о животном). 2. В функции обращения в сочетании с частицами *е, а, у*. 3.мать, матушка (к пожилой женщине).4. детка, детки; доченька, сынок (обращение женщин к детям). [НКШЯ, Pamiri online]. Например: *«Му нāнат му татен муслат чуд. – Моя мать стала советоваться с (моим) отцом»* [Карамшоев, 1991:297]. Мать в шугнанской культуре пользуется исключительным уважением, образ матери как символ самых искренних и глубоких чувств пронизывает всю духовную традицию шугнанцев. Искренняя забота матерей во все времена принималась с большой благодарностью, мудрые решения охотно и с любовью исполняются, а к добрым наставлениям и советам с уважением прислушиваются. Все стороны жизни матери и ее детей так или иначе связаны с частной жизнью женщины, но и являются одной из главных ее составляющих.

Санд-вёр – *мать внебрачного ребенка* [НКШЯ, Pamiri online]. В культуре каждого народа ребенок и образы, связанные с ним или с ней, занимают одно из самых значительных мест в сознании людей. Испокон веков семью и ребенка принято считать самыми важными в системе ценностей людей. Издавна брак считался нерушимым и священным союзом между мужчиной и женщиной. Однако во всех культурах мира внебрачный ребенок, будь то девочка или мальчик, были обречены на несчастье и осуждение в обществе. В разных культурах в народных говорах можно встретить разные наименования внебрачного ребенка.

Мум – *бабушка, мать отца или матери*. Например: *«А мум ар ди боген хелакаф гāцен давен фок то резинено-о? – Бабушка, в саду много девушек, они все твои дочери?»* [Карамшоев, 1991: 268]. Обращение **Мум** – **бабушка** часто используется при обращении к пожилой женщине. Бабушка в шугнанской культуре является важным членом расширенной семьи. В традиционной культуре бабушки имеют чётко определённую роль, выражающуюся в их уходе за младшими детьми в семье.

Нибес (*нибёсен, нибёсийун, нибёсчун*) – *внучка* [НКШЯ, Pamiri online]. Например: *«Йе лав лувен йа му нибес дес қобил озта факат фахрейом вам те. – Все говорят у меня способная внучка, я очень горжусь ею»* [Карамшоев, 1991:

305]. В менталитете любого народа внуки окружены любовью и заботой, особенно кровных родственников старшего поколения.

Набаса – *правнучка*. В Словаре шугнанского языка данное слово отсутствует, хотя с увеличением продолжительности жизни и часто встречающимся явлением четырех поколений данное слово стало достаточно употребительным. Что касается слова *Фарнабаса* – *праправнучка*, то при всем том, что в словаре данное слово также отсутствует, все же оно является достаточно употребительным. Особенную активность подобные термины родства обнаружили при составлении древа родства, что достаточно распространено в среде шугнанцев.

Залмак – обозначает *жену дяди по отцу*, что, на наш взгляд является заимствованием из таджикского языка в сокращённой форме от *зани амак*. Например: «*Ид ўиник, ца наўчид ид му залмак – Женищина, которая прошла возле нас – жена моего дяди*» **Занхолак** – *жена дяди по матери*. Жену дяди не принято звать по имени, при обращении к ней используется термин некровного родства, что в определенной степени показывает ее близость с семьей.

Амā, аммā – *тётка, тётя (сестра или другая родственница отца)*.² *тётушка, тётенька (почтительное обращение к женщине средних лет)*. Амā, аммā в шугнанской культуре – это сестра отца. А также почтительное обращение младших членов семьи к знакомой или не знакомой женщине средних лет.

Хер – *племянница, девочка/женщина по отношению к дяде или тётке, дочь брата или сестры*. Данный термин является общим для обозначения племянника или племянницы. Например: «*Дам хо хербицар- дат аз хāр чиз вуд, Чамол? – Чамол, а ну-ка скажи нам что ты привез своей племяннице из города?*» [Карамшоев, 1988:200]. Уменьшительно-ласкательная форма слова **хербиц** дифференцируется по роду: **хербиц** употребляется для обозначения племянницы, **хербуц** – для обозначения племянника. Как синоним используется менее распространённый заимствованный из таджикского языка термин **Хорзодā, 2.хуарзодā** – племянница, племянник, сын или дочь сестры, он отмечен в словаре, однако является малоупотребительным.

Питиш – двоюродный брат, двоюродная сестра. Слово используется как по отношению к брату, так и к сестре. Например: *«Мот ту н̄нам худе питишен, бовар ца на кине пехц вам! – Я и твоя мать – двоюродные сестры, если не веришь мне, можешь у нее спросить!»* [Карамшоев, 1988: 2000]. Данный термин в шугнанском языке используется также при обращении к сверстникам, не состоящим в кровном родстве.

3.1.5 Слова, репрезентирующие некровное родство женщин в шугнанском языке

В шугнанском языке данная группа слов отражает сложившиеся в культуре шугнанцев отношения кровных и некровных родственников. Большая часть этих слов используется во всей шугнано-рушанской группе памирских языков. Слово **Зйнаў** – невестка, жена сына *«Ху зйнаўорч, қати башанд алоқа ки. – Будь добр со своими невестками. Вам зйнаў, вам худе хер бовар кине ё на? – Её будущая невестка приходится ей родной племянницей можешь в это поверить?»* [Карамшоев, 1991:542]. В шугнанском языке данный термин является первичным показателем терминов некровного родства, откуда будут ответвляться другие составляющие слова данной тематической группы. Народные традиции, в которых нашли отражение вопросы морали, предписывают бережное отношение к родным мужа. Эти взаимоотношения включают в себя такие понятия этики и морали, как доверие, любовь и уважение к невестке, и в то же время требовательность к исполнению ею своих обязанностей. Родители будущей невесты с младенческих лет прививают уважительное отношение к старшим по возрасту, что способствует укреплению связи поколений в молодой семье.

Другой термин отражает отношение невестки к другим членам семьи. **Хийӯн** – невестка, жена брата, жена родственника; свояченица (сестра жены); золовка (сестра мужа). Например: *«Му хийӯн ик дис башанд одам. – Моя золовка – очень хороший человек; Хийӯн царан то авол? – Золовка, как твои дела?; Акбар, ту хийӯн ца ном? – Акбар как зовут твою невестку?»* [Карамшоев, 1999: 204] В отличие от русского языка, данный термин употребляется как по отношению к

жене брата, так и к жене близкого родственника, а также им обозначают и свояченицу, и золовку.

Следующее звено некровного родства представлено следующими словами: *Хїх* – *тёща, свекровь, мать мужа*, Например: *«Я ўиник ху хїх гечат кехт харменда мес насод бехарм. – Та женищина обсуждает свою свекровь, как же ей не стыдно, бесстыжая; Хїх видов мес осон нест мардум! – Быть свекровью тоже нелегко, люди!»; Ид му ризїнан вам хїх дам ном Зебо. – Это свекровь моей дочери, её зовут Зебо* [Карамшоев, 1999:212]. Данное слово практически не используется невесткой, так как в шугнанской культуре тещу принято называть матерью. В исключительных случаях как со стороны невестки, так и со стороны жениха используется данное слово, если супруги состоят в отношениях близкого родства и до замужества использовали термины кровного родства. У шугнанского народа традиционно хїх пользуется большим авторитетом. Именно поэтому в большинстве случаев свекровь зовут мамой (нāн), а тестя-папой (тат). В шугнанском языке данный термин некровного родства соответствует как термину теща, так и термину свекровь.

Нāнез – *мачеха* «*Ту нанез-та ту хотир- чосто? – Твоя мачеха о тебе заботится?: Вам нанез мо гумон башан одам мес нест бечора я, бетакдир ўац я Ниссо. – Мне кажется, что ее мачеха не очень хороший человек, бедная и не очень везучая эта Ниссо*» [Карамшоев, 1991 :296]. В шугнанском языке, как и во многих других языках, это отрицательный образ. Из вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что к *нанез* – к *мачехе* всегда относятся с опасением. Даже из сказок у детей складывается отрицательное восприятие образа мачехи.

Ризинез – *падчерица*. Например: «*Ту ризинезе мактаб таёр чудо най? – Твоя падчерица завершила учебу в школе или нет?: Уз вам хо ризинезз наят ху ризїн фамом фамтато! – Я к ней отношусь не как к падчерице, а как к дочери, понятно тебе!*» [Карамшоев, 1991:493]. В шугнанском и русском языках оно имеет одинаковое значение – неродная дочь одному из супругов, принадлежащая родной другому.

3.2 Отражение концепта «Женщина» во фразеологической системе шугнанского языка

Концепт «Женщина» занимает важнейшее место в семантической структуре национальной лингвокультуры, поскольку имеет непосредственное отношение к национальному менталитету, этнокультуре и языковому сознанию любого народа. Фразеологические единицы – это результат длительного по времени процесса накопления и философского осмысления на языковом уровне народной культуры, фольклорных традиций, жизненного опыта носителей определенного языка и культуры. В них отражаются различные представления народа. В исследовании нами рассматриваются культурные образы, лежащие в основе концепта «Женщина», на примере шугнанских фразеологизмов, пословиц и поговорок, а также сложившиеся стереотипы в традиционном шугнанском обществе. В отношении женского характера выделяются положительные и отрицательные качества, свойственные женщинам-шугнанкам в сознании носителей шугнанского языка.

В каждой лингвокультуре есть свой пласт фразеологии, отражающий языковую картину говорящего на родном языке народа, его культуру и особенности менталитета. Фразеология своими корнями уходит в фольклорные традиции, где веками находили яркое метафорическое, экспрессивное выражение, отражая житейский опыт и представления людей об окружающей действительности. Отраженная во фразеологической системе картина мира раскрывает образ общественных ценностей носителей языка, и именно поэтому фразеология представляется ценным источником историко-культурной и языковой информации, чрезвычайно выразительный, образный, экспрессивный «инструмент» языка.

Концепт «Женщина» представляется одним из важных практически в любом языке, ибо трудно представить себе общество, в котором важную позицию не занимала бы женщина. Лексико-фразеологическая система языка в полной мере отражает сложившиеся стереотипы в представлении того или иного народа по

отношению к женщине. Шугнанский язык не является исключением. Лексическая система шугнанского языка, как и его фразеологическая система, достаточно полноценно отражают представление шугнанцев о женщине. Каждый носитель языка, в свою очередь, является носителем культуры, и поэтому в языке проявляется национальная ментальность, и особенно ярко она выражается в устойчивых сочетаниях. Для того, чтобы выявить все качества, коннотации как положительного, так и отрицательного характера женской натуры, фразеологизмы были разделены нами на несколько тематических групп, отражающих данный концепт в шугнанском языке.

Как отмечает М.К. Броимшоева в своей работе «Убеждение и интерпретации в шугнанском и рушанском языках: этнолингвистический анализ», волосы – это один из атрибутов женской красоты. В среде шугнанцев существует очень много поверий, связанных с внешностью женщин, репрезентированных в лексико-фразеологической системе языка: *дарозгўнч ўиник – порсо – женщина, имеющая длинные волосы, – порядочная; кутгўнч ўиник бадбахт – женщина с короткими волосами обречена на несчастье; нармгўнч ўиник, йид софдили нихун – женщина, имеющая прямые и мягкие волосы, считается добродетельной; сафед-гўнч ўиникан вам умр кин – если женщина не старая, но имеет седые волосы – это признак тяжёлой жизни; рушт гўнч ўиник - хасис – женщина, имеющая красные волосы считалось жадной.* Жители Шугнана, Рушана и Рашткалинского районов описывают красноволосую женщину как хитрую, ловкую, а главной ее чертой является жадность. *Рушт вам гунч-ат, зирд вам рангат, вур вам цем, неки чид-анд йет накхт йакбор ху бен-* Красные волосы, желтый покров кожи, коричневые глаза – женщина, которая не способна на благотворительность.

Внешность женщины, в особенности ее лицо, является значимым при ее характеристике. По выражению лица определяются многие внутренние качества: *Хушпиц ўиник – женщина с милостивым лицом.* Она умеет расположить к себе окружающих ее людей. Женщины, обладающие такой внешностью, всегда отзывчивы, умеют поддержать беседу, в минуту трудности всегда готовы прийти

на помощь: *Хушпиц ўиник башан* – женщина с милостивым лицом, как правило, добрые. *ўиник пиц тир наў* – женщина, с родинкой на лице – знак счастливой судьбы, и по жизни ее ждет удача во всех ее начинаниях. Она будет счастливой дочерью, сестрой, женой, а также женщиной, умеющей воспитать достойных детей: «*Му нāн пиц тир наў ца, я толидиор ўиник* – у моей мамы на лице родинка, и потому в жизни ей очень везёт» [Броимшоева, 2012: 36].

Длину волос женщины связывают с ее добротой. Длинные волосы с желтоватым оттенком олицетворяют солнце, ее мягкий характер, она очень добра и со всеми может найти общий язык.

Касание женскими волосами огня предрекает ссору. Существует поверье о том, что если волосы женщины каким-нибудь образом загорятся и члены семьи вдохнут этот дым, то в доме в ближайшем будущем вспыхнет ссора, а сама она будет долго болеть.

Многое связано с внешностью женщины, например, со лбом. Ещё с древнейших времён в народе существуют поверья, что судьба человека предначертана и отражена на его лбу. По форме и линиям на лбу можно определить характер, нрав и привычки человека:

Фирохпехўни ўиник – женщина, имеющая большой лоб – женщина, имеющая большой лоб, очень умна, а также крайне мудра от природы. Женщин, обладающих большим лбом, а также выразительными глазами, всегда улыбка на лице, они с лёгкостью умеют находить общий язык с людьми: *Фирохпехўни ўиник аклидорат донишманд* – женщина, имеющая большой лоб, крайне умна и мудра.

Тангпехўни ўиник – женщина, имеющая маленький лоб – это признак слабости. С этнолингвистической точки зрения, женщина, имеющая маленький лоб, очень молчалива и немногословна, она привыкла держать все в себе и в подходящий момент склонна проявлять свою истинную натуру: *Тангпехўни ўиник нодилсуз* – женщины, имеющие маленький лоб, часто бывают безжалостными.

Чурдпехўни ўиник – женщина, имеющая неровный лоб – признак слабой и никчёмной женщины.

Существенным признаком характеристики женщины являются ее брови:

Часнаквируз ўиник – женщина, имеющая сомкнутые брови – признак самовлюблённости, коварства и легкомыслия женщины: *Часнаквируз ўиник лап ишқбозат буламас* – женщины, с сомкнутыми бровями очень влюбчивые.

Дарозвируз ўиник – женщина, у которой длинные брови – женщина, обладающая добрым сердцем и всегда говорящая правду: «*ўиник дарозвироз ца суд ята хушбахт суд* – женщина, имеющая длинные брови станет счастливой.

Глаза являются одной из главных составляющих человека, поэтому очень много примет и суждений в народе связаны с глазами:

Хушцем ўиник – женщина, имеющая красивые глаза – такая женщина всегда ведёт себя пристойно. Ей от природы не присуще коварство: «*Я мор дис хуш хушцем ўиник* – она мне очень нравится, у нее красивые глаза. *Чиқир ўиник* – косоглазая женщина – завистливая женщина: *Бечора ўиник вам цеменен варф чиқир* – бедная женщина, оба ее глаза косые.

Жилуқцем ўиник – женщина, имеющая выпуклые глаза – в народе такую женщину описывают как коварную и опасную женщину: *Аз жилуқцем ўиник фок ни хоч* – женщину, имеющую большие и выразительные глаза, все побаиваются.

Хинцем ўиник – женщина, имеющая карие глаза – в шугнаноязычном обществе существует убеждение, что такая женщина обладает сглазом, если она на что-то или на кого-то обратит своё пристальное внимание, то может нанести урон: *Ар чин хинцем ца вед, ви цем, тез-аф фиронт* – говорят, что женщина, имеющая карие глаза, имеет сглаз.

1) ФЕ, характеризующие силу воли женщины

ўиник шайтон не банд кехт.

Женщина может и шайтана в петлю отправить.

ўиник аз андоми чап [Чонбобоев, 2012:71].

Женщина переменчива по своей натуре.

В пословице *ўиник шайтон не банд кехт* говорится об Азозиле – ангеле, который поклонялся богу, а потом из-за не поклонения человеку и неповиновения богу был изгнан из рая и стал известным под именем Шайтана – дьявола [Шакармамадов, 2005: 362]. Шайтан – это «дьявол», «демон», в дополнительном

значении – «хитрый, ловкий». Нельзя хотя бы вкратце не упомянуть и такую характерную и важную особенность женского ума, как хитрость и красноречие женской натуры. Именно эти качества помогают ей отправить в петлю самого шайтана. В устойчивом сочетании *ўиник аз андоми чат* указывается на происхождение женщины и на пренебрежительное отношение к ней.

2) ФЕ, характеризующие женщину как хранительницу домашнего очага
ўинта хуна чат вен.

Жена нужна для блага дома.

Баракти хўна ни кахой [Чонбобоев, 2012: 71].

Благополучие дома зависит от женщины.

Во фразеологизмах *ўинта хўна чат вен, баракти хўна ни кахой*, утверждается важность роли женщины, жены в семье. С давних времён женщине отводилось место в доме как хозяйке, хранительнице очага, домашнего тепла и уюта. Говоря «домашний очаг», мы представляем дом, в котором царит добрая атмосфера. Создать такую атмосферу в семье – это первостепенная задача женщины. Сделать так, чтобы близким вокруг тебя было хорошо и комфортно, – с этой задачей не справится никто, кроме жены и матери. Сам Бог возложил эту обязанность в семье на женщину, и реализовать её сможет только женщина. Зачастую это трудно, потому что нужно заботиться обо всех одновременно, никого, не обделяя добротой и лаской.

3) ФЕ, о важной роли женщины в жизни мужчины

Зани қобил мардӣ ноқобил ба давлат фирефт.

Способная жена неспособного мужа превратит в богача.

Во фразеологизме *зани қобил мардӣ ноқобил ба давлат фирефт*, говорится о важности женского ума и мудрости. Женщины могут вдохновлять мужчину на новые достижения, создавать условия, которые способствуют успешной реализации его предназначения. Быть хранительницей очага – это значит не только быть хорошей матерью, но и сохранять и поддерживать лучшие качества мужа, вдохновлять его на их совершенствование.

4) ФЕ, характеризующие положительную роль матери в жизни детей

Нāн цем тар зирёт пунд.

Мать всегда в ожидании своего дитя.

Нāн ризй̄н амбоц қасам хирт.

Мать всегда за дочь.

Нан ху зирётчат ар дивӯск рец дедд.

Мать ради своего ребёнка может и в логово змеи зайти.

Основная роль женщины в семье – материнство. Материнская любовь – беззаветная, нежная, самоотверженная. Это величайший дар, которым природа наделила каждую женщину – любить своего ребенка. В устойчивых сочетаниях *нāн цем тар зирёт пунд*, *нāн ризй̄н амбоц қасам хирт*, подчёркивается благотворное влияние матери на жизнь ее детей, говорится о ее самоотверженной любви к своему ребенку, о том, что мать готова на всё ради него. Во фразеологизмах шугнанского языка женщины чаще наделяются материнскими качествами, чем мужчины отцовскими: *нāн ху зирётчат ар девуск рец дедд*. В понимании любого общества женщина должна быть женой и матерью, только тогда достигается стабильность, мир и покой. Во многом материнская любовь и привязанность ребенка к матери выполняют функцию поддержания и безопасности эмоционального и психологического мира человека на протяжении всей его жизни, и трудно переоценить роль матери в жизни ребенка. Концепт «*мать*» в понимании общества означает (и выражает) ласковую и «всемогущую» женщину, это проистекает из образа совершенства женщины-жены, то есть требований к роли «мать» стало намного больше, и они стали более серьезные.

В качестве логического заключения процитируем М.А. Алексеенко: «Подавляющая позитивная аксиологичность и эмотивность языковых средств, выражающих концепт «мать», значительно отличается от прагматики языков, определяющей концепт «Женщина», который реализуется в языке многочисленными лексическими, фразеологическими и паремийными единицами преимущественно негативного характера, что имеет свои исторические, культурные, социальные и другие причины» [Алексеенко, 2005: 422].

5) ФЕ, посвященные женскому уму

Ята афлотунард-сабак дид.

Она очень умна.

Доминирующее качество женщины – ум. Женский ум в языке воспринимается как способность к здравому мышлению, так как женщина отличается способностью здраво мыслить, оценивать ситуацию и хладнокровно рассуждать. В повседневной жизни женский ум противопоставлен мужскому как ум, не соответствующий нормальному человеческому.

6) ФЕ, о женской любви

Фирох дил ўиник.

Женщина, способна горячо любить и чувствовать.

Йāи мурд ху рози дил лод.

Она поделилась со мной своими чувствами.

Во фразеологизмах *фирох дил ўиник*, *йāи мурд ху рози дил лод* речь идёт о женщине, способной горячо любить и чувствовать. Любовь – это самое сильное, что испытывает один человек к другому, родным и близкому. Любить и быть преданной, как женщина, пожалуй, не способен никто. Во многих работах эмоция любви описана как что-то мистическое. В любви жизнь женщины обретает новый смысл. Многими учеными рассмотрена и проанализирована проблема репрезентации эмоций любви. В работе З.Р. Хачмафовой «Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков)» анализируются способы реализации эмоций, которые испытывает персонаж – женщина, описаны вербальные и невербальные средства репрезентации эмоционального состояния женщины» [Хачмафова, 2011, 72].

7) ФЕ, о женской доброте

Вам кор ху нуск вистоват вефар дакчид.

Она привыкла заботиться о них.

Кихеиц аз вам гёван гардā йест.

Святая простота.

Фразеологизмы *вам кор ху нуск вистоват вефар дакчид*, *кихеиц аз вам гёван гардā йест* подчёркивают, что женщины всегда готовы пожертвовать своим

благополучием ради родных и близких. Проявление заботы – одно из неотъемлемых качеств женщины.

8) ФЕ, о терпимости и выносливости женщины

Ху гўнч рут чидов, ниц тидихтов.

Приходить в отчаяние, рвать на себе волосы.

Жир ху тора дифтов – ситат шош ху тора гифтов.

Предаваться глубокой скорби, обычно по поводу какого-либо несчастья.

Вам зорвар гахт.

Она почувствовала тревогу.

Вам муи тана мес андуйд.

Её охватил ужас.

Во фразеологизмах *ху гўнч рут чидов, ниц тидихтов, жир ху тора дифтов-ситат шош ху тора гифтов, вам зорвар гахт, вам муи тана мес андуйд* речь идёт о таком качестве женщины, как стойкость, даже после утраты родного человека. В состоянии глубокой скорби проявляются важные для человека качества: сила воли и выносливость, которыми женщина наделена от самой природы.

9) ФЕ, о женской мудрости

Йед кахой ху гапард соиб.

Хозяйка своего слова.

Ху гапти чидов.

Исполнять, выполнять обещание.

Мудрость во все времена имела женское лицо. Принято считать, что мужчины не любят умных женщин, на самом деле мужчины ценят женщин, обладающих мудростью. Именно такие представительницы слабого пола не просто привлекают мужчин, но и вызывают желание идти с ними по жизни, что подчёркивается в устойчивых сочетаниях *йед кахой ху гапард соиб, ху гапти чидов.*

10) ФЕ, осуждающие болтливость как свойство природы

Кахой гап-анд куд муўч.

Пока женщины разговаривали, собака подошла с голоду.

хӕц вам зеван каш насод.

Чересчур болтлива, слабая на язык.

Вам зив йет сат.

Распускать язык.

В приведённых устойчивых сочетаниях осуждается женская болтливость. Женщины в традиционном шугнанском обществе считались чересчур разговорчивыми, во все времена и по сей день их считают очень многословными. Следует отметить, что фразеологизм *кахой гап-анд куд муӕч* является очень популярным, его очень часто приводят в качестве примера в шугнаноязычной семье.

11) ФЕ, о женщине как источнике опасности

ӕиник ам ту дуст ам то духман.

Женщина и твой друг, и недруг.

Цоw ар богат лақ ар ной.

Капля молока в кувшин, сто капель горлу своему (о расточительной женщине).

Я ӕиник нарм хӕц бирин чонт .

Та женщина копает под кого-то.

Дуруйа ӕиник.

Двуличная женщина.

Я йи ху ниц дивихт – тирте wedow.

Показывать свою истинную сущность.

Я кахой вурч маубустанд.

Женщина, скрывающая свои дурные намерения.

Вуwд деканд вирвчин – кина вурч.

Испытать в жизни много, побывать в различных трудных положениях.

Вам вуwд пухтард ланат.

Восклицание, выражающее крайнее возмущение, негодование проклятие.

В данных устойчивых сочетаниях подчёркивается двойственность женской природы и то, как часто женщины бывают переменчивы, расточительны. Во фразеологизмах *я кахой вурч мау пустанд, вурд декан вурвчин вам вурд пухтард ланат – кина вурч* используется приём сравнения (*вурч маубустанд*) – волк в овечьей шкуре, *кина вурч* – старый волк (в значении старый опытный игрок). Женщина – это переменчивое существо с точки зрения шугнанскоязычного общества. По крайней мере, это мнение присуще его мужской части. А все непонятное – страшно, странно. Таким образом, с точки зрения мужчин, женщины – создания двуличные.

12) ФЕ, о отрицательной характеристике женской внешности

Пуст ба ситхун кахой.

Очень худая женщина.

В шугнанском обществе *пуст ба ситхун кахой* использовалось в отношении худощавой женщины или же девушки. Являясь образным наименованием, данное устойчивое сочетание реализует существующее в сознании носителей культуры представление о некрасивой женщине, не являющейся привлекательной для мужчин.

13) ФЕ, выражающие презрительное отношение к женщине

Кахой чой не кецор.

Женщина не должна забывать своё место.

Бе-зот кахой.

Женщина низкого происхождения.

Бе касат куй ўиник.

Безродная женщина.

Я на хурдат на ху шехард.

Ничем не выделяющаяся, посредственная женщина.

Во фразеологизмах *кахой чой не кецор, бе- зот кахой, бе касат куй ўиник, я на хурдат на ху шехард* подчёркивается неуважительное и пренебрежительное отношение к женщине, её происхождению, социальному статусу, через подобные фразеологизмы можно представить положение женщины, определить стереотипы,

отражающие её место в обществе, статус в семье. Однако в современной шугнанской семье отношение к женщине кардинально изменилось, и частотность употребления этих фразеологизмов сократилась.

14) ФЕ, о женском непостоянстве, легкомысленности

Вам цемен варвен.

Кокетливо поглядывать на кого-либо.

Вам цемен варвен – в данном устойчивом сочетании подчёркивается способность девушки, женщины привлечь внимание, вызвать интерес и характеризует внутреннее качество субъекта (легкомыслие, непостоянство).

15) ФЕ, о женской злости и сварливости

хъбиц вамчат нод.

Она заслуживает, чтобы её выпороли.

Ху нуски тент хо.

Относиться с презрением к чему-либо.

Я ўиник ху ца нуд.

Лживая притворная зависть.

Ята вурч қате хиртат соиб кате нод.

Действовать так, как вынуждают обстоятельства.

Му йухкента вам пицард яден.

Наступит час возмездия.

Захм ту нояанд – ту забун мер.

Недобрые пожелания – проклинать кого-то.

Сочетаний с отрицательной коннотацией, характеризующих негативные стороны женского характера (*хъбиц вамчат нод, ху нуски тент хо, я ўиник ху ца нуд, дуруйа ўиник, я ўиник ху нуск дароз чуч ху, ята вурч қате хиртат соиб кате нод*), *му йухкента вам пицард яден, захм ту нояанд – ту забун мер*, намного больше, чем пословиц с положительной оценкой. Это можно объяснить тем, что в обществе, в культуре и языке сложились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, такие как лживость, притворство, зависть, несерьёзность и т.д.

16) При исследовании отобранного материала в рамках рассматриваемой группы выделена одна национально специфическая подгруппа, а именно **ФЕ, отрицательной характеристикой женщины, не способной стать матерью:**

Бе мева дарахт.

Бесплодная женщина.

Пир духтар.

Немолодая женщина, которая не была замужем (старая дева).

Не всем женщинам по судьбе суждено выйти замуж, быть женой и матерью, что подчёркивается в устойчивом сочетании *Пир духтар*. Потребность быть матерью заложена в женщине самой природой. Общественные нормы и ценности оказывают достаточно сильное влияние на проявление материнского инстинкта. В современном обществе всё еще продолжает превалировать определение женственности в терминах ее репродуктивных способностей. Поскольку личность женщины связана со способностью деторождения, бесплодие препятствует положительному ее восприятию, создаёт негативное отношение к своему телу. Бесплодие препятствует проявлению женщиной своей гендерной идентичности, выражающейся в деторождении и воспитании.

Таким образом, анализ фразеологизмов позволяет сделать следующие выводы: восприятие образа женщины в шугнанскоязычном обществе в основном формируется под влиянием национальных стереотипов, которые находят свое яркое выражение во фразеологических единицах и устойчивых сочетаниях. В исследуемых фразеологизмах прослеживается двойственное восприятие образа женщины: идеальный образ – образ добродетельной жены, матери, хозяйки, хранительницы очага, а негативный образ наделен отрицательными чертами: болтливостью, недоброжелательностью, злобностью, сварливостью.

3.3 Ядерные и периферийные семантические компоненты концепта «Женщина»

Антропоцентризм в науке не обошел и лингвистические исследования, которые предполагают изучение всех сторон коммуникации: от когнитивного

представления структур знаний до системных особенностей языковых единиц. Системность на лексическом уровне долгое время оставалась без внимания исследователей по той простой причине, что системность просматривалась на смысловом уровне, определяя связи и отношения между множеством единиц, составляющих классы, группы, ряды, поля. «Между единицами семантических множеств нет резких границ, их отношения характеризуются взаимопереходностью и взаимопроникновением». [Кузнецова, Михайлова, 1987:10]. По мнению М.А. Бочаровой, «для изучения семантики слова существует три подхода: ономаσιологический (Ф. Дорнзайф, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова), семасиологический (Э. Бенвенист, Д.Н. Шмелев, А.М. Кузнецов, М.В. Никитин) и семиологический (А. Греймас, Р.Г. Пиотровский, Ю.С. Степанов), они дополнились четвертым – когнитивно-прагматическим. Появление последнего связано с тем, что стало невозможно получить новые лингвистические знания, работая с такими традиционными объектами, как, например, классы слов» [Бочарова, 2012:63]. Понятие становится концептуальным, если оно стало общеупотребительным, имеет связи с другими словами, стало национальным, активно включается в состав различных пословиц и поговорок, фразеологических единиц.

Одним из главных конститутивных признаков категориального статуса концепта признается его антонимический характер (в нашем исследовании мужчина-женщина), наличие бинарной оппозиции как релевантного признака любого концепта. Исследования системы языка на основе полевой модели стали важным и уже достаточно оформившимся направлением общей лингвистики. Данный подход к описанию языковых явлений представляется плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях, выражаясь в семантическом поле. «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 1998:380], которое представляет собой способ отражения объективной реальности,

сложной системы взаимосвязей ее объектов. Единицами семантического поля являются слова, объединенные в лексико-семантические группы на основе общего значения. «Между лексико-семантическими группами и семантическими полями наблюдаются отношения включения. ЛСГ входят в семантические поля. Их можно представить, как микрополе, тогда семантическое поле будет представлять собой объединение микрополей» [Бочарова, 2012:64]. Наиболее важным в лексической системе типом классов слов являются лексико-семантические группы (ЛСГ), понимаемые как «совокупности слов, имеющих близкие (в том числе противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимы)» [Филин, 1982:225]. В синонимических рядах представлен максимальный случай полного совпадения семного состава слов, то есть слов с идентичными значениями: жена, девушка, дама, баба и т.д.

Синонимы образуют микросистему или синонимический ряд. Каждый синонимический ряд основан на общем элементе значения, который выступает как интегральный семантический признак данного ряда. Синонимический ряд часто перекрещивается с тематической группой. Между тематической группой и синонимическим рядом как классом языковых единиц существует взаимосвязь: тематическая группа может объединять несколько синонимических рядов, представленных разными частями речи.

При всем разнообразии связей, семантическое поле представляет собой системообразующую единицу языка, где пересекаются тематические и синонимические ряды, охватывающие семасиологический и ономасиологический аспекты языковых единиц.

Системность лексического уровня определяется тем, что значение одного слова в лексико-семантических группах тесно переплетается со значениями других слов группы. Л.А. Новиков отмечает: «Иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе частные категории (синонимию,

антонимию и др.). С точки зрения идеографического (ономазиологического) описания языка, то есть в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира», определяемую его внутренней формой» [Новиков 1982: 458].

Можно привести еще десяток определений семантического поля, так как данной проблемой занимались такие известные российские и зарубежные лингвисты, как А.А. Потебня, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, Э.В. Кузнецова, М.Д. Степанова, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева, Р. Мейер, Ш. Балли, Г. Ипсен, Й. Трир, Л. Вейсгербер, В. Порциг, Г. Мюллер. Впервые данное понятие ввели в научный оборот Й. Трир и Г. Ипсен в первой половине XX века [Кронгауз, 2001:158].

Изучение семантических полей в сопоставительном плане позволяет увидеть то, как одно и то же понятие выражается в различных языках как показатель национально-этнического своеобразия. Лингвокультуро-логический концепт «Женщина» является одним из ключевых концептов в языковой картине мира практически всех народов, поскольку образ женщины имеет универсальные признаки, что коррелируется с социокультурными, временными особенностями среды и условий, в которых развивался концепт «Женщина».

Так как при семантическом анализе в семантическом поле объединены слова с единым семантическим стержнем, единицы должны отличаться хотя бы одним признаком. В связи с этим значение разбивается на семы, которые содержат интегральные признаки (объединяющие слова) и дифференциальные признаки (разводящие значения слов). Для всего поля определяется конституирующий смысл, общий для всех слов данного поля, который и называется интегральным семантическим признаком. В концепте выделяется ядро и периферия. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные, наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного

концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малой значимости или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления.

Полевая структура в языке очерчена внутренним содержанием – семантикой языковой единицы. Семантическое поле представляет собой соотношение центра, содержащего основное значение, и периферии, состоящей из элементов с менее выраженными семантическими признаками. В основе СП лежит семантическая категория, семантический инвариант, объединяющий разноуровневые языковые единицы на основе общности значения. А.В. Бондарко при моделировании структуры поля выделяет:

«а) состав компонентов СП в данном языке на основе инвариантного признака;

б) состав центральных и периферийных компонентов поля;

в) связи между компонентами СП;

г) структурный тип данного поля;

д) связи между данным полем и другими СП» [Бондарко, 1984: 25].

В самом общем виде поле понимается как «некоторое организованное пространство частиц, множество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [Новиков, 1997:3]. С развитием теории семантического поля в нем стали выделять центральную и периферическую части. Структуру концепта обычно представляют в виде круга, в центре – ядро концепта, на периферии – все, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом. «К ядру будут относиться первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [Попова, Стернин, 2001:44].

На формирование содержания концепта «Женщина» значительное влияние оказывают как социальные, так и культурно-исторические факторы, включая мифологию и религию, общественные процессы, промышленно-экономическое развитие, а также биологические особенности женщин. «Ядро заключено в главном слове и представляет собой наиболее употребительно и функционально

нагруженное слово, оно представлено родовой семей или гиперсемой (семантический компонент, который организует семантическое развёртывание поля). Центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное с ядром значение. Периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра. В периферии находятся маргинальные единицы, часто с контекстуально обусловленными значениями» [Денисенко, 2002: 45].

На примере исследования семантического поля «**Женщина**» в современном русском языке мы попытались доказать возможность его описания, как любой другой полевой структуры. Установление ключевого слова-репрезентанта, объективирующего концепт, осуществляется посредством ключевого слова, наиболее полно номинирующего концепт: наиболее употребительное наименование, обобщенное по семантике, стилистически нейтральное, не оценочное.

Построение и изучение деривационного поля ключевого слова позволяет также выявить когнитивные признаки исследуемого концепта через словообразовательную структуру. Так, «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова отмечает следующие однокоренные единицы: жен(щин а) женск(ий) → **по-женски** → женственно → **женственн(ый)** → женственность.

Значительную роль в осмыслении концепта играет фразеологический состав с использованием исследуемого компонента. Именно в нем можно найти застывшие осмысления внутреннего содержания концепта. Фразеологизм также входит в номинативное поле соответствующего концепта, а анализ значения фразеологизма позволяет установить определенные признаки соответствующего концепта. Достаточно перспективным представляется сопоставительный анализ данного семантического поля в русском и шугнанском языках.

Ядро номинативного поля концепта «**Женщина**» составляют такие единицы, как **женщина, лицо женского пола, дама**. На ближней периферии **жена, мать, дочь, сестра, баба, девушка/девка/девица, старуха**, на дальней периферии **невеста, кума, свекровь, мачеха, теща, золовка, сноха, племянница, вдова**,

хозяйка/хозяйюшка, барыня, госпожа, княгиня, молодица, красавица, блудница, умница, бездельница.

Семантическое поле является основным системообразующим аспектом организации структуры лексического яруса. В нем перекрещиваются тематические и синонимические ряды, семасиологический и ономазиологический аспекты языковых единиц. Каждое СП связано с другими полями языка и в совокупности с ними образует лексическую систему.

Основными параметрами, разделяющими ядро и периферию, можно назвать обязательность, частотность и семантическое наполнение ядерных компонентов. С.Г. Шафиков выделяет шесть общих свойств поля: «1) взаимосвязь элементов, 2) регулярный характер связей между элементами, 3) значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам, 4) принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей, 5) исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке, 6) культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках» [Шафиков 1999:17]. По мнению Г.С. Щура, поле – это «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти языковые единицы друг от друга» [Щур, 1974: 68]. «В основе каждого функционально-семантического поля, по его мнению, лежит определенная семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие» [Бондарко, 1984: 23].

Между единицами ЛСП наблюдаются парадигматические (отношения, возникающие между членами какого-либо ряда (синонимического, антонимического, ассоциативного и др. на основе общности или противоположности) и синтагматические отношения. Единицей парадигматических отношений является парадигма, то есть «ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется

отношениями к другим членам ряда» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс].

Концепт «Женщина» можно разделить на 3 тематические группы, которые, в свою очередь, состоят из различных аспектов, объективируемых в языке словами и фразеологизмами: «внутренний человек» – психологические характеристики, моральные качества, интеллектуальные способности; «внешний человек» – биолого-физиологические характеристики и внешность; и «социальный человек» – семейное положение, социальный статус, социально значимая деятельность.

3.4 Сопоставительный анализ репрезентации концепта «Женщина» в лексико-фразеологической системе шугнанского и русского языков

Основанием для сравнения являются как количественные, так и качественные параметры, которые можно считать показателем стереотипов, сложившихся в исследуемых лингвокультурных сообществах. Прежде всего, обращает на себя внимание явная диспропорция в соотношении релевантных единиц русского и шугнанского языков: русский материал в разы превышает шугнанский. Связано это, прежде всего, с тем, что русский язык является более развитым, письменным, литературным языком, шугнанский язык бесписьменный, в основном функционирует в устной форме в ограниченных социальных сферах.

В обеих культурных традициях наибольшую значимость имеют психологические характеристики женщины, в особенности ее нравственные качества и взаимоотношения с окружающими во всем их многообразии. В большинстве случаев понятийные сферы, послужившие источником внутренней формы устойчивых сочетаний, в обоих языках совпадают. Но конкретные образы, относящиеся к этим сферам, различны, обладают культурно-обусловленным характером.

При сопоставлении исследуемого концепта по *возрастному признаку* в шугнанском и русском языках есть как сходство, так и различия. Слово *девочка* в шугнанском языке служит для обозначения ребенка или подростка женского пола. В русском языке слово *девочка* имеет такие синонимы: девчонка, девчонки, –

которые являются разговорно – пренебрежительной формой. В обоих языках данный термин обозначает лицо, не достигшее полной физической и интеллектуальной зрелости.

При сопоставлении термина *девушка* в шугнанском языке мы выявили, что данное слово *Ғаъ* (*гәйхелл, гәйцен, гәйгалл, гаъбиц* во втором значении в словаре используется в значении *дочь*, в третьем значении *любовница*, в четвертом *глупая, скверная (разг. пренебр. форма)*. В русском языке во втором значении данный термин обозначает служанку, работницу, что является устаревшей разговорной формой. В обоих языках слово *девушка* нейтрализует семантический компонент «не состоящая в брачных отношениях».

Слово *женщина* *Ўиник* в шугнанском языке в первом значении *женщина*, во втором *любовница*, имеет синонимы: *зан, кахой, аврат, калтадор*. Слово *зан* является заимствованным из таджикского языка. Термин *кахой* имеет пренебрежительный оттенок. В словаре данный термин идет в первом значении – женщина, во втором – жена, в третьем – бережливая; расчетливая; запасливая. Термин *аврат* – 1. женщина. 2. Жена. Данный термин встречается в словаре, однако в языке он полностью вышел из употребления. Термин *калтадор* применим к женщинам, имеющим любовника.

В русском языке женщина так же имеет синонимический ряд: *барышня, дама, дамочка, матрона, старуха, баба*. Его компоненты отличаются в основном стилистической окрашенностью. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова даёт определение слову в трех значениях: «1. Лицо, противоположное мужчине по полу. Лицо женского пола, как типичное воплощение женского начала. 2. Взрослая, в противоп. девочке. [<https://ushakovdictionary.ru>].

В русском языке в репрезентации концепта «Женщина» по возрасту в словаре мы столкнулись с лексической единицей *девица*, которая является разговорно устаревшей. Данному слову в шугнанском языке соответствует лексема *гәйцак (девушка)*, но она в шугнанском языке употребляется очень редко, в определенной степени ее можно считать вышедшим из употребления.

Термин *дева* даётся в одном значении – это то же, что девушка, а также женщина, не вышедшая замуж до определенного возраста. Таких женщин на Руси было принято называть старой девой.

Термин *молодка (молодица)* встречается в словаре в двух значениях: молодая девушка, так же на Руси было принято отзываться о молодой курице. Термину *молодка* в шугнанском языке соответствует термин *бачазан*.

В русском языке *бабой* считалась замужняя крестьянка, во втором значении жена, в третьем, значении – женщина. В шугнанском языке по возрасту термины *дева, баба* отсутствуют.

Сопоставляя термины *тётя* в шугнанском и русском языках, мы обнаружили, что в шугнанском языке *хола* считается только лишь сестрой матери, в то время как в русском языке *тётка, тётки* – это и сестра отца, и матери. Кроме того, в шугнанском языке были обнаружены термины *виц, вицйуñ, вицен* в рушанском диалекте, которые обозначают сестру матери. В шугнанском языке при репрезентации терминов кровного родства был также выявлен, термин *аммā*, который обозначает сестру отца, тётю по отцу.

При сопоставлении термина *старуха* в русском и шугнанском языках выявилось абсолютное семантическое сходство. Однако в шугнанском языке мы обнаружили термины *пйр, пйразан, зол*, которые также обозначают старость. Несмотря на то, что они зафиксированы в словаре, в лексике и быту, они полностью вышли из употребления. В словаре русского языка подобных терминов обнаружено не было.

В шугнанском языке концепт «Женщина» репрезентируют также слова *кайбону* (женщина, готовящая угощение на семейных праздниках), *похйкастā* (женщина слабый пол), *пйрзечā* (женщина, ухаживающая за роженицей), *чи-ниwêрз чи-ниwениц* (женщина, сопровождающая невесту в дом жениха) и *бйнзак* (женщина, небольшого роста), аналогов которых при сопоставлении с русским языком мы не обнаружили.

По семейному статусу

Выделены следующие термины: *невеста* в шугнанском языке

репрезентируется лексическими единицами, *зинаўез, зинавез, хисминенз* – та, что помолвлена, сговорена; невеста; *ўинез, нивениц*. В русском языке данный термин имеет мн. число *невеста, невесты*, в словаре он также представлен в значении монахиня, которое отсутствует в шугнанском языке, и в значении немолодой девушки, не вышедшей замуж (шутл. ирон.)

При сопоставлении слова *жена* в шугнанском языке обнаружен термин *ўинак*, уменьш. ласк. – женушка. В русском языке есть мн. число данного термина *жена, жены, мн. жены, женам* (женам устар.). В словаре русского языка нами был обнаружен ещё один термин – *супруга* который является устаревшей книжной формой лексемы жена.

Среди терминов некровного родства шугнанскому термину *хїх* соответствуют термины *тёща* и свекровь.

По семейному статусу в русском языке представлены термины кума и крестница, которых в материалах шугнанского языка обнаружено не было.

Термины по *социально – семейному статусу* в шугнанском и русском языках полностью совпадают за исключением слова *хозяйка*, которого в шугнанском языке нет.

По типу родственных отношений (кровное родство)

По результатам сопоставления исследуемых терминов можно отметить сходства и различия, а также семантический объём слов, обозначающих кровное родство, в русском и шугнанском языках.

Так, слово *дочь* в обоих языках используется в двух значениях с указанием стилистических помет и грамматических форм в прямом номинативном значении и уменьшительно-ласкательной форме.

Сопоставляя слово *сестра* в шугнанском и русском языках, мы пришли к выводу, что в русском языке, по Толковому словарю Ушакова, *сестра*, кроме основного значения, имеет переносное метафорическое значение (на основе признака заботливости) – «*работница лечебных учреждений*, лицо среднего (прежде низшего) медицинского персонала, выполняющее медицинские или хозяйственные обязанности. Третье значение – монахиня – является специфическим

для христианского вероисповедания». В шугнанском языке слово *сестра* помимо своего прямого номинативного значения имеет также слово-синоним *амишира*, которое является заимствованным из таджикского языка.

Слово *мать* в шугнанском и русском языках семантически совпадает, есть расхождение только в одном: в русском языке мать – это еще и обращение, присоединяемое к имени или званию монахини (церк.).

В шугнанской культуре *санд-вêр* – это мать внебрачного ребенка, а точнее девочки, девушки. При сопоставлении термина *внебрачный ребенок* в шугнанском языке нами выявлен один термин – *санд-вêр*, в то время как в русском языке их множество: *байструк, нагулянный, изродица, блудник, мирской, материн, девичий, девкин, девчачий*. В русской культуре задача подобных наименований состояла в том, чтобы они указывали на то, что мать не состояла в брачных отношениях до появления на свет ее ребенка. В менталитете русского народа рано родившая незамужняя девушка расценивалась как опасное явление. Таких женщин и матерей называли *дяучурка, крапивница, ребятница, незамужница*.

Слово *бабушка* в обоих языках полностью совпадает в значении мать отца или матери и как обращение к старой женщине.

Слово *племянница* также в обоих языках имеет одинаковое значение, однако следует иметь в виду, что в шугнанском языке есть общее наименование слов *племянник* и *племянница* – (*хер*) и *хуарзодâ*, которое можно отнести к общему роду.

Значение слова *внучка* в обоих языках является одинаковым, какого-либо различия не наблюдается.

При сопоставлении терминов *некровного родства* выявлено, что в шугнанском языке термин *Зйнаў* служит для обозначения жены сына, в то время как в русском – это девушка или женщина, вступившая в брак. Слово *хийуñ* ассоциируется с положительным образом в шугнанской культуре. В шугнанском языке нет слова *свояченица*, ему соответствует слово *хийуñ*, которое используется и в значении сестры мужа, и в значении сестры жены:

В русском языке мать мужа – *свекровь*, а мать жены – *тёща*, в шугнанском языке для обозначения матери мужа и жены есть только один термин – *хйх*,

которым обозначают мать жены и мать мужа. Термины некровного родства *мачеха* и *свояченица* в обоих языках совпадают.

Таким образом, можно утверждать, что лексическая объективация концепта «Женщина» в русском и шугнанском языках имеет существенные различия. Связано это, прежде всего, с тем, что русский язык является письменным языком, в нем достаточно развитая давно сформировавшаяся литературная норма, это один из мировых языков с развитой лексической системой и многофункциональной сферой использования. Шугнанский язык является бесписьменным языком, используемым в пределах бытового общения, с ограниченными функциональными возможностями практически во всех сферах общения. Доказательством ограничения лексико-семантической системы бесписьменного шугнанского языка является и в «ограниченность» терминов женского некровного родства.

Сравнивая шугнанский и русский языки, между которыми очень много общего в силу общности их происхождения (оба языка представляют индоевропейскую семью языков), мы выявили расхождения в терминологии некровного родства. Так, например, в русском языке мать мужа – *свекровь*, а мать жены – *тёща*, в шугнанском языке для обозначения матери мужа и жены есть только один термин – *хйх*, которым обозначают и мать жены, и мать мужа. Судя по представленному словарному материалу, женщина чаще получает положительные характеристики. Интеллектуальная недостаточность и болтливость уже не входят в число стереотипных женских качеств как в шугнанском, так и в русском языке.

По принадлежности к социальным слоям

В шугнанском языке выделены *потхёдухтар*, *биби*, на материале русского языка похожих терминов обнаружено не было. В русском языке это термины *барыня*, *боярыня*, *боярыни*, *госпожа*, *сударыня*, *дама*, *мадам*, *королева*, которые считались часто употребимыми, на сегодняшний день их можно считать полностью вышедшими из обихода. На материале шугнанского языка подобных терминов обнаружено не было.

Термины, описывающие принадлежность к социальным слоям, в шугнанском и русском языках полностью отличаются. Связано это, прежде всего, с эпохой и словарным составом языка, который постоянно обогащается и совершенствуется. В шугнанском языке было обнаружено только два термина, описывающих сословие и народ, в то время как в русском языке их гораздо больше. Связано это, прежде всего, с тем, что в каждой отдельно взятой культуре концепт «Женщина» имеет свои типичные черты, предопределяемые историческим развитием народа, его традициями и обрядами, этикой отношений в семье, географическим расположением и многими другими факторами, формирующими в целом культуру народа и его ключевые концепты. В сохранении и развитии внутреннего содержания концепта определенную роль играет статус языка. Русский язык относится к старописьменным языкам, что позволяет ему развиваться и совершенствоваться.

При сопоставлении *устойчивых сочетаний шугнанского и русского языков* были обнаружены как универсальные, так и специфические черты. В системе ценностей обеих культур присутствуют пять *смысловых областей: материнство, хозяйственность, супружество, внешность, выносливость и покорность женщин.*

Материнские черты женщины во фразеологических системах двух языков представляются как универсальные коннотации, главным образом положительно. Мать выступает как источник комфорта, защиты, заботы и спасения. В устойчивых сочетаниях шугнанского языка *нāн цем тар зирёт пунд, нāн ризйн амбоч қасам хирт, подчёркивается* благотворное влияние матери на жизнь ее детей. Во фразеологизмах шугнанского языка женщины чаще наделяются материнскими качествами, чем мужчины отцовскими: *нāн ху зирётчат ар девуск рец дедд*, в понимании любого общества женщина должна быть хозяйственной женой и доброй матерью, только тогда достигается стабильность, мир и покой в семье.

В русском языке устойчивые сочетания так же отражают все качества матери, сравнивая ее с другими женщинами семьи. В поговорке «*Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невестка плачет, как роса падёт; взойдет солнце, росу высушит*» явления природы сравниваются с характером и эмоциями

человека. Видно, что уровень огорчения, печали матери сильнее, чем жены и невестки, потому что мать не только беспокоится о семье и муже, а прежде всего она переживает за своих детей.

В фразеологизмах *ўинта хўна чат вен, баракти хўна ни кахой*, подчеркивается важность роли женщины, жены в семье. С давних времён женщине отводилось место в доме как хозяйке, хранительнице очага домашнего тепла и уюта. Говоря «домашний очаг», мы представляем дом, в котором царит добрая атмосфера. Создать такую атмосферу в семье – это первостепенная задача женщины. Сделать так, чтобы близким вокруг тебя было хорошо и комфортно, – с этой задачей не справится никто, кроме жены и матери. Во фразеологизмах русского языка «*Не та хозяйка, которая говорит, а которая щи варит*» [Даль, 1984:554], «*Добрая жена дом сбережёт, а худая – рукавом растрясает*» [Раковский, 1969: 52], «*Без женщины любой дом сарай*» [Раковский, 1969: 51]. «*Хозяйкой дом стоит, без жены дом содом*» подчёркивается важность роли женщины в доме, её хозяйственность и трудолюбие.

Во фразеологизме шугнанского языка *зани қобил мардӣ ноқобил ба давлат фирепт* говорится о ценности женского ума и мудрости. Как и в любой другой культуре, в русской культуре женщины в семье играют первостепенную роль, что подтверждается следующими фразеологическими единицами: «*муж – голова, жена – шея: куда шея повернёт, туда и голова повернётся*». Очень многое в семье зависит исключительно от жены, так как её поведение оказывает значительное влияние на мужа. Если характер жены злой, то муж будет страдать в таком браке: «*Женился на скорую руку – да на долгую муку*» [Раковский, 1969:52]. Важность присутствия жены в жизни её мужа подчёркивается и в поговорках: «*Без мужа голова не крыта, а без жены дом не крыт*». «*Добрая жена – мужней голове корона*», «*Муж да жена – одна душа*», «*Муж и жена из одного кремня искры. Муж и жена – одна сатана*».

В русской лингвокультуре женская красота относится к качествам, имеющим амбивалентную аксиологическую маркированность, потому что в русских пословицах красота нередко противопоставляется уму или доброте. «*На красивую глядеть*

хорошо, а с умной жить легко [Даль, 1984:555], *«Девушка красна до замужества»* [Даль, 1984:435], *«Красота – до венца, а ум до конца»* [Даль, 1984:532]. Данные фразеологизмы говорят о том, что красота девушки значима только в юности, учитывая, что традиционно замужество ассоциировалось с трудом, хозяйством и хлопотами в быту, потому важно было иметь ум и смекалку. В русской фразеологии женская внешность носит условно-символический характер: *коса – олицетворение девичества, кровь с молоком – быть здоровой, белое лицо – символ чистоты, красна девица – символ красоты и молодости*. На материале шугнанского языка подобных фразеологизмов обнаружено не было.

Во фразеологизмах *ху гўнч рут чидов, пиц тидихтов, жир ху тора дифтов – ситат шош ху тора гифтов, вам зорвар гахт, вам муи тана мес андўйд* речь идёт о таком качестве женщины, как стойкость и выносливость. В состоянии глубокой скорби проявляются важные для человека качества – сила воли и выносливость, которыми женщина наделена от самой природы. И на Руси с давних времён женщины были наделены такими важными качествами, как выносливость, а также покорность. Выносливость женщин на Руси вызывала восторг, который отражен в поэме Н.А. Некрасова *«Кому на Руси жить хорошо»*: *«коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт, где сатана не сможет, туда бабу пошлёт»*. Покорность жены является в языковом сознании русского народа одной из главных составляющих в благополучии семьи: *«Смиренна жена – велико добро, Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша», «Жена честнее – мужу милее»* [Мокиенко, Никитина, 2001:337].

Таким образом, в обоих языках специфичные особенности концепта «Женщина» заключаются в его тесной связи с семейными ценностями. «Женщина» чаще всего предстает в значении «мать», «жена». Значительное место отводится особенностям концепта «Женщина», заключенному в описании её красоты, хотя красота женщины в традициях обеих народов не играет особой роли.

Женщина, несмотря на покорность, может выступать и как смелая бунтарка, защитница своих прав. На основании проведенного исследования можно

утверждать, что существенными чертами женщин в обеих культурах продолжают оставаться красота, любовь, самоотверженность, материнство.

Анализ фразеологизмов позволяет сделать следующие выводы: восприятие образа женщины в шугнанскоязычном и русскоязычном обществах в основном формируется под влиянием национальных стереотипов, которые находят свое яркое выражение во фразеологических единицах и устойчивых сочетаниях. Анализ устойчивых сочетаний показал, что в концепте «Женщина» у шугнанцев и у русских содержится гораздо больше сходств, чем различий, что является свидетельством утвердившихся схожих этических норм отношения к женщине в обеих культурах. Как у шугнанцев, так и у русских в рассматриваемом концепте преобладают позитивные признаки, хотя достаточное количество фразеологизмов с негативным значением, что легко объяснить особенностями человеческого сознания, в котором все хорошее обычно воспринимается как должное, а все плохое считается чем-то исключительным.

Самое большое различие в восприятии концепта «Женщина» в сознании шугнанцев и русских, а, следовательно, и в репрезентации указанного концепта в лексико-фразеологических системах изучаемых языков наблюдается в количественном плане и в незначительной степени – в восприятии и отражении самого концепта.

Выводы к третьей главе

Целью данной главы было определение концепта «Женщина» в языковой картине носителей шугнанского языка, а также установление семантических сфер, наиболее актуальных для данного концепта в русском и шугнанском социумах, с последующим выявлением признаков, подверженных оценочной квалификацией.

Несмотря на то, что русский и шугнанский языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, языки отличаются не только структурно, но и характеризуются отличным опытом ценностной маркировки окружающей действительности.

Анализ словарного материала шугнанского языка и его фразеологического

корпуса позволяет отметить, что рассматриваемый концепт актуален для носителей шугнанского языка, о чем свидетельствует достаточно развернутая оценочно-номинативная вербализация. При анализе лексемы «Ўиник» (Женщина) в шугнанском языке доминантным термином, репрезентирующим данный концепт, является слово ўиник, являясь стилистически нейтральным, самым употребительным, используемым именно для характеристики и описания лица женского пола. В русском языке это лексема «Женщина» как лицо, противоположное мужчине по полу. Лицо женского пола, как типичное воплощение женского начала.

Рассматривая особенности языковой репрезентации концепта «Женщина» в шугнанском языке следует отметить, что ядерная часть концепта включает оценку характера женщины, ее внешность, нравственное поведение, роль в социуме, отношение к труду и т.д. Так, например, в семантической сфере «внешность человека» вербально представлены достоинства и недостатки внешнего вида женщин. В оценке внешности наиболее существенным признан признак «красота». В числе достоинств представлена молодость, стройность, красота, привлекательность и многие другие качества. К числу недостатков как порок представлен преклонный возраст, который изменяет внешность, неопрятность при ухаживании за внешностью, внешняя непривлекательность.

При вербализации характера шугнанских женщин обычно привлекательным представлена их общительность, умение находить компромиссы в семейных ситуациях, в общении с родственниками мужа, соседями, любовь к труду. Отрицательные черты заключаются в расточительности, на наш взгляд, очень необоснованно отмечается глупость, неопытность, отсутствие навыка ведения домашнего хозяйства.

Особое внимание отведено моральным качествам. Высоко ценится верность женщины-жены, ее отношение к семейным ценностям. Как и в любой другой национальной культуре, шугнанцы осуждают женщин легкого поведения, осуждается половая распущенность и аморальный образ жизни и поведения. Девственность находится в зоне положительной оценки. Согласно менталитету

шугнанцев, положительную оценку получают женщины, занятых на государственной службе, работающие женщины, хотя негативно относятся к тому, когда женщина чрезмерно поглощена работой в ущерб семье.

Исследование шугнанских устойчивых сочетаний позволило выявить определенные специфические представления о женщине в языковом сознании шугнанцев, поскольку именно данный пласт языка является хранилищем национальных устоев и традиций, именно они наиболее ярко и детализировано отражают образ женщины. В них представлены социальные роли женщины и присущие именно шугнанкам женские характеристики.

Вышесказанное позволяет легко понять представления народов о «настоящей» женщине – красота, доброта и нравственность. Оценочная структура исследуемых концептов в сопоставляемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля «женщина» признаки: «внешность», «внутренний мир» и «социальная роль». Первую группу составляют такие признаки, как «внешность», «внешний вид», «одежда» и др. Вторая группа включает свойства личности, например «характер», «темперамент», «интеллект», «эмоции» и т. д. Третья группа содержит межличностные характеристики женщины: «поведение», «образ жизни», «мораль» и т. д. Далее выделяются более частные признаки, значимые для носителей рассматриваемых культур и особым образом представленные в языке, что позволяет раскрыть специфические характеристики конкретного языка.

Таким образом, концепт «Женщина» представляется важным культурный феномен в концептосфере носителей шугнанского и русского языков, на что указывает его номинативная плотность в лексико-фразеологической системе рассматриваемых языков. Доминантными семантическими сферами, коррелирующими с анализируемым культурным концептом в обоих языках, являются характер женщины, ее моральный облик и внешность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы глобализации, миграции и интеграционные процессы, все время расширяющие свое влияние на развитие общества, отразились практически на всех сферах человеческой деятельности, в том числе и сферы функционирования языка. Не секрет, что расширение межъязыковых контактов порождает совершенно новые аспекты коммуникации, что влечет за собой открытие мало известных до начала нового века направлений в лингвистике. Главными направлениями лингвистических исследований языка осуществляются непосредственно в контексте национальной культуры носителей языка. Складывается гумбольдтовское понимание языка как «промежуточного мира» между человеком и окружающим миром. В рамках работ таких известных российских ученых, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и многих других язык рассматривается как хранитель результатов познавательных актов носителей языка, посредством которых «рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов, 1977:42]. Возникла и стремительно развивается новая отрасль – лингвокультурология, предметом исследования которой становится концепт.

Несмотря на обилие работ в русской и зарубежной лингвистике по указанной проблеме, до сих пор существуют множество определений понятия «концепт», которые включают в поле исследования противоречивый объем его охвата лингвистикой и смежными науками. Мы в определении концепта разделяем точку зрения Карасика В.И.: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип <...> Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители

культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [Карасик, 2001:77].

При всех противоречиях и многообразии трактовок этого термина, концепт единодушно признается единицей ментального пространства. Он организует знания о мире и отражает национальную идентичность в восприятии окружающей действительности. Рассмотрение различных подходов к понятию концепта позволило выявить его основные признаки. Концепт представляет собой единицу ментально-понятийной сферы, отражает особенности мышления, мировоззрения и культуры народа. Концептуальные признаки выявляются через семантику целого ряда единиц языка. Концепты включают в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, которые должны быть учтены при описании концепта. Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. Совокупность общенародных концептов образует концептосферу народа.

Языковая картина мира тесно связана с концептуальной системой, а также с языком. Формирующаяся картина мира, отраженная в человеческом сознании, есть вторичное существование мира, зафиксированное и реализованное в особой материальной форме – языке. Один и тот же язык, один и тот же общественно-исторический опыт формируют у членов определенного общества сходные языковые картины мира, что позволяет говорить о некой обобщенной национальной языковой картине мира. Таким образом, языковая картина мира является базовым понятием лингвокультурологии и при исследовании необходимо учитывать взаимодействие общечеловеческого, национального и личностного факторов в концептуальной картине мира, а также продуктивность обращения к диалогу с другими культурами, благодаря чему обнаруживаются новые «смысловые глубины» в родной культуре и в родном языке. [Маслова,2001].

В представленном диссертационном исследовании описан один из фрагментов русской и шугнанской языковых картин мир – концепт «Женщина». Исследование относится к области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Оно выполнено в рамках нового антропоцентрического научного

направления, в центре внимания, которого взаимодействие языка, культуры и человека. «Уже давно полагали, что язык открывает окно в окружающий нас мир; сегодня правильно полагают, что язык – это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов, и этот поворот в лингвистике заслуживает самого серьезного к нему отношения» [Кубрякова, 2004:13]. Установление содержания концепта «Женщина» проводилось нами с учетом трех аспектов: социального, природного (физическая, внешняя сторона), личностного (внутренняя сторона). В каждой из трех частей мы выделили смысловые области.

Исследуемый концепт один из важнейших феноменов национального сознания как русских, так и шугнанцев. Его описание было направлено на выявление способов объективации языкового сознания и установление компонентов структуры: универсального, специфически национального, социального обусловленного и индивидуального. Основной вопрос при установлении содержательной стороны концепта, его смысловой признаковой структуры – это вопрос о том, как концепт объективируется.

Проведенный в данной работе анализ репрезентации концепта «Женщина» позволил выявить особенности языковых картин мира шугнанского и русского социумов. Исследование показало, что некоторые характеристики анализируемых понятийных сфер идентичны, а другие демонстрируют существенные расхождения. С помощью когнитивного анализа были выявлены когнитивные особенности концепта «Женщина», которые послужили основой для лучшего понимания национальных стереотипов поведения, особенностей менталитета, национально-культурного опыта, традиций, жизненных ценностей носителей шугнанского и русского языков. Семантический анализ проводился на материале лексикографических трудов, а источниками примеров послужили языковые корпуса шугнанского и русского языков.

Известно, что в русской культуре социальный статус женщины был практически равен социальному статусу мужчины; женщины выполняли иные обязанности, чем мужчины, но при этом активность и ум женщины

позиционировались как положительные характеристики женского пола. В шугнанском же традиционном обществе женщина часто воспринималась как лицо уязвимое, пассивное, не равное мужчине.

Таким образом, очевидно, что и в русской, и в шугнанской культурах женщина противопоставляется мужчине. Женщина и мужчина выполняют различные социальные и семейные роли и имеют различный социальный статус. Традиционно, добро в обеих культурах связано с мужчиной, а зло, наоборот, с женщиной. Также для обеих культур характерен стереотип, согласно которому место мужчины – в обществе, а место женщины – в доме. В обеих культурах наблюдается пренебрежительное отношение к женщинам, репрезентированное в лексике и фразеологии и отражающее наивную картину мира обоих народов. В некоторых фразеологизмах женщине приписывается магическая сила, которую она, по мнению общества, направляет во вред другим людям. Наблюдается в обоих языках смешение концептов женщина и жена, что выражается этимологически и семантически. Так, лексема *женщина* является более поздним образованием в обоих языках. Для русских толковых и этимологических словарей часто характерно отсутствие данной лексемы. Зато и в русском, и в шугнанском языках присутствует лексема *баба/кахой*, имеющая разные оттенки значений: для русского языка это, прежде всего, крестьянская замужняя женщина, имеет пренебрежительный оттенок, в шугнанском языке *кахой* так же имеет негативные коннотации.

Общей для носителей современного русского и современного шугнанского языков оказалась идея равноправия женщины с мужчиной, представление об успешной деловой женщине – сильной, умной, образованной, способной составить конкуренцию мужчине – и в то же время традиционное представление о женщине как хранительнице очага.

Для наивной картины мира обоих народов характерно то, что женщинам приписывается чрезмерная болтливость и слезливость. При этом наиболее характерными отрицательными чертами женщины в шугнанской культуре считаются: злость, жадность, лень, отсутствие ума. В то время как в русской

культуре отрицательными свойствами женской природы являются глупость, отсутствие ума, нелогичность мышления, инфантильность. В шугнанской культуре инфантильность и покорность считаются положительными качествами женщины.

Сопоставление репрезентаций концепта «Женщина» на материале русского и шугнанского языков позволяет сказать, что как русские, так и шугнанские женщины на современной этапе развития общества в равной степени эмансипированы. Освобождаясь от мужской зависимости, они принимают и некоторые мужские качества, что отражается на проявлении таких специфических женских признаков, как женственность, ухоженность, но также и грубость. Они реализуют себя как квалифицированные профессионалы, однако во многих случаях «страдают» традиционные женские роли жены, матери и хранительницы очага.

В числе ценностей как в русском, так и в шугнанском языковом сознании оказываются ключевые концепты культуры, связанные, прежде всего, с семьей – любовь и счастье. Одинаково важны для представителей двух культур морально-нравственные ценности: осуждаются подлость, обман, лживость и корысть, по отношению к людям – злость, безнравственность, аморальность.

Рассмотрение данного концепта позволило сделать вывод о его важности данного для носителей русского и шугнанского языков и высокой степени его стерео типизации, которая находит свое отражение в оценочных номинациях. Представление о женщине, отражающее языковое сознание русских и шугнанцев, существенно не отличается, образ женщины как в русской, так в шугнанской языковых картинах мира положительный. Сопоставление русских и шугнанских фразеологизмов позволило выявить типичные женские черты, существующие в виде стереотипов в культурах двух народов. Сходство отмечено в оценке положения женщины в семье, картине трудовой деятельности и типично женских качеств: слабом интеллекте, эмоциональности, болтливости. В обеих культурах высоко оценивается материнство. Материнские черты женщины во фразеологических системах двух языков предстают как универсальные, главным образом, положительно. Изучение и описание концепта в рамках фразеологического фонда в широком смысле представляется весьма удачным, так

как именно оно дает возможность делать выводы о тех или иных изменениях, которые имели место в обществе, мировоззрении и взглядах. Знания, передающиеся через устойчивые сочетания в русском языке, более детализированы, чем в шугнанском языке. Это объясняется, прежде всего, большим количеством характеристик и концептуальных признаков концепта в русском языке, содержащих вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Устойчивые сочетания принимают активное участие в создании определенных стереотипов, являются эффективными средствами выражения мировосприятия носителей рассматриваемых языков, они отражают сформировавшиеся в национальной традиции представления о месте женщины в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адонина, Л. В. Концепт «Женщина» в русском языковом сознании: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Адонина Лариса Валерьевна. – Воронеж, 2007. – 23 с.
2. Алексеенко, М. А. Концепт «мать» в синхронной динамике языковой картины мира / М. А. Алексеенко // Грани слова: сб. науч. статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 415–422.
3. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко – М.: Academia, 2002. – 392 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности / Н. Ф. Алефиренко // Языковая личность. Текст. Дискурс. Теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2006. – С. 6–10.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – 767 с.
6. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1995. – 1488 с.
7. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в русском и английском языках, и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.20 / Арсентьева Елена Фридриховна. – М., 1993. – 34 с.
8. Арутюнова, Н. Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 7-23.
9. Арутюнова, Н. Д. О движении, заблуждении, восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 3-12.

10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
11. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
12. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии, и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52-58.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
14. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 396 с.
15. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.
16. Бочарова, М. А. Семантическое поле «как способ системного описания лексики» / М. А. Бочарова. // – Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность». – 2012. – № 4. – С. 63-67.
17. Брандт, Г. А. Природа женщины / Г. А. Брандт. – Екатеринбург: Урал Наука, 1999. – 154 с.
18. Броимшоева, М. К. Поверья и убеждения в шугнанском и рушанском языках: этнолингвистический анализ / М. К. Броимшоева. – Душанбе, 2012. – 191 с.
19. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
20. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
21. Верещагин, Е. М. Язык и Культура: Лингвострановедение в преподавании языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 248 с.
22. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

23. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
24. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
25. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2006. – 331 с.; Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
26. Воробьев, В. В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении / В. В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур. – М.: Гос. ин-т русс. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. – 243 с.
27. Голованивская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Голованивская. – М., 1997. – 361 с.
28. Гулова, З. А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлиддиновна. – Душанбе, 2013. – 25 с.
29. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер с нем. яз; под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
30. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С.189-201.
31. Гуревич, А. Я. Категория средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
32. Гуревич, А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М.: Наука, 1989. – С. 75-89.
33. Давлатмирова, М. Б. Отражение национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана / М.Б.

- Давлатмирова, Д. М. Искандарова, Н.И. Каримова // Вопросы когнитивной лингвистики. –Тамбов, 2016. – №4. – С.78-84.
34. Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано – рушанской группы языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 42 с.
35. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // ВЯ. – 1994. – №4. – С.17-33.
36. Додыхудоева, Л. Р. Языковая картина мира народов Западного Памира: Традиционный дом / Л. Р. Додыхудоева // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. – М., 2013. – №3. – С.179-192.
37. Ерофеева, Л. А. Метафорические репрезентации доминантных концептов в поэтической картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ерофеева Лариса Анатольевна. – Саратов, 2007. – 253 с.
38. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика / Т. В. Жеребило // Словарь-справочник. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
39. Жинкин, Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – М., 1958. – 370 с.
40. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество. – М., 1998. – С.146-162.
41. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М., 1982. – 159 с.
42. Залевская, А. А. Ментальный лексикон с позиций разных подходов / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово и текст: Избранные труды. – М., 2005. – 543 с.
43. Залевская, А. А. Образ мира vs «языковая картина мира» / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование»

- (21–24 апреля 2003 г., Курск); ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 41-47.
44. Имомзода, М. М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Имомзода Махина Мухаммадюсуф. – Душанбе, 2017. – 26 с.
45. Каландаров, Т. С. Шугнанцы / Т. С. Каландаров. – М., 2004. – 478 с.
46. Карамшоев, Д. Баджувский диалект шугнанского языка / Д. Карамшоев. – Душанбе, 1963. – 366 с.
47. Карамшоев, Д. Проблема категории рода в памирских языках / Д. Карамшоев. – М., 1986 – 356 с.
48. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
49. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
50. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
51. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: «Наука», 1976. – 356 с.
52. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу: автореф дис. ... филол. наук: 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – 1994. – №5. – 90 с.
53. Кибрик, А. Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. – М.: ЯСК, 2015 С. 29—59.
54. Кибрик, А. А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 61-69.
55. Клименкова, Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России / Т. А. Клименкова. – М.: Преображение, 1996. – 155 с.
56. Клоков, В. Т. Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. / В. Т. Клоков // Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 60-67.

57. Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч. 1-2: Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2000. – 226 с.
58. Колесов, В. В. Концептология: учеб. пособие для вузов / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 248 с.
59. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М., 2003. – 349 с.
60. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
61. Красных, В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В. В. Красных // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 60-66.
62. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
63. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
64. Кубрякова, Е. С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 416 с.
65. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 203 с.
66. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6-17.
67. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
68. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Ин-т яз-ния РАН, 1997. – 560 с.

69. Кузнецова, С. В., Михайлова, О.А. Предикатные компоненты семантики глагола / С. В. Кузнецова, О.А. Михайлова // Семантика слова и синтаксические конструкции. – Воронеж: ВГУ, 1987.
70. Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – Вып. 4. – 203 с.
71. Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1993. – 173 с.
72. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 320 с.
73. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода//Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Вып. 1. – Архангельск, 1977. – С. 11-35.
74. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Лю Бо. – Владивосток, 2010. – 26 с.
75. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2017. – 296 с.
76. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
77. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
78. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В. А. Маслова – М.: Академия, 2001. – 208 с.
79. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 202 с.
80. Махсутшоева, Н. М. Лексическая объективация концепта «Женщина» в шугнанском и русском языках (слова, репрезентирующие некровное родство) / Н. М. Махсутшоева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – № 2 (74). – С. 209-216.

81. Махсутшоева, Н. М. Лексическая объективация концепта «Женщина» по типу родственных отношений в шугнанском и русском языках / Н. М. Махсутшоева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №4 (72). – С. 186-192.
82. Махсутшоева, Н. М. Национально-культурная специфика концепта «Женщина» (на материале устойчивых сочетаний шугнанского языка) / Н. М. Махсутшоева // Вестник университета (Российско-Таджикский Славянский Университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – № 3-4 (75). – С. 300-307.
83. Махсутшоева, Н. М. Отражение концепта «Женщина» во фразеологической системе русского языка / Н. М. Махсутшоева // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: ТНУ, 2022. – № 6. – С. 139-143.
84. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – М.: Наука, 1977. – 300 с.
85. Морковин, В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковин, А. В. Морковина. – М., 1996. – 415 с.
86. Новикова, Н. А. Фразеологические единицы с концептом «жизнь» в дискурсе культуры (этический аспект) / Н. А. Новикова // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М., 2004. – С. 234-240.
87. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
88. Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Ин-т востоков. РАН, 2006. – 272 с.
89. Пахалина, Т. Н. Памирские языки / Т. Н. Пахалина. – М.: Наука, 1969. – 163 с.
90. Петров, В. В. Структуры значения: логический анализ / В. В. Петров. – Новосибирск, 1979. – 140 с.
91. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 174 с.
92. Пименова, М. В. Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке / М. В. Пименова. – 2 – е изд., стер. – М.: Флинта, 2015. – 376 с.

93. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: уч. Пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева: ГОУ ВПО «Кемер. гос. ун-т». – Кемерово: Кузбассвуизд, 2006. – 179 с.
94. Пименова, М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 83-90.
95. Подвигина, Н. Б. Языковая картина мира / Н. Б. Подвигина // Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Вып. 5. – С. 63-67.
96. Попова, З. Д. Общее языкознание: учеб. пособие для университетов / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 2004. – 208 с.
97. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 249 с.
98. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 31 с.
99. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – изд. 2 – е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
100. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
101. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.
102. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
103. Рублева, О. Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. / О. Л. Рублева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – 166 с.

104. Сабитова, З. К. Лингвокультурология: учебник. / З. К. Сабитова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. – 187 с.
105. Светоносова, Т. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия / Т. А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. трудов / МГИМО(У) МИД России; отв. ред. Г.И. Гладков. – М., 2007. – № 27 (42). – С. 39-46.
106. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Универс, 1993. – 656 с.
107. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.
108. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М.: 2011. – 256 с.
109. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 44 с.
110. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 125 с.
111. Смирнова, О. М. К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова / Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 247-253.
112. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 272 с.
113. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
114. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
115. Стернин, И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии / И. А. Стернин // Лингвоконцептология. – Воронеж, 2008. – Вып. 1. – С. 8-20.

116. Стернин, И. А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов. 2005. – С. 257-282.
117. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / Е. А. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 16–19.
118. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999., – С. 13-24.
119. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
120. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры / В. Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.
121. Филология и культура: матер. III междунар. науч. конф. Части 1-3. – Тамбов, 2001.
122. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – Москва: Наука, 1982. – 336 с.
123. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – 366 с.
124. Хачмафова, З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Хачмафова Зайнета Руслановна. – Ставрополь, 2011. – 45 с.
125. Чибышева, О. А. Концепт «Женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чибышева Ольга Анатольевна. – Челябинск, 2005. – 24 с.
126. Шамбезода, Х. Дж. Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении); автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Шамбезода Хусрав Джамшедович. – Воронеж, 2007. – 46 с.

127. Шамбезода, Х. Дж. Языковая ситуация в Горном Бадахшане: проблемы и перспективы: монография / Х. Дж. Шамбезода. – Душанбе, 1999. – 116 с.
128. Шафиков, С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. / С. Г. Шафиков. –Уфа: Башк. ун-т, 1999. – 88 с.
129. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике. / Г. С. Щур. –М.: Наука, 1974. –254 с.
130. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М., 1994. – 344 с.
131. Jackendoff, R. Semantics and cognition. – Cambridge (Mass.), 1993. – 400 p.
132. Jackendoff, R. S. Semantics and Cognition. Cambridge / R. S. Jackendoff. – 6th.Ed. – MIT Press, 1990. – 354 p.

Справочные издания

133. Ашукин, Н. С. Крылатые слова. / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Худ. лит-ра, 1987. – 528 с.
134. Барих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Барих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – 228 с.
135. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1988.
136. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. Т. 1. / В. И. Даль; вступ. слово М. Шолохова. – М.: Худож. лит., 1984. – 383 с.
137. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. Т.2 / В. И. Даль; послесл. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
138. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. –М., 1993. – 399 с.
139. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – 1084 с.
140. Жигулев, А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – М.: 1965. – 360 с.
141. Жуков, А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 443 с.
142. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь / Д. Карамшоев. – М.: Наука, 1988. – Т. I. – 576 с.; Т. II. – 614 с.; Т. III. – 568 с.

143. Кожевников, А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка / А. Ю. Кожевников. – СПб.: Нева, 2003. – 448 с.
144. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. – 245 с.
145. Мокиенко, В. М. Никитина П. Г. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, П. Г. Никитина. – СПб: Норинт, 2001. – 720 с.
146. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
147. Молотков, А. И. Словарь русских пословиц и поговорок / А. И. Молотков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
148. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.
149. Морковкин, В. В. Словарь сочетаемости слов русского языка / В. В. Морковкин. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
150. Прохоров, А. М. Большой энциклопедический словарь / гл. ред.: А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб.: Большая Рос. Энцикл.; Норинт, 1997. – 1456 с.
151. Раковский, М. Пословицы, поговорки и мудрые мысли / М. Раковский; под ред. Т. Гольц. – Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1969. – 344 с.
152. Селиванов, Ф. Русские пословицы и поговорки / Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин; под ред. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
153. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / В. Н. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-Пресс, 2006. – 784 с.
154. Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломов. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. – 334 с.
155. Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь русского языка: в 2 т./ сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – М.: Высшая школа, 2003. – 7336 с.

156. Ушаков, Д. И. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. И. Ушаков. – М.: «Альта-Принт», 2007. – С. 1239.
157. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 627 с.
158. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2т. / сост. А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. –Т. 1. – 391 с.; Т. 2. – 396 с.
159. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка XVIII– XX вв. / сост. А. И. Федоров. – Т. 2. –1991. – Т. 2. – 7000 фраз. ед.
160. Чонбобоев, Н. Советы и мудрость народов Бадахшана / Н. Чонбобоев. – Хорог, 2012. – 113 с.
161. Шакармамадов, Н. Фольклор Памира. Мифы, легенды и сказания: в 3т.Т. 2. / Н. Шакармамадов. – Душанбе: Изд-во «Империал групп», 2005. – 431 с.
162. Шакармамадов, Н. Фольклор народов Памира. Пословицы и поговорки населения Шугнана и Рушана / Н. Шакармамадов. – Душанбе: Изд.-во «Дониш», 1992. –Т.1. – 353 с.
163. Шохназар, М. Краткий словарь фразеологизмов шугнанского языка и их эквиваленты на русском языке / М. Шохназар, И. Каримова. – Хорог, 2014. – 280 с.

Электронные ресурсы

164. Корпус шугнанского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Pamiri online>
165. Костин, А. В. Лингвокультурологический подход к изучению языка. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / А. В. Костин. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1636281/page:2/>
166. Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (шугнанский) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
167. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru>